

БЕРЕГ РУССКИХ КОЛУМБОВ

• ПОХОД «ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА» • ПЕРВОЕ РУССКОЕ
ПОСЕЛЕНИЕ • МОРСКОЙ ПУТЬ НА КАМЧАТКУ •
ПЕРВОГРАД НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ •
АРГОНАВТЫ ВОСТОЧНЫХ МОРЕЙ • «ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ» ПРОШЛОГО •

Запах водорослей, разбавленный хвойным ароматом тайги, – первое, что ощущаешь в этом месте на берегу студеного Охотского моря.

Когда летишь на самолете, с высоты открывается удивительная панорама. Земля горбится сопками, лохматится щетками тайги, дыбится черными гребнями гор. Встретившись с морем, она обрывается в воду отвесными скалами, падает белыми нитями водопадов, врезается в пучину волн извилистыми лентами рек.

Охотское море. Охота-река. Охотск...

Длинная песчано-галечниковая коса. По одну сторону – море, по другую – лагуна, которую образует общее устье рек Кухтуя и Охоты. А на косе – приземистые дома, порталные краны, цеха рыбозавода – поселок в окружении воды. Он словно демонстрирует своим видом, что вся его жизнь связана с морем.

Хожу по кромке косы, вглядываюсь в окрестности гор, вслушиваюсь в рокот прибоя! Что привело меня сюда? Что скрывается здесь таинственного, необычного? Почему так трепетно бьется сердце здесь, на краю земли, у этой кромки моря?

Потому что это – Берг Русских Колумбов!

Иван Москвитин и Василий Поярков, Владимир Атласов и Иван Козыревский, Витус Беринг и Алексей Чириков, Гавриил Сарычев и Геннадий Невельской, Григорий Шелихов и Александр Баранов... Землепроходцы, мореплаватели, исследователи, промышленники, купцы...

Имена, имена... И события, ставшие яркими страницами истории Отечества!

Охотск – первоград на Дальнем Востоке. Два века горел он на небосводе русской истории звездой первой величины. Сюда стекались «служилые и промышленные люди», научные экспедиции. Здесь готовились к дальним походам. Отсюда уходили на восток, на поиски новых земель, прокладывали морские пути на Камчатку, Курилы, Командорские и Алеутские острова, к берегам Северной Америки. И сюда же возвращались, доставляя вести об открытых землях и народах, о богатстве за океаном.

Смотрю на волны, которые одна за другой атакуют берег, и вижу другие волны — истории, что выплывают из далей времени, будоражат память.

Три с половиной века назад, осенью 1639 года сюда, к «Большому морю-окияну» первыми из россиян вышли Иван Москвитин и тридцать его товарищей – томских и красноярских казаков. По

нехоженым тропам сквозь тайгу, по рекам на «дощаниках и стругах», волоком через горный перевал пробирались они к Ламе (море). В пути голодали, «идучи кормились деревом, травой и кореньем». Можно представить радость измученных походом людей, когда они достигли желанной цели. Стояли на берегу, где кончилась земля, а перед ними до самого горизонта перекачивались волны...

В устье реки Уля казаки поставили «зимовье с острожком». Это было первое русское поселение на далеком берегу среди стойбищ тунгусов (эвенов), служившее потом приютом для многих отрядов землепроходцев.

Экспедиция Географического общества под руководством кандидата исторических наук В. А. Тураева из Хабаровска, совершившая по следам москвитинцев, уточнила ряд подробностей исторического маршрута. Выйдя к морю, казаки на речной ладье отправились вдоль побережья моря. Случилось это на «Покров богородицы». Экспедиция установила дату этого плавания – 11 октября по новому стилю 1639 года. С него, считает В. А. Тураев, началась история тихоокеанского мореходства.

Казаки дошли до реки, которую местные племена эвенов называли Охат или Окат, что означало Большая река. Они стали именовать ее на русский лад Охотой – так было привычней. Тем более, что рядом простиралась охотничья угодья.

Участники похода собирали сведения о крае, о племенах, их занятии, о богатствах побережья и тайги. «А в верх по той реке Охоте живут люди оленные..., – сообщали москвитинцы, – ...На ту реку приходят многие для корму рыбново, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150 и на той реке люди воисты, боем своим жестоки».

Сведения поражают точностью: «А те де реки собольные, зверя всякого много, и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбуня; столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь...»

В одном из документов говорится, что казаки «видели устье Амура через песчаную косу, называемую кошкой». Некоторые ученые полагают, что они побывали и на Шантарских островах. К сожалению, известны не все имена участников похода. На памятнике, установленном возле реки Уля, указаны фамилии 14 человек из 31 бывшего в составе отряда.

Следом за москвитинцами потянулись проведывать новые земли другие отряды казаков. Летом 1645 года вышел на Амур и совершил по нему плавание отряд Василия Пояркова. Затем он перешел в море и продолжил одиссею вдоль побережья, собрав сведения об Амуре, Сахалине, Шантарских островах.

А в мае 1647 года по проложенному следу вышел на ту же речку Уля отряд якутского десятника Семена Шелковника. Отдохнув, казаки на кочах отправились морем к северу. Достигнув реки Охоты с намытой в устье косой, зашли в нее. Низменный участок побережья, широкая пойма, обилие рыбы, недалеко лесные угодья. Наметанным житейским взглядом казаки оценили удобное

для жилья и сбора ясака место. И в трех верстах выше устья реки заложили острог из бревен лиственниц.

Летом 1648 года Семен Шелковник послал морем на двух кочах отряд из 26 человек во главе с Алексеем Филипповым обследовать побережье. Казаки останавливались в устьях рек. Отбивались от нападения местных племен. Через месяц достигли Тауйской губы и остановились. Три года собирали ясак с местных жителей, совершали походы вдоль побережья. И создали «Роспись» – своеобразную лоцию. О том, что они в ней сообщали, лучше всего говорит само название: «Роспись от Охоты реки морем итти подле земли до Ини и до Мотыклея реки и каковы где места, и сколько где ходу и где каковы реки, и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах».

А с севера прошел вдоль берега по морю казачий десятник Михаил Стадучин, спустившись по Пенжине реке. И на карте одновременно с названием моря – Ламское (против устья реки Охоты), северная часть его стала называться морем Пенжинским. И только в семидесятых-восемидесятых годах XVIII столетия утвердилось единое название моря – Охотское.

Поход Владимира Атласова в 1697–1698 годах окончательно присоединил Камчатку к России. На полуострове казаки заложили остроги, собирали у местных жителей ясак – собольи меха и другую пушнину. И отправляли ее в Якутск. Путь пролегал через Анадырский острог. Шли на собаках и оленях зимой, сплавлялись по рекам. Полгода проходило, пока добирались до цели. Но часто и не добирались, не довозили «соболиную казну», гибли в пути от болезней и несчастных случаев, в стычках с местными племенами. С 1703 по 1716 год, как пишет Крашенинников, на этом пути погибло около 200 человек – потери по тем временам внушительные.

А нельзя ли отыскать более удобный и безопасный путь?

В 1710 году якутскому воеводе последовала инструкция сибирского губернатора Гагарина «с Ламы проведывать чрез море путь на Камчатку». В плавание был отправлен охотский приказчик Петр Гуторов. На батах. Наверное, считали: прошел же с севера морем Михаил Стадучин? Но попытка потерпела неудачу. На батах-однодеревках да без приборов «покорить море» было делом явно несерьезным.

Но вопрос о проведывании морского пути на Камчатку был столь актуальным, что мысль об этом зрела и в столице. В 1713 году Петр I отправил в Сибирь об этом приказ губернатору Гагарину, для чего повелевал построить в Охотске необходимое судно и обеспечить приборами и снаряжением.

Посланный для этих целей боярский сын Иван Сорокоумов из Якутска выполнять «наказную память» не спешил. В Охотске он вместо дела «предался пьянству и грабежам».

Не рассчитывая только на силу приказа, Петр I позаботился о помощи – были посланы опытные мореходы и умелые кораблестроители из Архангельска. В Тобольск прибыли Никифор Треска, Кондратий Мошков, Яков Невейцын и Иван Бутин. Имея еще один приказ от царя, на этот

раз более строгий, губернатор сам занялся организацией экспедиции. К мореходам подключились сибирские плотники, опытный матрос Генрих (Андрей) Буш, голландец, воевавший на стороне шведов и попавший в плен. А возглавить экспедицию жребий выпал на казачьего пятидесятника из Якутска Кузьму Соколова. Именно выпал, поскольку новая обязанность свалилась ему на голову неожиданно-негаданно, всего лишь из-за неосторожного слова. Вот что пишет Степан Крашенинников: «Помянутый Соколов, будучи в Тобольске..., в пьянстве похвалился у князя Гагарина, что он де может с Ламы на Камчатку судном пройти. И как на другой день о том допрашивай, помнит ли он, что он говорил и правда ли, что он может судном пройти на Камчатку, убоился за ложную похвалу штрафа и нехотя объявил, что может».

К чести Соколова, оказался он человеком энергичным. В мае 1714 года мореходы прибыли в Охотск (Мошков и Бутин сначала были посланы на Восточно-Сибирское море), а ровно через два года судно было спущено на воду. Оно было сделано наподобие русских лодий, на которых ходили по северным морям архангельские мореходы. Получилось оно добротным – 18 метров в длину, шесть в ширину. Корпус имел яйцевидную форму – во льдах он выжимался кверху. Мачта вооружалась одним прямым парусом. Корабль мог везти до трехсот пудов груза. Назвали его «Восток». Это было первое морское судно, построенное в Охотске.

Летом 1716 года экспедиция под руководством Кузьмы Соколова вышла в море. Вел лодию кормщик (штурман) Никифор Треска. В экипаже находились Яков Невейцын, Генрих Буш, плотник Варфоломей Федоров и 21 казак во главе с Михаилом Кривоносовым.

В «наказной памяти» участникам похода обещались награды, а за неисполнение приказа предписывалось суровое наказание. «А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей или, нехотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения возвратитесь, и за то вам, по указу великого государя, быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады».

Идти возле берега было рискованно, нужен был точный расчет: при шторме могло выбросить на скалы, но зато позволяло ориентироваться по мысам и скалам.

Дошли до Тауйской губы, примерно до места нынешнего Магадана. И тут разыгравшийся шторм и сильный ветер послужили толчком к изменению курса. Подхватив парус, ветер потащил лодию в открытое море. Никифор Треска не растерялся, по компасу сориентировался и повел корабль курсом на восток. Попутный ветер подгонял судно. И о удача – показались скалистые берега. Специалисты считают, что мореплаватели вышли к мысу Утхолок недалеко от устья реки Тигиль. Но о высадке нечего было и помышлять – у берега бушевал сильный прибой.

Пока выжидали, прикидывали, что делать, случилось непредвиденное: внезапно переменился ветер и погнал лодию снова в море, но теперь уже в противоположную от Камчатки сторону. И пригнал почти в то же место, откуда ее унесло в море. Пришлось бросить якорь, отстояться, переждать шторм. Исправив поврежденное снаряжение и выждав погоду, снова подняли парус.

Теперь мореплавателей питала уверенность – Камчатка в нескольких сутках перехода.

Подошли к устью реки Тигиль, высадились на берег. Но никого там не обнаружили – юрты стояли пустые, очевидно, жители, испугавшись, куда-то попрятались. Мореходы вернулись на корабль и пошли вдоль берега, отыскивая удобные бухты, устья рек, в которые можно зайти. Река Хайрюзова, Ича... Людей не было видно. И только на берегу реки Крутогорово вдаль увидели «камчадалскую девку», которая собирала коренья трав и пищу. Устроили на нее облаву, боясь, что скроется. Но «девка» не думала убегать. Из разговора удалось понять: недалеко живут русские. Она и привела мореплавателей в селение. Там они и встретились с казаками, собиравшими ясак.

Зиму решили провести на Камчатке. Рассчитывали дойти до Большерецкого острога, но помешал шторм. Завели судно в реку Колпаково, построили на берегу зимовье. А Кузьма Соколов с группой бывалых казаков отправился в Нижне-Камчатск по важному делу – надо было сместить управителя Александра Петриловского. Казаки порассказали такое, что оставлять его – значило «государевой пользе вредить». Без меры притеснял он и местных жителей, и своих казаков. Грабил, применял жесточайшие пытки, ради пушнины готов был на все. Петриловского арестовали, изъяв у него «кроме многого числа собольих и лисьих шуб, одной мягкой рухляди более 140 соболей, около 2000 лисиц, 207 бобров, да 169 выдр».

В мае 1717 года Соколов и Треска повели лодию к охотскому берегу. Рановато вышли – в море было много льда. На четвертый день оказались в ловушке – кругом был сплошной лед. Пять недель дрейфовали. Все время висела опасность: вот-вот раздавит хрупкое суденышко. Подошли к концу съестные припасы. Хорошо на льдины вылазили отдыхать нерпы, иногда удавалось добывать их. Наконец, ветер переменялся, появились разводья.

Выбравшись на чистую воду, лодия под парусом устремилась к берегу. И достигнув его, участники похода высадились – надо было отдохнуть и запастись пищей. В устье первой попавшейся речки наловили рыбы и насытились вволю.

8 июля 1717 года бросили якорь в Охотске.

Плавание на Камчатку и обратно завершилось. Морской путь проведан. Привезли ясачный сбор – пушнину. Не потеряно ни одного человека. Все пункты задания выполнены.

Кузьма Соколов поспешил с донесением в Якутск, где неожиданно скончался.

С открытием морского пути на Камчатку разрешались важные проблемы, надежнее становилась связь с полуостровом. Но значение этого события гораздо шире. Было положено начало мореплаванию в восточных морях, что привело к великим географическим открытиям, расширению знаний о землях на стыке Азии и Америки. Охотск же благодаря этому превращался из острога в порт.

Если на первое плавание от Охотска до Камчатки ушло более трех месяцев, то следующий рейс Н. Треска совершил за десять дней. Сначала «перевоз за море» осуществлялся один раз в

году, осенью, когда отправлялись сборщики ясака. Судно зимовало на реке Большой возле Большерецка, а на следующий год возвращалось. Но со временем рейсы стали осуществляться чаще, по мере надобности.

«Перевозных судов в бытность мою там было четыре, а имянно: «Фортуна», на которой я в 1737 году переехал на Большую реку, в которой в то же время разбило, бот «Гавриил», которой и в дальние морские вояжи несколько времени употреблен был, галиот «Охотск» и небольшое судно, которое на воду еще не спущено было», – писал С. Крашенинников.

«Востока» к этому времени уже не было в списках судов. Его разобрали в 1728 году, чтобы использовать железные части для строительства корабля Беринга. Но ладья 12 лет хорошо служила мореходам. Никифор Треска ходил на ней много раз на Камчатку. Вместе с другом он усовершенствовал корабль и совершил на нем плавание к Курильским островам. Позже участвовал в подготовке экспедиции Беринга. По сведениям историков, Н. Треска еще в ноябре 1739 года числился в списках отряда Шпанберга, ходившего к берегам Японии. А после оставался на службе при портовом управлении.

«Треска принадлежит к тем людям, которые должны по праву стоять в одном ряду с Москвитиним, Поярковым, Стадухиным, Хабаровым, Дежневым. На протяжении свыше двух десятков лет он каждую навигацию уходил в море, участвовал во многих, если не сказать во всех экспедициях того времени, выходящих из Охотска. В Охотске у него был собственный дом на южной части Охотской кошки, выходящей к морю, здесь он и жил все прями, пока пылал на берегу. Надо полагать, что была и семья» – замечает историк А. И. Алексеев.

Среди мореходов в походах участвовали и друзья Трески – Яком Новейцын, Генрих Буш, а также вернувшиеся с севера Мошков и Бутин. Последних Беринг взял в свою команду в 1727 году.

Под управлением Кондратия Мошкова на «Востоке» в 1720 году геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин совершили плавание на Курильские острова и сделали их описание. На шитике «Фортуна» Мошков доставил снаряжение для первой экспедиции Беринга в Нижне-Камчатск, впервые обогнув мыс Лопатку – южную оконечность Камчатки. Там он перешел на борт построенного бота «Святой Гавриил» и вместе с Берингом отправился на север для выяснения вопроса: есть ли пролив между Азией и Америкой? А летом 1732 года на этом же боте участвовал в экспедиции геодезиста Михаила Гвоздева и подштурмана Ивана Федорова, побывавшей в проливе, у берегов Аляски в районе нынешнего мыса Принца Уэльского.

Тридцать лет провел на море и Иван Бутин. 11 сентября 1743 года он попросил уволить его со службы. Но через восемь лет, несмотря на свой солидный возраст, соблазнулся уговорами купца Трапезникова и повел судно «Борис и Глеб» на промысел морских зверей к Алеутской гряде, где обнаружили неизвестный остров Атху. Ныне в селе Запорожье на камчатском берегу Охотского моря живут семьи рыбаков Бутиных – потомки то ли по прямой линии морехода, то ли крестников-аборигенов, получивших от него эту фамилию. Во всяком случае история хранит

память о династии Бутиных.

Северные поморы были первыми российскими аргонавтами восточных морей. Они проложили курсы на Камчатку и Чукотку, к Курильским, Командорским и Алеутским островам, к берегам Америки. Поражают слова Мошкова и Бутина в рапорте, адресованном Берингу по поводу жалованья, которое не платили им несколько лет. В конце рапорта они, словно извиняясь, пишут: «...а об оном жаловании просить было некогда...»

Просить было некогда... Не о деньгах думали мореходы, не о личном благе заботились. Ходили в суровые океанские просторы, открывали новые земли, бескорыстно и честно служили Отечеству.

Рождение и судьбу города определяют не только географическое положение, но и потребности времени, зигзаги истории.

Охотск заявил о себе опорной базой со времени открытия морского пути на Камчатку. Первая экспедиция Витуса Беринга закрепила его положение. На песчано-галечниковой косе в устье реки Охоты образовалось селение, появились портовые сооружения.

Указом правительства от 10 мая 1731 года Охотск официально объявлялся портовым городом. Первым командиром порта был назначен Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, бывший директор Морской Академии и обер-прокурор сената, сосланный в Сибирь за участие в заговоре против Меншикова. В указе ему предписывалось: «Приехав в Охотск, иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножить, и хлеб завезть, и пристань с малою судовой верфию, также несколько мелких судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купеческих людей с товарами и для других потреб сделать, дабы оное, яко новое место с добрым порядком к пользе и прибыли государственной при-, ведено было».

В сферу действия командира входила и Камчатка – надо было следить и за содержанием острогов, и за работой приказчиков по сбору ясака, и доставлять товары на полуостров.

С началом создания Второй Камчатской экспедиции – а это была величайшая экспедиция! – Охотск стал базой по организации ее работы.

Жизнь оживилась. В таежных лесах заготавливались лиственница и по рекам сплавлялась к местам строек. На косе появились здания и склады экспедиции. Задымили смолокурни. Застучали топоры. На верфях-плотбищах закладывались корабли. Открылись солеварни. В год из морской воды вываривали две тысячи пудов соли. Ее развозили жителям Охотского побережья, в Петропавловскую гавань, Нижне-Камчатск, Большерецк.

Появились кирпичный завод и «навигатская школа» для подготовки мореходов. Расширилось поселение. Были сооружены магистрат с городским гербом на фасаде, изображением двух якорей и морского штандарта, казармы, мастерские, лавки, деревянная церковь. Город «в нынешнее состояние приведен при господах командирах Скорнякове-Писареве и покойном графе Девиере.

Постройки в Охотске лучше, чем в других острогах. Дома большей частью хорошие и поставлены в одну линию», – писал Крашенинников.

В июне 1740 года были спущены на воду два пакетбота «Святой Петр» и «Святой Павел». Осенью под командованием Витуса Беринга и Алексея Чирикова они ушли в Петропавловск, откуда на следующий год отправились на поиски берегов Северной Америки. А возвратившись, привезли сведения о новых землях, богатых пушным морским зверем. В Охотск потянулись купцы, предприниматели. По их заказам корабельные мастера строили суда. С 1714 по 1850 год здесь было построено более шестидесяти судов различных типов – бриги и галиоты, бригантины и шхуны, дубель-шлюпки, катера, боты... Строились и промысловые, и торговые, и военные корабли. Охотск по праву считается колыбелью Тихоокеанского флота.

«Я вижу умными очами, Колумб Российский между льдами спешит и презирает рок...» – писал Михаил Ломоносов, восхищаясь делами соотечественников. Охотск стал отправным пунктом многих экспедиций и морских походов. Отсюда в 1768 году отправилась экспедиция Петра Креницына и Михаила Левашева, сделавшая описание островов Алеутской гряды. Отсюда к берегам Аляски уходил в 1783 году купец Григорий Шелихов, которому суждено было вписать яркую главу в летопись освоения Русской Америки – основать первое постоянное русское поселение и крепость на острове Кадьяк, заложить основы для создания компании по освоению богатств в северной части Тихого океана. Замыслы Шелихова пришлось продолжать Александру Баранову. В 1799 году была создана Российско-Американская компания. Русские люди обосновались на многих островах и побережье Аляски вплоть до Калифорнии. Снабжение их многие годы велось через Охотск.

Жизнь охотчан на косе, на пороге студеного и коварного моря доставляла много неудобств, хлопот, а порой и опасностей. Сильные приливы и отливы, штормы, наводнения размывали косу, меняли русла реки, временами гибли люди, повреждали строения. Город приходилось переносить с места на место. За два столетия город и порт с десятков раз кочевал с берега на берег.

Но вот 2 декабря 1849 года последовало высочайшее повеление: порт из Охотска перенести в Петропавловскую гавань, Этого требовали главным образом интересы защиты восточных рубежей. И жизнь в Охотске стала замирать, а после продажи Аляски Соединенным Штатам город и вовсе зачах.

Хожу по улицам, ищу приметы давней жизни, пытаюсь найти следы былого. Должно же что-то сохраниться от тех времен!..

– Увы, ничего, – говорят мне коллеги-журналисты из местной газеты Виктор Белоусов и Борис Исаев. – Город много раз переносился из-за коварства моря и наводнений. К тому же деревянные постройки на берегу моря долго не живут – туманы, сырость... Пожалуй, только погода да море остались такими же коварными, как и прежде.

В коварстве погоды я и сам убедился. Я прилетел в Охотск в начале октября и не успел

оглядеться, как грянул циклон. На улицах бушевала пурга, ветер рвал провода, накатывали волны ошалело бились у пирса рыбозавода.

Море здесь часто атакует берег. Год назад смыло засольный цех рыбозавода. Волны катали по земле огромные чаны как детские игрушки. Сейчас среди специалистов идут дискуссии: как защитить косу от размыва?

Внешне в облике поселка ничто не напоминает о давних временах – обычный административный центр района. Жизнь людей по-прежнему связана с морем – с промыслом и переработкой рыбы, возрождением запасов охотской сельди, приемом грузов, доставленных кораблями для поселка.

История жива на этом берегу в памяти людей. Рассказы о славных делах предков – мореходах, землепроходцах, исследователях не сходят со страниц местной газеты. Свидетели прошлого – предметы и вещи, дошедшие с тех времен, собраны в краеведческом музее.

...Директор музея Евгений Федорович Мороков ведет меня от стенда к стенду, знакомит с прошлым охотского края, историческими реликвиями.

Вот чугунная пушка времен командора Беринга. Ядра. Корабельные гвозди, ковавшиеся в кузницах. Верстовой столб с Охотско-Якутского тракта с отметкой: 17-я верста от станции Юдома-Крестовская. В экспозиции – вещи казаков и мореходов, их вооружение – ружья, пищали, морской кортик с элементами герба на одной стороне и надписью на другой: «1778 год марта 1-го жалован от канцелярии Охоцкого порта за верной и исправной принос в казну ясака». А вот предметы такелажа парусных кораблей. Набор судовых колоколов. И среди этого набора морских реликвий – монеты...

Это море поставляет, – говорит Евгений Федорович. – Вот монета 1707 года. Серебряный рубль, имевший хождение при Екатерине II. А это «сибирская деньга» 1748 года. У берега много затонувших судов. До сих пор волны вымывают и русские, и иностранные монеты – филиппинские, испанские, немецкие...

Сюрпризы преподносит и берег. Прокладывая дорогу на окраине поселка, бульдозер выворотил однажды кувшин с кладом – 60 монет XVIII века! Моряки уходили в дальние рейсы, деньги хранить было негде, кое-кто доверял их земле, закапывая до возвращения. Но, случалось, из похода не возвращался и клад оставался невостребованным.

А это что за «сувениры» с фирменными знаками?

Пломбы торговых судов и компаний...

На одной из них читаю: «Кадьяк и Ситха». Надпись возвращает к временам Российско-Американской компании, сыгравшей огромную роль в освоении новых земель, развитии торговли.

Евгений Федорович ведет меня в зал, где во всю стену висит деревянное панно. Художники изобразили на нем карту от Охотского побережья до Америки. В центре панно – портрет коман-

дора Беринга. В обрамлении – якорь парусника, связки канатов, штурвал, корабельные лампы-горелки, колокола. Пунктирные линии наглядно показывают важнейшие маршруты походов землепроходцев и мореплавателей.

...Беру в руки старинный корабельный колокол. Легкий удар пробуждает дремавшие звуки. Бом-м-м! Голос так же чист и звонок, как и во времена парусников. Он возвращает к русским Колумбам, что шли «встречь солнца», бороздили суровые океанские просторы и открывали новые земли. Нельзя не восхищаться их мужеством, силой духа, предприимчивостью и смекалкой. Слава им!

ОТКУДА У КАМЧАТКИ ИМЯ?

• ЗАГАДОЧНОЕ НАЗВАНИЕ • МНЕНИЕ СТЕПАНА КРАШЕНИННИКОВА • БЫЛ ЛИ ВОИН КОНЧАТ? • ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА • ХОДИЛ ЛИ ИВАН КАМЧАТОЙ НА КАМЧАТКУ? • КАМЧАЛЬО, КАМЧАЛЪЫН – ЛОХМАТЫЕ, КУДРЯВЫЕ •

Название «Камчатка» с момента своего рождения таит загадочность.

Впервые оно появилось на «Общем чертеже Сибири» в 1667 году. Над рекой, впадающей в океан, стоит надпись: Камчатка. А на «Чертеже всех сибирских городов и земель» 1698 года изображена не только река, но и обозначен большой «Остров Камчатой». После похода Владимира Атласова, собравшего многочисленные сведения о новой земле на северо-востоке, известный сибирский картограф С. У. Ремезов создал «Чертеж вновь Камчадалския земли и моря» (1700 г.). На нем впервые Камчатка приобрела вид полуострова. В описях к другим картам говорилось, что живут на реке «неясашные камчадалы»...

Камчатка, камчадалы... Откуда такие названия? Что они означают? Кто дал имя полуострову на краю света?

Споры вокруг этих названий продолжаются вот уже два с половиной века.

Впервые интерес к ним отчетливо проявился во время Второй Камчатской экспедиции. Известный историк Сибири академик Герард Миллер, прибывший в Якутск в 1736 году, запросил у властей различные документы, «особливо о Камчатской земле, о тамошнем народе, кем и в котором годе та земля найдена...» Анализируя «письменные и устные сообщения», он пришел к выводу: «Хотя о происхождении названия Камчатка некоторые склонны говорить, что во времена занятия русскими земли среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат, однако, это недостаточно достоверно... Более вероятно, что это имя пришло впервые к русским от коряков, которые жили на реке Олюторе и на своем языке камчадалов называли «кончало», и поскольку там от этого народа русские впервые получили сообщение о реке Камчатке и камчадалах, то можно предположить, что потому русские так и назвали эту землю, реку и народ. Нельзя из этого сделать вывод, что от коряцкого «кончало» при искаженном произношении в устах сибирских казаков и могло возникнуть название «Камчатка»?

Копию своей рукописи он послал С. Крашенинникову, который на боте «Фортуна» отправился из Охотска на полуостров. Плавание чуть было не закончилось трагически – в пути судно дало течь, и почти все снаряжение пришлось выбросить за борт. При подходе к Большерецку корабль в устье реки волны выбросили на песчаную косу. 28 октября 1737 года молодой исследователь ступил на берег далекой земли. В сопроводительном письме к рукописи о Камчатке Миллер предписывал Крашенинникову «освидетельствовать оное описание» и если в чем-либо явится «несходно и недостаточно, то оное исправить и пополнить».

Четыре года странствовал Крашенинников по неисследованному суровому краю, собирал сведения о географии полуострова, о народах, живущих здесь, о вулканах и горячих источниках, о

животном мире и растительности... Словом, собирал в копилку все, о чем только можно было что-либо узнать. Невероятная по объему и материалам для одного человека научная работа – книга «Описание земли Камчатки» – стала подлинной энциклопедией полуострова. Естественно, исследователь жадно интересовался, откуда «есть пошло название Камчатка»?

Многие положения выводов Г. Миллера Крашенинников подтвердил, многое «пополнил» во время встреч и бесед с аборигенами, записал ряд версий и высказал свои оценки и суждения по поводу исторического, фольклорного, лингвистического и других источников. В частности, он отмечал: «Некоторые пишут, аки был помянутой народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их еще приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников через знаки приметя, что великая оная река Коншатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусный вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами через знаки говорить не было нужды: ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; 2) что имя Хончат камчадалам неведомо; 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем: ибо камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по неким свойственным им качествам или по сходству с другими вещами; 4) что Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут хончало, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того, что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что хончало есть испорченное слово из коочь-ай, что значит житель по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется...»

Пожалуй, ни одно географическое название на северо-востоке России не вызывало столько любопытства, не привлекало столько исследователей, как это. О происхождении названия «Камчатка» выдвинуто более десятка гипотез. Исследователь В. П. Маргаритов в 1899 году высказал мнение, что название происходит от старинного казачьего слова «камчатое» – неровной, извилистой поверхности. Академик Л. С. Берг, отметив, что слово это перешло к русским через коряков, позже разделил мнение этнографа Е. П. Орловой о том, что этот термин происходит от одного из самоназваний ительменов – «кчамзалх» (человек) и сходного с ним слова «ушкамжа» у Крашенинникова.

В спор попытались ввязаться японские ученые, предложив свою версию, дескать, название образовалось от айнских слов «каму» (рыба) и «сяцука» (сушить). Но это утверждение оказалось несостоятельным, поскольку айны (курилы) жили на самом юге полуострова и никогда не доходили в долину реки Камчатки. А в самой Японии, как известно, о Камчатке узнали лишь после открытия ее русскими.

Краевед В. И. Воскобойников в книге «Слово на карте» (1962 г.) приводит легенды коренных жителей полуострова. По одной легенде – название дано по имени корякского богатыря Кончата, победившего в поединке врага и спасшего племя. По другой – по именам молодых влюбленных Кама и Чатки, бросившихся из-за несчастной любви в реку.

«Являясь вершиной устного поэтического творчества, народные легенды показывают смелость, решительность, любовь к свободе народов Крайнего Севера, черты, унаследованные от предков. Но тайны происхождения слова «Камчатка» они, к сожалению, не раскрывают, – отмечает В. И. Воскобойников. – Ведь события в легендах о богатыре относятся к концу XVII века, т. е. к тому времени, когда наш северный край уже фигурировал на чертежах русских картографов как Камчатка или Камчадальская земля».

«Не названия возникают на основании легенд, – подчеркивает краевед В. П. Кусков, – а легенды пытаются объяснить уже существующие названия». Справедливо.

Одни исследователи пытаются привязать топоним к имени Кончат, другие ищут созвучные слова в ительменском или корякском языках, третьи говорят о его русском происхождении. Педагог Н. А. Бондарева высказала мнение, что название исходит из якутского языка (в героическом эпосе «Олонхо» говорится о стране Камчааккытан, где обитают отменно красивые соболя. Но потом выяснилось, что якуты узнали о ней от русских). И совсем уж неожиданное сообщает доктор философских наук В. П. Васильев – созвучное слово есть в азербайджанском языке: «кемичатды» (корабль дошел).

Но вот в начале шестидесятых годов привлекательную гипотезу предложил известный ныне историк Борис Петрович Полевой – полуостров назван по имени казака Ивана Камчатого, получившего свое прозвище «по кафтанишку из камчатой ткани».

Так случилось, что эта версия не подверглась в свое время серьезному критическому осмыслению. Многие справедливо полагали – гипотеза имеет право на существование. И ждали: возможно со временем автору удастся подкрепить ее фактами.

Правда, некоторые краеведы сразу приняли предположение за истину. Отметив, что «гипотеза представляет последнее достижение в этом вопросе», В. П. Кусков в «Кратком топонимическом словаре Камчатской области (1967 г.) уже без всяких оговорок утверждает: «Камчатка – река, названа по фамилии русского казака И. И. Камчатого». Отсюда и название полуострова.

Подобные категорические утверждения нет-нет да и услышишь в разговоре или встретишь в печатных источниках («название принято связывать с фамилией Камчатого»). Так ли это?

В последние годы интерес жителей полуострова вновь прикован к загадочному названию. Появился ряд противоречивых публикаций в газетах и журналах. Тайна рождения топонима стала предметом обсуждения в клубе краеведов в Петропавловске. Камчатским отделением Дальневосточного издательства выпущен сборник «Норд-ост» (1984 г.), в котором исследования доктора исторических наук Б. П. Полевого составили большой раздел «Первооткрыватели Камчатки», проливающий свет на историю полуострова.

Занимаясь исследованиями Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, Б. П. Полевой открыл ряд неизвестных страниц в освоении полуострова, проследил некоторые маршруты землепроходцев, установил новые факты биографии Владимира Атласова, уточнил многие спорные моменты географических открытий на северо-востоке страны. Там, где ученый опирается на документы, обнаруженные в архивах, выводы его весомы и доказательны. Этого, к сожалению,

нельзя сказать о статье «О происхождении названия «Камчатки».

Между первой и последней публикациями статьи прошло тридцать лет. Но за это время автор не смог подкрепить рассуждения фактами. Выводы по-прежнему базируются на одних лишь предположениях. Как возникла гипотеза Б. П. Полевого?

Работая в архивах, ученый обнаружил в списках казаков середины XVII века, действовавших в районе Индигирки и Колымы, фамилию Ивашки Камчатого. «Тогда-то впервые и возникла мысль: уж не от этого ли прозвища произошло название реки Камчатки?» – пишет автор. Дальнейшие рассуждения построены с расчетом на этот вывод.

На чем основывается гипотеза ученого? 1) На сходстве фамилии Камчатого и названия «Камчатка»; 2) на предполагаемых (!) маршрутах Камчатого на полуостров; 3) на идентичности названий полуострова и притока реки в системе Индигирки.

У каждого из этих оснований зыбкий фундамент. Рассмотрим эти погрешности.

Первое. Сходство в звучании слов не может служить бесспорным доказательством, что географическое название произошло от фамилии. В истории топонимики известно множество случаев, когда это вводило в заблуждение исследователей. Название реки Лены, например, произошло не от Елены, как можно подумать, а от эвенкского слова «елюенэ», что означает река. Непривычные названия других народностей были сложны для восприятия русскими казаками. Под влиянием неправильных произношений, различного рода искажений слова изменялись и приобретали новый смысл. Так, река с эвенским названием Охат была превращена русскими в Охоту, а от нее получило название и море Охотское.

Второе. Рассуждения автора о маршрутах И. Камчатого не содержат фактов, на основании которых можно сделать вывод, что он побывал на реке в центре полуострова. Попытки же логически обосновать маршрут неубедительны.

Б. П. Полевой пишет: «Куда именно ходил собирать ясак Камчатой в 1658–1659 гг. достоверно неизвестно». А в абзаце выше сказано: «Ясачная книга Чендонского и Омолонского зимовьев 1659 г. начинается с указания, что в ней записан ясак «с новой, с Чендона и Омолона рекбору якутцкого острогу служилых людей Федьки Чюкичева да Ивашки Камчатова». И такие противоречия в статье не единичны.

Обратимся дальше к рассуждениям ученого. Поскольку Камчатой «пытался проникнуть в район, где имелась моржовая кость, нет сомнений в том, что он ходил к Берингову морю, – пишет автор. – Как известно, еще Михаил Стадухин отметил, что в северной части Охотского моря «костья рыбья зуба нету».

А вот что сообщается в «Росписи от реки Охоты до реки Мотыклея» Алексея Филиппова: «...От реки Маши виден моржовый мыс Мотосу, а на нем лежбище моржей на протяжении двух верст и становище... Много моржей на островах против устья Мотыклеи...» И делается вывод, что на Охотском море возможен «звериный зубной промысел». Да и сам Б. П. Полевой приводит слова из сообщений Чюкичева: «Те же мужики (коряки) сказывают, на море близко есть кость рыбья». Слова «на море близко» Борис Петрович почему-то связывает с Беринговым морем, хотя из до-

несений Чюкичева видно, что речь идет о «неясашных коряках», обитавших в районе Пенжинской губы.

Но допустим, что Камчатой все же ходил на побережье Берингова моря. Дальнейший же его маршрут автор конструирует совершенно произвольно, без каких-либо фактов. «Не сумев найти моржовую кость, он (т. е. Камчатой) отправился искать (?) новых «неясашных» мужиков. Вероятно, именно тогда он и узнал о существовании большой реки, которая в дальнейшем стала называться русскими по его прозвищу рекой Камчаткой».

От слов, что маршрут Камчатого неизвестен, автор переходит к гипотетическим рассуждениям, конструирует воображаемый путь, и вдруг приходит к утвердительному выводу.

Проследим дальше за логикой рассуждений автора гипотезы. «После успешных (?) походов Камчатого этими районами очень заинтересовался его начальник Федор Чюкичев». Как должен поступить он в таком случае? Конечно же, отправиться в эти районы – на побережье Берингова моря и дальше к Большой реке, о которой узнал его подчиненный. Как же поступает Чюкичев? «Весной 1660 г. он уговорил колымское начальство вновь (!) послать его и Ивана Камчатого на Омолон, Чендон и другие соседние реки...» К соседним рекам Камчатку никак отнести нельзя, она в двух тысячах километров. А слово «вновь» ясно указывает, где собирали ясак казаки. Летом 1660 года, пишет Полевой, Чюкичева с товарищами видели на реке Пенжине. После этого никаких известий о них не было. Позже в донесении колымского приказного в Якутск говорилось: «...з Блудной реки Федька в 1661 году не выплыл. Посланные на поиски юкагиры сообщили: «...были де на верх Блудной реки у ясашного зимовья, где были служилые люди убиты все, зимовье стоит пусто, а тела мертвы лежат на улице...»

Блудной называли за меняющееся русло реку Омолон. Из приведенных примеров ясно видно, где собирали ясак Чюкичев и Камчатой. Но Б. П. Полевой почему-то не обращает внимания на совокупность им же приводимых в статье фактов, а делает вывод, что зиму 1660–61 г. группа Чюкичева-Камчатого могла провести на реке Никул – притоке Камчатки.

Путь с Колымы и Омолона до реки Камчатки, как подсчитал известный камчатский краевед В. И. Семенов, составляет более двух тысяч километров. Чтобы добраться туда, нужны не только лодки для сплава по рекам, но и транспорт для продвижения по суше. Можно ли совершить без тщательной подготовки столь далекий и сложный поход? Сомнительно. Нельзя не принимать во внимание, что на пути были коряки, которые препятствовали продвижению казаков. Но если все же допустить, что они побывали и на реке Камчатке? Возникает вопрос: кто и как узнал об этом, если вся группа была перебита на Омолоне? Вопросы, вопросы, на которые ответов нет.

И, наконец, третий аргумент – о том, что в середине XVII века по фамилии Камчатого названы маленькая речушка в бассейне Индигирки (Якутия), а затем Большая река и полуостров. В подтверждение Б. П. Полевой приводит реки, названные по фамилиям казаков – Зырянка, Ожогина, Падериха (Бодяриха), правым притоком которой и является маленькая Камчатка. Но при жизни ли казаков появились эти названия – неизвестно. Во всяком случае в донесениях Чюкичева их нет. На уязвимость аргумента указывал еще в 1963 году краевед В. Воскобойников. Однако

ученый отмахнулся, хотя признал: «Если бы в будущем был найден какой-либо чертеж Индигирки XVII века (что мало вероятно), то на нем вряд ли окажется маленькая индигирская Камчатка». Заметим, что на карту она нанесена в 1933 году геологами Верхне-Колымской экспедиции.

Правомерно ли считать, что фамилия рядового, ничем не отличившегося казака дала название двум рекам, а затем и огромной территории – Камчатке? Таких прецедентов географическая наука на северо-востоке не знает. Небольшие речушки порой унаследовали имена казаков, но у этих рек они или подолгу промыслили пушных зверей, или погибали там. Проникавшие затем туда казаки в обиходе именовали реки фамилиями своих предшественников. Но делать это стали позже. Даже имен Дежнева, Стадухина, Атласова и других известных землепроходцев мы не встречаем на картах того времени.

Ссылки же на легенду о «знатном воине Кончате» опровергнуты еще С. П. Крашенинниковым, достоверно выяснившим, что камчадалам неизвестно имя Хончат.

Размышляя над многочисленными гипотезами о происхождении названия «Камчатка», приходишь к выводу: корни его лежат у истоков контактов первых русских землепроходцев с коренными жителями северо-восточной Азии.

За несколько лет до исторического плавания Семена Дежнева – Федота Попова (1648 г.) русские казаки уже знали о богатом пушным зверем крае. «О камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете», – писал Степан Крашенинников.

О степени тогдашнего представления о полуострове красноречиво свидетельствуют первые карты. На одной из них река Камчатка течет на материке рядом с Амуром и впадает в Восточное море. На другом листе у берегов изображен остров Камчатой. На третьем – полуостров, но в искаженном виде. Все говорит за то, что составлялись эти карты скорее всего не по рассказам очевидцев, а на основании сведений со вторых-третьих уст.

Любопытные слова находим в пояснительных записках к картам, на которых изображены реки: «...а против той Камчатки столп каменный высок гораздо». Не вулкан ли? Наверняка. Только он мог потрясти воображение путников и в памяти отложился «столп каменный». Действительно, из устья реки видна возвышающаяся каменная громада Ключевского вулкана. Правда, в других описаниях «чертежа» Сибири говорится о «высоком без меры» «каменном столпе», что он «вышел из моря». Но никаких других подобных «столпов» возле устья реки нет. Не исключено, что и здесь сведения получены из вторых-третьих уст.

До похода Владимира Атласова представление о полуострове было слабым. Его называли то «Носом на полдень», то «Носом в теплое море», то «Ламским носом». И только в конце XVII века его стали именовать «Камчатский нос», а позже и Камчатка.

Касаясь названия полуострова, С. Крашенинников замечает, «что ни на каком тамошнем языке никакого нет ему общего названия, но где какой народ живет, или где какое знатнейшее урочище, по тому та часть земли и называется. Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку с окрестными местами. Впрочем, поступая по примеру тамошних народов,

южную часть камчатского мыса называют курильской землицей, по живущему там курильскому народу».

Запомним эти важные наблюдения. И отметим: на огромной северо-восточной территории Азии нет ни единого примера, чтобы река дала название обширному краю. А вот способ образования географических имен от названий народностей был распространенным. Река Индигирка, например, получила название по племени, которое там жило – индигир или индагир. По имени якутов названа Якутия, по названию чукчей – Чукотка. На Камчатке по имени коряков-оллюторцев назван полуостров Олюторский. Вполне логично, что река Камчатка и ее окрестности также были названы по народности или племенам, живущим там.

От кого же русские получили первые сведения о «неизвестной земле»? Изучая якутские документы XVII века, Б. П. Полевой установил, что ими были юкагиры Колымы и Индигирки. Будучи «вожами» (проводниками) у русских казаков, они сообщили о соседних народах – чукчах и коряках, с которыми общались во время кочевий. Проникая дальше на полуостров, русские «служилые и промышленные люди» узнавали названия новых племен от ближайших соседей. На основе их сведений складывались и первоначальные географические представления о районах, в которых те жили. Закономерно, что сведения о Большой реке и тамошних народах, русские получили от коряков, в частности, от олюторов. И потому вполне убедительным является мнение Г. Миллера, что «русские именно от коряков получили первые сведения о реке Камчатке и о камчадалах», что «русские слышали упоминание коряками страны, реки и народа под таким названием...»

Обратимся теперь снова к наблюдениям С. Крашенинникова: «Впрочем, довольно видеть можно всякому, что мы ни одного народа собственным его именем не называем, но по большей части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортив. Таким образом камчадалов называем мы по коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит, курильцев по-камчатски...»

Действительно, северные народности получали свои названия от ближайших соседей. Якуты, например, от эвенков, которые именовали их экэ. К этому слову добавился суффикс «т», означающий множественное число («экэ» плюс «т» образовало «якуты»). Юкагиры называли своих соседей не их собственными названиями – лоураветланы и нымыланы, а чукчи и коряки. При этом в названии запечатлевалась какая-либо характерная особенность то ли внешнего вида, то ли быта, то ли местности. Так эвено-эвенкийские племена называли юкагиров, которые ездили на собаках, индигир (индагир), что означало собачий род. Ламутов или пеших тунгусов называли бегуны, оленных коряков – чавчувены (ловкие, резвые), эскимосов чукчи называли дыряворотые – за обычай прорезать губы и вставлять украшения из камня или кости.

В долине реки Уйкоаль (Камчатке) жили ительмены. Их северными соседями были коряки и чукчи. Какую же характерную черту, бросающуюся в глаза, выделяли они у ительменов?

Магаданский этнограф Владилен Леонтьев пишет: «В прошлом у ительменских женщин был обычай носить большие парики, и чем парик был массивнее и солиднее, тем больше почиталась

женщина. Эта особенность ительменов не ускользнула от внимания С. П. Крашенинникова: «А у которых волосы малы, те парики объявленным образом зделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют...»

Вот за этот обычай и могли чукчи и коряки назвать ительменов «камчалавтыльыт» (чукот.) и «камчалавтыльгу» (коряк.), что значит лохматоголовые, кудрявые, косматые. Но не только этим обращали на себя внимание ительмены. Их традиционная одежда, сшитая из «собачьих кож, из соболей, лисиц, евражек и из каменных баранов» с пушистыми опушками по вороту, капюшону, рукавам, подолу и разнообразными кисточками, казалась пушистой, лохматой. Отсюда могло возникнуть и более сокращенное название «камчалыт» (чукот.), «камчалгу» (коряк.) и в единственном числе «камчалын» и «камчалъо», что значит лохматый, косматый. Вспомним, что на одном из листов «Чертежной книги» С. Ремезова рядом с изображением реки Камчатки – еще до Атласова – была надпись: «А живут по ней не ясашные камчадалы, платье на них собачье, и соболье, и лисье...» Случайна ли эта надпись? Вряд ли. Очевидно, до составителей чертежей все же доходили по рассказам отдельные признаки народности, живущей там. Вполне возможно, что русские и слышали вначале от коряков и чукчей название «камчалъо», «камчалын» и от этих этнонимов образовались слова «камчадалы» и «Камчатка». Во всяком случае, ученые пока не могут назвать другого слова, от которого могло бы образоваться слово «камчадалы», а от названия «Камчатка» оно возникнуть не могло.

На эти же слова, только в трансформированном виде – «хончало», «кончало», «кончат» ссылаются Миллер и Крашенинников. Их поддерживал В. Н. Тюшов, писавший в 1906 году: «И в настоящее время коряки всю местность по долине реки Камчатки называют Кончат, изменяя последнюю в кончаток для обозначения места действия».

То обстоятельство, что в 20–30-х годах нашего столетия в языке коряков не обнаружено этих слов, использовано Б. П. Полевым в качестве одного из слагаемых для опровержения гипотезы Миллера – Крашенинникова.

Однако, как справедливо отметила научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Н. Старкова, «исчезновение некоторых слов из лексикона малых народов и замена русской терминологией является обычным и закономерным, особенно когда отсутствует изолированность и усиливается процесс усвоения русского языка».

Кстати, Н. Старкова – ительменка, знающая родной язык, исследовавшая материальную культуру своего народа. В статье, опубликованной в сборнике «История, социология и филология Дальнего Востока» (1971 г.) она поддерживает толкование топонима Миллером и Крашенинниковым. «Весьма вероятно, – пишет она, – что в образовании слов «Камчатка, камчадал» участвовало не одно лишь корякское название кончало, кончаток, а еще какие-либо созвучные с Камчаткой термины, которые могли как-то подчеркивать характерные черты страны или ее народа. Так, например, нам известно ительменское слово кѣмчал – вид юколы».

Такое же слово «кимчал» сообщил автору научный сотрудник Камчатского отделения ТИНРО А. Остроумов.

Оно бытовало в 50–60-е годы у камчадалов долины реки Камчатка и обозначало жир, капаящий с лосося.

Учеными обнаружены в ительменском языке ряд слов, созвучных исследуемому топониму. И. И. Огрызко приводит слово «камчачу», что значит мыс. Это же слово имеется в рукописи С. П. Крашенинникова с пометкой, что ительмены называли мыс Лопатку «комчачу», то есть продолжение. Этнограф Е. П. Орлова приводит слово «кчамзалх» (человек), и множественное число – «кчамзален».

Естественно, что доходившие через коряков и чукчей названия новых племен были близки казакам, поскольку в русском языке имелись похожие слова: камка, камчатый (шелковая узорчатая ткань). В словаре В. Даля имеется слово «Камчатка» (бранина или браное полотно, узорчатая ткань, идущая на скатерти, утиральники и пр.; камчатный – узором на камку похожий, из Камчатки, камчатной ткани сделанный). Не исключено, что в обиходе оно употреблялось и в XVII веке. Так разные по значению термины состыковывались в восприятии первопроходцев. Трансформируя, казаки использовали более привычные для себя, удобные в произношении слова, которые стали выражать название реки и местности, где жили ительмены. В таком виде доходили названия и до картографов – «Камчатка», «Камчадалские земли», «Камчадалский мыс»... Характерно, что камчадалскими казаки называли лишь места, где жили ительмены. Юг же полуострова, где жили айны (курилы), называли «Курильская земля».

Кто же были те первые русские люди, побывавшие на полуострове, в долине реки, получившей название Камчатка?

Доктор исторических наук Б. П. Полевой в последние тридцать лет обнаружил в архивах ряд неизвестных документов по освоению северо-востока Азии. В канун похода Владимира Атласова на Камчатке побывал в 1695–1696 годах казак Лука Морозко Старицын. В 1688 году была убита чукчами группа русских людей, которая во главе с Василием Кузнецовым возвращалась со стороны Камчатки. Обнаружена челобитная 1668 года бывшего анадырского приказчика Ивана Рубца, в которой говорилось, что в прошлом он сам ходил «вверх реки Камчатки». Ученый считает, что он мог побывать там в 1662–1663 годах. По-прежнему неясно, чье же зимовье было на притоке Камчатки речке Никулке – Федота Попова или кого-то другого из землепроходцев?

Каким же образом сведения попадали к картографам в Тобольск – об этом, к сожалению, история хранит тайну.

Камчатка, камчадалы... Названия эти практически не изменялись со времени своего рождения и появления на картах. Почему? Очевидно потому, что не были привнесены извне, а родились на народной основе, из языка коренных жителей, лишь немного видоизменившись в произношении русских. Они стали близкими и родными как для коренных жителей полуострова, так и для русских.

ГОРОД У ОКЕАНА

• УЮТНАЯ ГАВАНЬ • ШТУРМАН ИВАН ЕЛАГИН —
ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ ГОРОДА • ПАКЕТБОТЫ «СВЯТОЙ ПЕТР»
И «СВЯТОЙ ПАВЕЛ» В АВАЧИНСКОЙ БУХТЕ • ВЫМПЕЛЫ
КРУГОСВЕТНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ • ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА
ГОРОДА • МОРСКИЕ ВОРОТА КАМЧАТКИ •

Шагаю по мокрому после дождя асфальту. Тяжелый рюкзак давит плечи. Под ногами мягко шуршат осенние листья. На привокзальной площади в аэропорту встречаю знакомого моряка.

– Ты все бродяжничаешь по дальним углам?

– А ты все странствуешь по морям?

– Сколько лет ты уже здесь?

– Тридцать.

– Не думаешь на материк?

Показываю на белоснежные вулканы, подпирающие макушками небо, на яркое разноцветье осенних сопок.

– Не отпускают...

– Вот и я. Был на юге. Неделю повалялся на горячем песке, а перед глазами сопки, бухта, корабли... Так защемило сердце. Собрал чемодан и через пару дней сидел с удочкой на берегу речки.

Как я понимаю его. Я сам много раз спешил из дальних командировок к родному причалу. Когда самолет приближается к городу, приникаешь к иллюминатору и жадно вглядываешься в знакомые очертания: скалистый берег, белые языки прибоя, скалы Три брата у ворот в океан, темные силуэты кораблей на зеркале Авачинской бухты, россыпь домов, прижавшихся к бокам сопки. Город на пороге океана... Спешешь к нему, как на свидание с другом. Пытаешься разглядеть его, как лицо любимого человека после долгой разлуки...

Темная вода бухты стала сначала стальной, лотом пепельной, и вдруг вспыхнула розовым цветом. Я поднял глаза – из-за сопки выкатился огненный шар солнца.

Я спустился к причалам, где толпились десятки кораблей и сразу окунулся в атмосферу жизни порта. Мерно стучали двигатели, грохотали лебедки. Краны с длинными шеями загружали в трюмы контейнеры, бочки, мешки с солью. Маленькие катера заботливо суетились у белоснежного пассажирского теплохода «Петропавловск» — подвели на швартовку к морскому вокзалу. Из репродукторов лилась музыка.

А у причала рыбного порта бросил якорь новый траулер-морозильщик «Витус Беринг». Построенный на верфи в Норвегии, он преодолел три океана и пять морей на пути к порту при-

писки. Примечательно, что траулер, названный именем знаменитого мореплавателя, встал в строй морских тружеников именно в этом году. С именем Беринга связано рождение Петропавловска – старейшего на Дальнем Востоке города: 17 октября 1990 года ему исполнилось 250 лет. Он значительно старше Владивостока и Хабаровска.

Впервые русские вышли к Авачинской бухте, на берегах которой потом будет основан город, осенью 1703 года. Вспомним, в этом году было «прорублено окно в Европу» и на берегах Балтийского моря заложена новая столица России – Санкт-Петербург. А здесь, на восточной кромке земли утверждались русские первопроходцы. Отряд «служилых людей» из 22 человек под водительством Родиона Преснецова, отправленный приказчиком Тимофеем Кобелевым из Верхне-Камчатского острога для сбора ясака, вышел к бухте, на берегах которой были стойбища ительменов.

Коренные жители ительмены называли бухту по-разному: Суаача, Сувача, Савача, Вавача. Одни считают, что так ительмены называли «чавычу из породы лососей». Другие название относят к корякскому языку (эвьэч – чавыча). Третьи – истоки ищут в старинном ительменском названии «Гшуабач» (гшу – озеро, залив; абач, апачь – отец). Как бы то ни было, но современное название «Авача» появилось с приходом русских, которые на свой лад стали произносить слово, употреблявшееся коренными жителями. Большая, прикрытая от океанских волн узкой горловиной, а от ветров грядами гор и сопков, бухта обратила на себя внимание первопроходцев и мореходов.

Готовясь в плавание к берегам Америки, участники Второй Камчатской экспедиции решили новую базу создать в Авачинской губе. Этот замысел был одобрен сенатом и Адмиралтейств-коллегией. В 1738 году посланный на Камчатку из Охотска геодезист Иван Свистунов составил карту побережья губы. Но так как по описанию Свистунова было «утвердитца невозможно» (неизвестными остались глубины бухты), руководитель экспедиции Витус Беринг в рапорте 10 октября 1739 года сообщил в Адмиралтейств-коллегию о своем решении «...отправить оной бот от экспедиции и командиром определить штурмана Елагина, который и отправился того же сентября 29-го дня, и при нем штурман Василий Хметевский, гардемарин Яган Синд, матроз и протчих чинов – 9, всего 12 человек». Отряду предписывалось выяснить глубины бухты и возможность захода пакетботов и «также подле гавани для обер и унтер-офицеров и других к сей экспедиции принадлежащих людей потребные дома построить».

Осенью 1739 года Иван Елагин на боте «Святой архангел Гавриил» из Охотска добрался до устья Большой реки, а оттуда весной 1740 года вышел в Авачинскую губу, по пути делая съемку камчатского берега. 10 июня бот вошел в бухту, и отряд немедля приступил к строительству «хором и светлиц», как говорилось в документах.

Передо мной копия первой карты Авачинской губы, составленной Иваном Елагиным, и план под названием «Гавань св. апостолов Петра и Павла». Подлинники их хранятся в архиве внешней

политики России в фонде «Сибирские дела».

На карте – уютная гавань. Тогда она называлась Ниакиной. От внешнего рейда Авачинской бухты ее отделяет вытянувшаяся двухгорбая сопка. Вход в гавань почти перекрыт песчаной косой – «кошкой», на которой раскинулись ительменские стойбища. Можно дорисовать эту картину деталями, запечатленными на старинных гравюрах: на длинных столбах на косе балаганы для просушки рыбы, кудрявые заросли кустарников и деревья каменной березы, спускавшиеся по склонам сопки к самому берегу, белые конуса вулканов, заглядывающие в зеркало бухты...

Берега гавани и выбрал Иван Елагин для строительства домов. В помощь были призваны лучшие плотники из Большерецкого, Верхне-Камчатского и других острогов. К осени было построено служилыми людьми и ясажными иноземцами «жилых покоев в одной связе мять, да казарм три, да три ж анбара...»

Осенью 1740 года в Авачинскую бухту вошли пакетботы «Св. апостол Петр» и «Св. апостол Павел» под командованием Витуса Беринга и Алексея Чирикова. «...А в вышереченной гавани к отстою в зимнее время морских судов весьма способна и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того 740 году октября 6-го дня благополучно, где зазимовали, и оная гавань названа нами святых апостолов Петра и Павла», – сообщал в рапорте Витус Беринг.

День 6-го (17 по новому стилю) октября и принято считать днем рождения Петропавловска.

Смотрю на гавань, ищу, сопоставляю со старинной картой и планом места, откуда два с половиной века назад начинался город. Там, в северной части гавани, где стояли офицерский дом и канцелярия, сейчас раскинулись сооружения рыбного порта. На месте складов-магазинов на «кошке» возвышаются каменные здания морского вокзала и холодильника. Где строились первые рубленые дома, стоят цеха судоремонтного завода «Фреза», вытянулись причалы рыбного порта.

Моряки не зря облюбовали «ковш», как ласково называли они уютную гавань. В ней кораблям спокойно. Ни свирепые ветры, ни океанские штормы не могут прорваться в прикрытую сопками бухточку.

Каких только кораблей не видела гавань! Сюда заходили бригантины и галиоты, устремленные на поиски новых земель, шитики предприимчивых поморских и сибирских купцов, суда промысловых компаний. Но поворот в судьбе Петропавловска связан с появлением в гавани вымпелов кругосветных экспедиций.

В 1779 году Авача дала приют судам Третьей экспедиции Джеймса Кука, которыми командовал его сподвижник Чарльз Кларк. Вторично корабли экспедиции зашли сюда через четыре месяца по печальному случаю – в море умер капитан Кларк. Его похоронили на берегу бухты.

Через восемь лет гавань посетили корабли Жана- Франсуа Лаперуза – фрегаты «Буссоль» и «Астролябия». В Петропавловске морехода ждало радостное известие – ему присвоили звание адмирала. Жители города предоставили морякам французской экспедиции все, что нужно было для дальнейшего плавания. «Я не мог бы в собственной стране, у моих лучших друзей встретить

более теплого приема, чем здесь, на Камчатке, – сообщал Лаперуз в письме. – У русских не было никакого приказа, касающегося нас, но они знали, что моряки являются гражданами всего мира... Любая помощь, которую может дать эта отдаленная провинция России, была предоставлена вдовольном количестве, и с нас не взяли какой-либо платы».

А 15 июля 1804 года в бухту зашел по пути в столицу I Русской Америки корабль «Надежда» под командованием Ивана Крузенштерна. Вместе с «Невой», которую возглавлял Юрий Лисянский, она совершала первое русское кругосветное плавание. «Надежда» была первым кораблем, пришедшим на Камчатку с далекой Балтики. Ее экипаж по приказу Крузенштерна установил памятник на могиле Чарльза Кларка. Так было положено начало традиции на далеких берегах увековечивать память людей, причастных к судьбе города, оставивших след в его биографии. Позже прах Ч. Кларка был перенесен на центральную улицу и в 1913 году английская делегация водрузила на могиле новый обелиск. Недалеко от него установлены еще два памятника – Витусу Берингу, основателю города и французскому мореплавателю Жан-Франсуа Лаперузу.

В гавани бросали якоря корабли многих известных мореплавателей – Г. И. Невельского, Г. А. Сарычева, Ф. П. Литке, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу, М. П. Лазарева, С. О. Макарова.

Ныне гавань, откуда начинался город, давно уже не вмещает все суда. Причальные сооружения появились справа и слева от нее. Здесь базируются суда рыболовного, обрабатывающего, торгового, пассажирского флотов. Многие корабли ждут своей очереди на рейде бухты. Юркие буксирные катера заводят к причалам супертраулеры, лесовозы, танкеры. Одни суда, притихшие, уставшие, отдыхают после тяжелых морских рейсов. Другие, с помятыми боками, со следами ржавчины на борту проходят «курсы лечения» у судоремонтных мастерских. Третьи, освободившись от грузов, заполняют трюмы. Они увозят на «Большую землю» рыбу и морепродукты, лес, пушнину, а доставляют на полуостров станки и машины, различное оборудование, удобрения для полей, стройматериалы, продукты и товары. Петропавловск – крупный торговый порт, морские ворота Камчатки.

Круглые сутки кипит у причалов работа. Но бывают здесь и праздничные минуты, когда из дальних рейсов возвращаются рыбацкие корабли. После долгой разлуки берег встречает труженников моря музыкой оркестра. Даже в зимние дни причал расцветает букетами цветов. По трапу спускаются соскучившиеся по земной жизни моряки – отросшие бороды, походка враскачку, как на палубе. Объятия, улыбки, поцелуи – радость истосковавшихся по долгожданной встрече людей.

Тон жизни Петропавловска с первых дней его рождения задал океан. Соленые ветры приносят на улицы юрода запахи водорослей. Из окон домов видны пенные следы прибоя. Рядом с центральной улицей швартуются и отчаливают корабли.

Зародившись как порт на Тихом океане, Петропавловск со временем стал одной из крупнейших в стране баз для добычи и обработки рыбы и морепродуктов. Двенадцать процентов улова рыбы в стране приходится на долю камчатских рыбаков. Десять из них дает Петропавловск.

Главные профессии жителей города – рыбаки, моряки, рыбообработчики, судоремонтники. Для добычи рыбы и других морских продуктов созданы крупные базы – тралового, океанического рыболовства, объединение колхозных рыбаков. Обработку рыбы ведет Петропавловский рыбо- завод. На берегу бухты вырос поселок Сероглазка – центр крупнейшего в стране рыболовецкого колхоза. Исследование морских богатств ведут ученые Камчатского отделения ТИНРО. Кадры для рыбной и судоремонтной промышленности готовят Высшее инженерное морское училище и два средних учебных заведения – рыбный техникум и мореходка.

На улицах города, на берегу бухты, у причалов встречаешь людей в форменной морской одежде. Тут и степенные, седые капитаны, бывалые «морские волки», прошедшие через такие испытания, что на суше и представить сложно. И курсанты мореходки, только приобщающиеся к своей профессии. Разговоры: «Ты откуда пришел?» – «С Охотского, на минтае был». – «Куда пойдете?» – «К берегам Аляски...» Здесь все дышит морем, дальними странствиями. Встречи, расставания... Зов океана и в наши дни так же силен, как и во времена первопроходцев.

Свободное время горожане любят проводить на сопке Никольской. Несколько сот шагов в сторону от центральной улицы – и ты на сопке, в тихом, зеленом царстве деревьев и трав.

Двугорбым вытянувшимся сфинксом врезалась сопка в Авачинскую бухту. Одна сторона ее обращена к городу и гавани с мачтами кораблей. Другая, с пляжем у подножья, выходит к внешнему рейду бухты, над которой возвышается белый конус живописного Вилучинского вулкана.

Неширокая асфальтированная дорога ведет по ее склонам, поросшим травой, цветами, шиповником и каменной березой, которую за шершавый ствол и раскидистую крону туристы называют северной пальмой. Однажды ученые сделали срезы нескольких старых деревьев. Оказалось, возраст их превышает триста лет. Значит, каменные березы – свидетели рождения города. И одного из важнейших событий в его истории обороны в 1854 году от англо-французской эскадры, пытавшейся завладеть портом на Тихом океане. О тех событиях напоминают памятники на сопке – монумент Славы, Часовня, памятник защитникам третьей батареи лейтенанта Александра Максимова и макет батареи, воссозданной у подножья сопки.

Тревожные вести о недобрых замыслах англичан и французов, намеревавшихся захватить главный порт России на востоке и утвердиться на Тихом океане, по разным каналам достигали военного губернатора Камчатки Василия Завойко. По царскому указу 1849 года военный порт из Охотска переносился в Петропавловск.

К этому времени в городе насчитывалось немногим больше полутора тысяч жителей. Денег на укрепление порта не было отпущено. Приходилось обходиться тем что перевозили из Охотска. «С ранней весны закипела работа: воздвигались батареи на Кошке, на перешейке, на Сигнальном мысу.., – писала в своих воспоминаниях жена Завойко Юлия. – Предполагались батареи на Петровской горе, за кладбищем, на Красном яру, на косе, на берегу озера для защиты от десанта».

В гарнизоне было мало людей. В. С. Завойко обратился к воинам и населению с воззванием:

«Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля... Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести».

Жители окрестных деревень, камчадалы откликнулись на призыв. Четыреста человек влились в ополчение.

Неожиданно пришла помощь – в гавани бросил якорь фрегат «Аврора» под командой капитан-лейтенанта И. И. Изыльметьева. В перуанском порту Кальяо англичане и французы пытались задержать «Аврору», шедшую с Балтики. Но И. Н. Изыльметьев, проявив смекалку, ускользнул от них буквально из-под носа. А 24 июля военный транспорт «Двина» доставил в Авачинский залив 350 солдат Сибирского сводного батальона. Военный инженер поручик Константин Мравинский возглавил строительство фортификационных сооружений.

18 августа 1854 года в пятом часу дня в бухту вошла англо-французская эскадра под командованием конт-адмиралов Д. Прайса и Ф. де Пуанта. В ее составе было шесть кораблей. Они шли под... американским флагом, прикрывая свои замыслы. Но моряки с «Авроры» разглядели названия кораблей, от которых они удачно ускользнули в порту Кальяо.

Вражеская эскадра с ходу пыталась завладеть берегом, но натолкнулась на мощный огонь батарей. Один из кораблей получил повреждение. Агрессор вынужден был отступить. На следующий день атака была повторена, но вновь оказалась безуспешной.

Жаркое сражение развернулось 20 августа. Удар приняли батареи на Сигнальном мысу и Красном яру, защищавшие «ворота» в гавань. Артиллеристы действовали слаженно. Им помогали даже дети, подносявшие заряды и порох. На Красном яру, где было всего три батареи и 30 человек, французам удалось высадить десант. Тогда фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» перенесли сюда огонь своих орудий. На помощь подоспели отряды моряков, сбросившие противника в море.

Вражеская эскадра перенесла штурм на «кошку», прикрывавшую вход в гавань. Главный удар пришелся на позиции батареи лейтенанта Дмитрия МаксUTOва. Девять часов продолжался бой. Артиллеристы с честью выдержали испытания, не допустили прорыва противника в гавань. Его корабли вынуждены были снова отступить.

24 августа произошло решающее сражение. Перегруппировавшись, эскадра обрушила удар на перешеек сопки Никольской, которую защищала батарея под командованием лейтенанта Александра МаксUTOва. «...Батарея была земляная, отрытая имела всего пять орудий и вот уже более получаса выдерживала огонь 30 пушек... Станки перебиты, платформы засыпаны землей, обломками; одно орудие с оторванным дулом, три других не могут действовать; более половины прислуги ранены и убиты; остается... одна пушка, слабый остаток всей батареи; ее наводит сам князь, стреляет, и большой катер с неприятельским десантом идет ко дну», – писал участник событий мичман Николай Фесун.

Но вот смертельно ранен Александр Максutow, замолкла батарея, шлюпки устремились к берегу, вражеские матросы высадились на сопку. В этот решающий момент командующий В. С. Завойко обратился к морякам «Авроры». Группа добровольцев устремилась на сопку, к ним подключились ополченцы, местные жители. Триста русских штыков против более шестиста неприятельских! Защитники города бросились в атаку. И враг не выдержал, бежал, оставив на берегу погибших.

В составе англо-французской эскадры было шесть кораблей, более двухсот орудий и 2 700 матросов и солдат. У русских – два корабля, 68 орудий и около тысячи человек. В три раза меньше. И все же защитники Петропавловска сумели отстоять город.

27 августа эскадра с позором покинула бухту. В отчаянии командующий адмирал Прайс покончил с собой.

Мужество русских воинов вызвало восхищение во всем мире. Командующий адмирал В. С. Завойко, командир «Авроры» капитан-лейтенант И. Н. Изыльметьев, братья Александр и Дмитрий Максutowы, матрос Семен Удалой, волей судьбы оказавшийся в плену, но отказавшийся вести огонь по своим и прыгнувший за борт, Агафья Карандаш, пришедшая к мужу на батарею и, как Даша Севастопольская в Крыму, ставшая сестрой милосердия, охотник Дурындин, камчатский гаврош Машей Храмовский, десятилетний подносчик картечи и пороха – вот герои, чьи имена навсегда вписаны в летопись обороны Петропавловска.

Сопкой любви стали называть петропавловцы Никольскую гору. На ней решено было не рубить деревьев. Эта традиция сохраняется и поныне. Решением городских властей сопка превращена в парковую зону. А на местах сражений в честь погибших воинов, мужества и отваги защитников жители города и военные моряки воздвигли памятники. На возвышении сопки среди деревьев издали виден монумент Славы, увенчанный зубчатой маковкой и крестом. Он был сооружен по предложению военных моряков в 1881 году, а годом спустя установлен на косе, в районе нынешнего морского вокзала. В тридцатых годах, когда стали строить порт, памятник был перенесен на Никольскую сопку.

Рядом с главной улицей на зеленом фоне деревьев и трав у подножья сопки выделяется белокаменная Часовня, возле которой находятся две братские могилы. В правой похоронены русские воины, в левой – англичане и французы. Здесь горожане издавна отмечали День памяти погибших за Отечество. Эта традиция возрождена в канун 250-летия города.

У монумента Славы прошел митинг памяти адмирала Василия Завойко. В этот день в далеком украинском селе Великая Мечетня состоялось перезахоронение праха адмирала, открытие ему памятника.

А вечером, у братских могил воинов прошла церковная панихида. Тысячи людей собрались у Часовни. Вспыхнули в руках зажженные свечи – огоньки памяти...

Кропотливый поиск краеведов позволил проследить судьбы многих участников обороны

Петропавловска, разыскать их потомков, связать воедино прошлое и настоящее. Оказалось, что инженер Константин Мравинский, руководивший фортификационными сооружениями, является дедом известного в мире дирижера Евгения Мравинского. Дмитрий Максотов, отличившийся при обороне, стал губернатором Русской Америки, а после продажи Аляски США, продолжал служить во флоте, в отставку вышел в звании контр-адмирала. Среди его потомков, живущих ныне в Санкт-Петербурге, известный создатель телескопов и менисковых оптических систем Д. Д. Максотов.

Сопка любви... Брожу по тенистым аллеям, задерживаюсь у памятников, любуюсь кораблями на рейде. Трогаю шершавую кору каменной березы. Циклоны и снега гнут деревья, узлами завязывают ветви шквальные ветры. Но стоят, цепляясь за каменистую почву, назло всем стихиям, березы. Под стать им и жители города – мужественные, стойкие, выносливые.

Прямо от берега бухты поднимаются террасами дома по склонам сопки. Ступени лестниц соединяют улицы, как трапы – палубы корабля. И сам город кажется огромным многопалубным кораблем, бросившим якорь у берега, над которым возвышаются белые конуса вулканов.

Только что с высоты полета на самолете любовался я панорамой города и вот уже асфальтовая лента шоссе бежит из аэропорта к бухте. Минуешь путевую развязку «Тещин язык» и на фоне плывущих облаков – макеты двух парусников на вершинах белых колонн – символ Петропавловска. Отсюда главная улица протянулась через весь город до судоверфи и жестяно-баночной фабрики на два десятка километров. Примечательные места на этом пути – Институт вулканологии, фонтан в сквере напротив ЦУМа «Петропавловск», Комсомольская площадь со стадионом и рынком, Култушное озеро и узкая Озерновская коса, отделяющая озеро от бухты, площадь и здание Дома Советов, театр, Никольская сопка и сквер Свободы, памятники мореплавателям Витусу Берингу, Чарльзу Кларку и Франсуа Лаперузу, краеведческий музей и морской вокзал, Дом офицеров флота с тенистым сквером и музеем Боевой славы, сооружения порта. А дальше – Красная сопка, Сапун-гора, улица Океанская... И дома, дома, протянувшиеся вдоль берега бухты, улицы-террасы, взбирающиеся по склонам сопки. Зеленые волны деревьев и кустарников скатываются им навстречу, растекаются по скверам, плещутся у домов и зданий. К теплым запахам земли примешивается соленое дыхание океана.

Прежде говорили, что город стоит на трех сопках – Петровской, Никольской и Мишенной. Ныне это представление устарело. Улицам стало тесно у бухты. Кварталы города шагнули к вулканам.

Чтобы представить, как развивался город, вернемся и прошлое. По свидетельству И. Крузенштерна, во время его пребывания в порту в 1804 году, здесь проживало 180 человек. В апреле 1812 года сенат принял положение, по которому административный центр полуострова переносился из Нижне-Камчатска в Петропавловскую гавань. Назначенный начальником Камчатки морской офицер лейтенант Петр Иванович Рикорд (впоследствии адмирал) учредил больницу,

ремесленное и духовное училище, положил начало развитию огородничества и животноводства. Любопытная деталь – при П. Рикорде в городе появилось первое фортепиано. Его доставил за тридцать земель в 1818 году на шлюпе «Камчатка» мореплаватель Василий Головнин, который подружился с П. Рикордом во время совместного плавания на «Диане» и приключений у берегов Южных Курил и в Японии.

А в 1822 году поселение в гавани получило статус города под названием Петропавловский порт. О том, как выглядел город в середине XIX века, рассказывает исследователь Карл Дитмар, посетивший Петропавловск в 1851 году. «Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно; число этих домов простиралось до сорока. Посредине, на свободной площади, помещается православная церковь, далее – большой дом губернатора, окруженный садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здания Российско-Американской компании. Весь Петропавловск выстроен исключительно из дерева, причем все частные дома крыты тростником и длинной травой, казенные – железом...»

Подъемы и спады чередовались в судьбе Петропавловска. Перебазирование сюда главного военного порта из Охотска в 1850–52 гг. укрепило его положение. Военный губернатор и командир порта Василий Иванович Завойко развернул строительство – появилась верфь для постройки небольших судов, литейные мастерские, жилые дома. Их стало 116, а жителей увеличилось почти до 1 600.

Но с переносом главного порта в Николаевск на Амуре, жизнь стала замирать, а население сокращаться. К 1900 году здесь жило уже 383 человека. И только с образованием в 1909 году самостоятельной Камчатской губернии, поселение начинает расширяться, укрепляться. Появились признаки третьей улицы. По переписи губстатбюро в 1923 году население города составляло 1 158 человек (682 мужчин и 476 женщин).

В тридцатых годах на берегу бухты вырос первенец индустрии полуострова – судоремонтная верфь. Создаются базы рыбного флота. К 1939 году количество жителей увеличилось до 35 тысяч, в 1959-м их было уже 86 тысяч, а ныне – свыше 260 тысяч.

Долгое время Петропавловск застраивался деревянными домами, а они недолговечны. Поэтому старинных построек почти не сохранилось. Одно из немногих, доживших до наших дней, – здание, где размещается ныне областной краеведческий музей, – построено в 1912 году.

С развернувшимся три с половиной десятилетия назад капитальным строительством деревянные постройки уступили место каменным. На карте города появились крупные микрорайоны – «Зазеркальный», «Горизонт», «Горизонт-Север», «Горизонт-Юг». Но почему они так безлики, похожи друг на друга?

Стоимость строительства в северном краю в три раза дороже, чем на «Большой земле».

Материалы, оборудование, техника в основном завозятся с материка. А стремление снизить стоимость неизменно сказывается на архитектурном облике, который и так не блещет. Стандартные каменные постройки входят в противоречие с окружающим живописным пейзажем. Но гордиев узел проблем до сих пор не развязан. Обидно, что расположенному среди столь своеобразного и удивительно колоритного ландшафта городу не хватает завершенности архитектурных ансамблей, зданий по индивидуальным проектам, ярких и оригинальных художественных решений. Где же вы, зодчие и художники?

В природном отношении город живет среди стихий. С боков океан полощет и циклоны пронизывают, снизу трясет, сверху вулканы пеплом посыпают. Хорошо, что не все стихии одновременно действуют. Пережив одну, можно подготовиться к другой. Самая опасная, конечно, подземная; дрожат стены, звенит посуда, качаются люстры. По радио сообщают: «Землетрясение силой четыре балла, эпицентр в Авачинском заливе». Это рядом, в нескольких десятках километров, в активной зоне под дном океана. Четыре балла – это ничего, легкое покачивание, без последствий. Но подземная стихия может и сильно взбунтоваться. В ноябре 1971 года матушка-земля тряханула силой в восемь баллов. Дома тряслись как на транспортной ленте машины невиданной силы. Корежились теплопроводы, осунулся причал, сетью трещин покрылся асфальт на дорогах, а стены блочных домов и некоторых зданий прорезала паутина трещин и щелей.

Ученые не исключают в ближайшие годы восьмидесятибалльного «подземного шторма». А это опасно. Современные крупнопанельные дома имеют запас прочности. А вот постройки 50–60-х годов вызывают тревогу. Паспортизация их на сейсмоустойчивость показала, что в общей сложности предстоит провести сейсмоусиление домов, в которых проживает около 60 тысяч людей.

Проделки другой стихии, которой приходится часто противостоять в зимний период – пурги. Их приносят циклоны с юга, от берегов Японии. Они обрушиваются ураганными ветрами и мощными снежными зарядами. Порой ломают деревья, срывают крыши с домов, выбрасывают на берег маломерные суда. Со склонов Петровской сопки скатились однажды снежные лавины, разрушив несколько деревянных домов.

Конечно, в противостоянии стихиям большим козырем являются специальные службы, которые благодаря исследованиям, современной аппаратуре, спутникам земли могут заранее предупреждать о надвигающейся опасности. Но главное все же – воля и собранность горожан, способность быстро мобилизоваться независимо от того, пурга эго, ливневый циклон, землетрясение или извержение вулкана.

Что же притягивает людей к этой земле, к городу? Приезжали поработать год-другой, глядь – а уже пятнадцать-двадцать, а то и тридцать лет пролетели. Были москвичами, ленинградцами, киевлянами, волжанами, а стали камчадалами. Прикипели душой и сердцем к полюбившемуся краю. И дети здесь корни пустили.

Многим горожанам хорошо знакомо имя заслуженного строителя России Ивана Петровича Кибалюка. Родом он с Украины. Более тридцати лет назад приехал сюда, на край земли. Затем двух братьев перетащил. С тех пор и строит город. Стал Героем Труда. Пожалуй, нет ни одной крупной улицы в Петропавловске, где бы он и его ученики не возводили дома. И дети нашли здесь применение своим силам.

С тридцатых годов проложил пути-дороги в океане ихтиолог Иннокентий Александрович Полутов. По семейным рассказам, его предки еще в XVIII веке бороздили воды у берегов Камчатки и Аляски. А с его сыном Вадимом Иннокентьевичем я ходил в научный рейс на траулере «Витязь» в Тихий океан. Он и его брат продолжают дело отца – изучают рыбные богатства.

Сорок лет исследует вулканы доктор геолого-минералогических наук Евгений Константинович Мархинин из Института вулканологии. С рюкзаком за плечами много раз поднимался он к огнедышащим кратерам, под пепловым ливнем и градом камней вместе с коллегами наблюдал за развитием грозных событий, отбирал пробы, собирал факты, пытаясь проникнуть в тайны природы. Его выводы об огромной роли вулканов в формировании земной коры, атмосферы и гидросферы, об образовании при извержениях «молекул жизни», которые в процессе эволюции приводят к возникновению жизни на земле, известны во всем мире.

Назвав эти имена, я остаюсь в долгу перед тысячами других тружеников, составляющих славу и гордость города. Жители отдают дань памяти людям, оставившим яркий след в его истории. В названиях улиц запечатлены имена мореходов, с которыми связано основание города, – Беринга, Чирикова, Елагина, исследователей полуострова Крашенинникова, Степлера, героических защитников в 1854 году – Завойко, Максимова, Удалого, ученых – ботаника В. Комарова, путешественника В. Арсеньева, вулканолога Б. Пийпа. Среди Почетных граждан, занесенных в Книгу летописи, врач Михаил Матвеевич Макаров, народный артист СССР Владимир Павлович Андрианов, кандидат биологических наук Иннокентий Александрович Полутов, поэт, прозаик и драматург, собиратель фольклора коренных народностей полуострова Георгий Германович Поротов, Герой Советского Союза, вице-адмирал Григорий Иванович Щедрин.

Петропавловск – город романтиков, исследователей, неутомимых людей. Звоню в лабораторию по изучению морских зверей местного отделения ТИНРО своему знакомому Дмитрию Чугункову. «Нет его, – отвечают. – Уехал на Командорские острова к своим подопечным – морским котикам».

В аэропорту встречаю группу охотоведов. Куда держат путь? В тайгу соболей изучать. Из Петропавловска расходятся пути-дороги геологов и вулканологов, лесоводов и охотников, метеорологов и биологов. Несколько месяцев проводят они в тундре и тайге, в горах и на таежных станциях, на озерах и реках, исследуя недра полуострова, его климат, животный и растительный мир, биологические ресурсы. От их труда зависит сегодня многое.

Значит, интересная работа, возможность быстрее утвердиться держат молодых специалистов

в этом краю? И это, конечно, тоже. Но не только. Многие из уехавших на Большую землю возвращаются. Почему? Ведь там теплее, а фруктов и овощей во много раз больше.

«Скучал там, – сказал мой знакомый, не вдаваясь в подробности. – Показалось все таким однообразным после Камчатки...»

Да, разнообразие проявлений природы, которые здесь на каждом шагу, откладывает след в душе, делает жизнь ярче, интереснее. Горожанам стоит сделать несколько сот шагов в сторону от улиц – и они в зеленом царстве деревьев и трав. С вершины сопки можно полюбоваться океаном или спуститься на его берег. А рядом каменные березы поражают кривизной своих веток. Алыми гроздьями манит рябина. Ярким полыханьем, осенних нарядов очаровывают леса.

Зимой на склоне сопки раздолье горнолыжникам. Они – одни из лучших в стране. Сходит снег, но для любителей горных трасс каникулы не наступают. Они перемещаются к вулканам, где снега лежат все лето.

Каждый может насладиться природой в границах города или рядом, за его порогом.

Каково будущее Петропавловска? С чем связывают специалисты его дальнейшее развитие?

В городе большинство предприятий и организаций связано с рыбной промышленностью. По прогнозам ученых, эту свою специфику он сохранит и в перспективе.

Когда-то в бытность Российско-Американской компании были налажены связи народов, живших по разные стороны Тихого океана. Ныне они снова возрождаются. На юбилейные торжества приглашены представители Аляски и Алеутских островов. Делегация из Петропавловска совершила визит в Данию, в город Хорсенс, где родился Витус Беринг. Они пригласили земляков мореплавателя на юбилейные торжества.

И делегации с Аляски и Дании прибыли в столицу Камчатки. Гостями города стали потомки В. Беринга, В. Завойко, Д. Максимова.

Это был яркий и красочный праздник. На полотнищах – крупными буквами начертаны слова: «Петропавловску – 250. 1740–1990». Никольская сопка, на которой собрались тысячи горожан, расцвела разноцветными нарядами. Над колоннами военных моряков реяли знамена. И среди них — бело-голубой Андреевский флаг, символ боевой доблести.

Но что это? Слышна дробь барабанов. Колонны русских моряков в мундирах, какие носили воины полтора века назад. словно машина времени перенесла в далекое прошлое. Ожили страницы летописи Петропавловска. Жители увидели и парусные корабли, и русских моряков-первопроходцев во главе с Витусом Берингом. И картины обороны Петропавловска. Радость, музыка, веселье... Самый старый город Дальнего Востока отмечал свой 250-й день рождения.

...Тридцать лет живу в Петропавловске. Я знаю его в разное время года – в дождь и пургу, в туманные и солнечные дни. Я знаю его недостатки и достоинства. И радуюсь, видя, как растет и крепнет город на пороге Тихого океана.

ЧТО ТАМ, ЗА ОКАЕМОМ?

• ЭКСПЕДИЦИЯ К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ • ЗЕМЛЯ
НА ГОРИЗОНТЕ! • ОСТРОВ СВЯТОГО ИЛЬИ •
«ДЕСЯТЬ ЛЕТ И ДЕСЯТЬ ЧАСОВ» • НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
«МЯГКОЙ РУХЛЯДИ» • ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ •
ВЫСАДКА НА НЕВЕДОМОМ ОСТРОВЕ •

Перед нами главные действующие лица давних событий – Витус Ионассен (Иван) Беринг, датчанин, обрусевший на службе царю Петру, и морской офицер капитан Алексей Чириков. Сколько лет было «Ивану Ивановичу», когда писан этот портрет, мы не знаем. В звездный свой час, в год шестидесятилетия, когда была достигнута великая цель, выглядел командор иначе. Мечта его сбылась. Но какой ценой он заплатил за нее, сколько потрачено сил, исхожено и изъезжено дорог!

16 июля 1741 года команда на борту пакетбота «Святой Петр» ликовала. Люди поздравляли друг друга: «Земля!!!» Вот она, сверкающая снегами «спина» Америки, предсказанная и найденная. Счастливый солнечный день – венец мечтаний, надежд, великих трудов и лишений. Счастье на лицах. И лишь командор сдержан и даже печален. Когда обратили на это внимание, он сказал: «Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди...»

Что со вторым кораблем? Где «вторая голова» экспедиции – капитан Чириков? Три с половиной недели назад «Святой Петр» и «Святой Павел» потерялись в тумане.

Не суждено было узнать Витусу Берингу, что днем раньше в другом месте Чириков и команда тоже увидели берег Америки и что как раз в эти дни середины июля на «Святом Павле» искали место спустить шлюпку «провеждать берег». Не узнает Беринг и того, что шлюпка назад не вернется, как не вернется и посланная вслед за нею лодка.

И до сих пор неясно, что стало с пятнадцатью русскими моряками, первыми ступившими на северо-западный берег Америки...

Берег был не безлюден. С него к кораблю приблизились люди с туземцами – «прокричали дважды: агай! агай! – и махали руками». «С посланными от нас людьми поступили неприятельски: или их побили, или задержали», – записал Чириков и созвал совет: что делать дальше? Всего этого командор Беринг не знал. Он тоже готовился к высадке на открытую землю. Отвели на высадку минимальное время — «мешкать не можно». И предчувствия опытного моряка не обманули...

Беринг увидел Аляску примерно в шестистах километрах на северо-запад от места

высадки Чирикова, стоял на якоре вот тут, у острова Каяк. Командор назвал его островом Святого Ильи. Это первое название, положенное русскими на карту Аляски.

За 250 лет земля, называемая теперь Аляской, изучена досконально. Обозначен на карте каждый завиток суши, острова, реки, горные цепи, дороги, сотни тысяч больших и малых озер, селенья, места, где можно пристать кораблю, где можно сесть самолету, известны морские глубины и возвышения гор. Среди названий множество русских, их положили на карту те, кто пришел сюда вслед за людьми Беринга и Чирикова. Все ясно до мелочей на нынешней карте. В лето же 1741 года морякам, плывшим на утлых деревянных суденышках, предстала «терра инкогнита» – земля таинственная, неизвестная, негостеприимная, но явно богатая. Киты, тюлени, морские бобры (каланы) «изобильно обретались у берегов». Теперь вернуться и рассказать о находке. Томимый предчувствиями великих опасностей обратного пути, Беринг лишь десять часов дал бывшим на борту ученым людям на обследование берега. Драму исследователей участник экспедиции натуралист Стеллер записал горечь источающими словами: «Время, затраченное на исследование, находилось в таком отношении ко времени подготовительных работ: десять лет было затрачено на приготовление к этой великой задаче, а десять часов – на самую работу».

Чириков, потеряв шлюпку и лодку, высадиться на землю вовсе не смог, лишь плыл какое-то время, наблюдая ее берега.

Домой, домой!.. Оставим мужественных страдальцев, несущих на родину великую весть, наедине с Тихим бушующим океаном и посмотрим, что же стоит за словами Георга Стеллера: «десять лет и десять часов».

У открывателей Америки со стороны Сибири были предшественники, подготовившие их плаванья. Их общее имя – Землепроходцы. С десятков людей у нас на слуху. Ермак Тимофеевич, Семен Дежнев, Василий Поярков, Владимир Атласов, Ерофей Хабаров, Иван Москвитин... Но было их много больше. Они первыми шли на восток от Урала, открывая Сибирь. Это были люди особого склада: неприхотливые, выносливые, мужественные и любознательные.

Откуда родом были эти Колумбы? Вся Россия к западу от Волги «поставляла» сюда народ. Но больше было выходцев с новгородских земель – архангельцев, вологджан, каргопольцев, устюжцев. За плечами был у них опыт отцов и дедов, ходивших из вольного Новгорода на «севера» и восток. Многие были неграмотны и лишь изустно могли передать для тех, кто пойдет им вослед, куда, каким путем – перелазом – волоком – бродом – рекою – можно выйти к такому-то месту. Грамотные писали «скаска» обо всем увиденном и проведанном.

«Скаски» и «чертежи» доходили до сибирской столицы Тобольска, до Москвы, позже – до Петербурга. Государям российским пешая эта разведка доносила о «приращении земли», о новых источниках «мягкой рухляди» – пушнины для казны, об умножении славы Отечеству. Мир видел: совершаются великие земные открытия.

Кое-что из скатанных в трубочки «чертежей» попадало в атласы европейских картографов, но многое по пути к просвещенному миру сгнуло, потерялось, осело в архивных конторах городков и острогов. Берингу и Чирикову, посланным «проехать, сошлась ли Америка с Азией», неведомо было: почти восемьдесят лет назад это уже выяснено казаком Семеном Дежневым, приплывшим из колымского устья до устья реки Анадырь. «Скаска» – его отчет об экспедиции осели в бумагах якутской канцелярии.

На пути своем ходки на востоке оставляли многочисленные памятные кресты, избушки, где зимовали, остроги и городки, немедленно наполнявшиеся служивым и промышленным людом. Сургут, Тюмень, Тобольск, Березов, Обдорск, Мангазея, Енисейск, Иркутск, Якутск, Охотск – вехи на великом пути.

Что двигало эстафету землепроходцев? Какая пружина толкала людей к преодолению великих трудностей? В первую очередь надо назвать любознательность, свойственную всему живому, человеку в особенности. Жажда неведомого, ненасытное желание видеть: «Что там за океаном (за горизонтом)?» – влекли людей вперед и вперед.

Но было и другое – нажива. И тут надо сказать о небольшом зверьке, населяющем океан лесов за Уралом, – о соболе. Шкурка его была в те годы мерилем всех ценностей. Победенных в стычках немногочисленных аборигенов Сибири ходки немедленно «объясывали» – заставляли платить дань мехами и в первую очередь требовали горностаев и соболей. Сборщики ясака шли следом за открывателями земель, закрепляя их путь. Другие сами начинали промышлять зверя. Среди шедших «встречь солнца» доставало, конечно, люду всякого. Были авантюристы, гуляки, искатели приключений, честолюбцы, стяжатели – при всяком кипении пены не избежать. Но не их имена сохранила для нас история. В памяти народной остались те, кто в тяготах одоления пространств чувствовали себя гражданами Отечества – служили ему «приращением земли», пониманием: все увиденное и открытое будет служить потомкам. Об этих людях написано в наши лета:

Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь,
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть.

За пятьдесят восемь лет «пробежали» землепроходцы от Европы до Тихого океана (Ермак

выступил в свой поход в 1581 году, а в 1639 году Иван Москвитин уже стоял на побережье Охотского моря с тридцатью товарищами). Беспримерное дело в исследовании земли!

Слово «Камчатка» в царствование Петра Великого было уже на устах географов и картографов Европы.

А что там дальше? Ясно, что дальше была Америка, ее западные берега. Но соединяется ли она с Азией, или есть между ними вода? Могло ли это не занимать самого Петра? За три недели до смерти царь собственной рукой написал наказ-инструкцию экспедиции на Камчатку – «проводить, обыскивать мореходством».

Экспедиция отправилась на Камчатку в феврале 1725 года, уже после смерти Петра. Командовать ею поручили капитану Витусу Берингу, определив помощниками ему Мартына Шпанберга и молодого офицера Алексея Чирикова.

Сегодня из Москвы на Камчатку мы долетаем за девять часов. В те годы экспедиция с провиантом и снаряжением (тысячи пудов груза) добиралась до отправной точки морского плавания почти три года... Тут нет возможности описать трудности, приключения и злоключения на фантастически длинном по тем временам пути. На реке Камчатке был построен корабль, и на нем 13 июля 1728 года экспедиция отплыла, как предписывал Петр, «в направлении норт».

Плавание в здешних туманных, штормовых водах и ныне – дело трудное и опасное. Бот же – суденышко небольшое. Щепкой в холодных просторах выглядел «Святой Гавриил», двигаясь в виду азиатского берега. И настал день (12 августа 1728 года), берег начал вдруг отдаляться. Впереди было открытое море... Америка от Азии отделена, посчитал Беринг. Для верности плыли на север еще два дня. И вернулись. В хорошую погоду мореходы могли бы увидеть Америку, она была рядом. Но ясные дни в этих местах случаются редко.

Обратный путь по Сибири проделали уже налегке. 1 марта 1730 года Беринг со спутниками вернулся в Петербург. Первая Камчатская экспедиция длилась пять лет. В отчетах Беринг уверенно говорил: «Тамо подлинно северо-восточный проезд имеется». Таким образом, предполагалось: из Якутска по Лене и морем, если льды не будут препятствовать, можно плыть на Камчатку, а также дальше до Япана, Хины (Китая), и Ост-Индии доехать возможно. А в Америку? Наверное, и в Америку тоже. Но надо б сначала ее увидеть.

И сразу возникла идея Второй Камчатской экспедиции. Замысел был громадный. Царица и ее советники, Адмиралтейство, Сенат, Академия – все понимали исследовательское и политическое значение экспедиции.

Запрошенные Берингом средства – десять тысяч рублей (большие деньги по тем временам) – были отпущены. Экспедиция, правда, обошлась в триста тысяч, и в Петербурге в конце ее всполошились: «всю казну поглотит!» Но время показало: средства вложены были в дело до-

стойное. Это было второе, «инструментальное» (научное) открытие Сибири, описание ее и пробуждение к производственной жизни. Вторая Камчатская экспедиция стала великим и беспримерным исследованием Земли. В ней приняло участие более тысячи человек – мореходы, ученые, геодезисты, картографы, рудознатцы, строители кораблей, навигаторы, бывалые люди.

В начале 1733 года водным путем из Петербурга по Неве, Ладоге, Волхову, Ильмени-озеру, с перевалом груза с барок на подводки у Вышнего Волочка несколькими отрядами экспедиция прибыла на Волгу, двигалась дальше по Каме, а потом уже на санях по Сибири. По нынешним меркам одоление этого пути прежними средствами – уже подвиг. Но тотчас же развернулись исследовательские работы по всей Сибири – от монгольских степей и Байкала до северных льдов и от Оби до Камчатки. В двадцати четырех пунктах Сибири были устроены метеостанции (ничего подобного по масштабам в мире еще не было), с большой точностью определялись координаты различных мест, наносились на карты озера и реки, места, где обнаружались руды и минералы, собирались коллекции растений и животных, изучались обычаи и образ жизни народов...

Беринг... На этом опытном человеке лежала особая ответственность. Он стоял во главе всего громадного предприятия на громадных пространствах в течение десяти экспедиционных лет. В начале этого очерка мы расстались с ним в момент, когда зоолог Георг Стеллер, проведший десять часов на открытой земле, сокрушался: «Десять лет и десять часов!»

Что же увидел Стеллер за обидно короткое время? Во-первых, стало ясно: на открытой земле живут люди. Однако у непогасших костров и в земляной юрте никого не было – «американцы» укрылись в лесу. Стеллер внимательно осмотрел жилище, первобытное оружие, одежду, плетенные из еловых кореньев корзины. Что касается дикой природы, то она пребывала тут в девственном благополучии: красные лисицы бегали на виду у людей, совершенно их не страшлись. В жилище людей была обнаружена копченая рыба «изрядной величины». Царствовал всюду еловый лес. У ручья росли тополя и ольшаники. 163 вида местных растений, знакомых и незнакомых, обнаружил натуралист. Конечно, все было сделано на скорую руку. Но важен был главный результат: тихоокеанское побережье Америки в северной ее части богато разнообразной жизнью.

Обратное плавание двух кораблей было сплошным кошмаром. Туман и низкие облака не позволили определиться по небесным светилам о точке нахождения в океане. Осенние штормы швыряли парусники, как щепки. Цинга не давала людям подниматься с постели. «К вахте некоторых водили под руки». На корабле Чирикова кончилась пресная вода и пополнить запасы из-за отсутствия лодок было нельзя. Земля, которую жаждали видеть две недели назад, теперь не давала ходу, «путалась под ногами: налево пойдешь – острова, направо – они же». Двигаться надо было на запад, но земля заставляла спускаться все ниже к югу. Островам, возникавшим в тумане, теряли счет. Теперь-то мы знаем эту цепь островов, названных Алеутскими. Даже на карте малых мас-

штабов их нескончаемо много. Вытянутый в ниточку архипелаг указывает дорогу с Аляски к Камчатке. Но то, что станет известным через несколько лет, Берингу и Чирикову было неведомо. Острова казались фантастическим наваждением.

Чириков, проплывший вдоль открытой материковой земли четыреста километров, благополучно выбравшись из лабиринта островов, увидел берега Камчатки. Из офицеров его команды к этому времени на ногах держался лишь штурман Иван Елагин. 12 октября 1741 года он привел корабль в Петропавловск. Все были убеждены: Беринг с командой погиб. Оправившись от болезни, Чириков послал в Петербург рапорт об увиденном и открытом.

Судьба же второго судна была такой. Без малого месяц после прибытия Чирикова на Камчатку оно еще носилось в туманном штормовом океане. Почти каждый день море принимало на вечный покой участников экспедиции. Утром 5 ноября моряки увидели землю. Пытаясь на следующий день подойти к берегу, пакетбот едва не погиб. Сорванный с якорей штормовыми волнами, он чудом проскочил между рифами в небольшую лагуну.

Экипаж высадился на берег. 28 ноября вечером бур выбросила парусник на неведомый остров. Позже его назовут именем Беринга.

На Тихом океане, двигаясь вслед Берингу и Чирикову, русские мореходы и промышленники начнут с беспрецедентной быстротой исследовать и наносить на карту Алеутские острова и очертания Русской Америки.

Постепенно прояснилось: с Чукотского носа через пролив – летом на лодках, зимой на оленях – местные жители достигали Америки за один день. Испокон веков они встречались на торжище с тамошними людьми. Также выяснилось: землепроходцы Иван Федоров и Михаил Гвоздев по пути чукчей дошли морем до Большой Земли в 1732 году (за девять лет до плавания Беринга). Пристать к берегу из-за ветра не удалось, но видели мореходы «жилья юртами по берегу и народа, ходящего на той земле множество: лес на той земле великой лиственничный, ельник и топольник...» Туземец, подплывший к борту на кожаной лодке, «про зверей сказывал, что имеются олени, куницы и лисы, и бобры речные...»

Как и Колумб, Беринг с Чириковым имели предшественников. Но это не умаляет их подвига. Это как в зоологии – лесные жители зверя знают давно, но достоянием науки животное становится, когда описано, измерено, доставлено в зоопарк либо в музей. Помянем, как просит поэт, «добрым именем землепроходцев», но будем помнить также о том, что на мировые карты и атласы легли сведения, добытые людьми Беринга и Чирикова. До этого Аляски на картах не было – пустое место...

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА КОМАНДОРА

- БУХТА КОМАНДОРА • ПОИСК АРХЕОЛОГОВ
- ЗЕМЛЯНКА ВИТУСА БЕРИНГА • ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ
- У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ • НАХОДКИ НА МЕСТЕ ЖИЛИЩ •
- ГДЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СТЕЛЛЕРА? •
- ЧТО СТАЛО С ПУШКАМИ •

На берегу бухты среди песчаных дюн, поросших густой травой, темнели свежие раскопы. Землянки! Кого не возволнует вид жилищ, в которых 240 лет назад жили участники экспедиции Витуса Беринга. И жили не неделю или две—девять месяцев! Зимой! На необитаемом острове!

По травянистому склону поднимаюсь на вершину сопки, чтобы окинуть взглядом бухту Командора. Вот он, уголок земли, ставший священным местом России. Дугой выгнувшийся берег с белым воротником прибоя. Крутолобые мысы, вознесшиеся у концов дуги. Между мысами, раздвинув отроги горного хребта, вторглась широкая долина. По ее дну, нащупывая путь среди густой травы, петляет речка. Частые свирепые ветры, срываясь с горных вершин, словно по трубе, устремляются по долине к морю. И тогда бухта превращается в арену яростной схватки волн, ветра и усеянного каменными рифами берега.

Этому месту суждено было стать историческим.

Русские моряки на пакетботах «Святой Петр» и «Святой Павел» первыми достигли северо-западных берегов Америки, открыв Аляску и Алеутские острова. Но возвращение домой, в Петропавловскую гавань, было тяжелым. Шторм следовал за штормом. Цинга косила людей. Если пакетбот «Святой Павел» под командованием Алексея Чирикова, хотя и с потерями, но возвратился осенью того же 1741 года домой, то судьба пакетбота «Святой Петр», которым командовал Витус Беринг, была драматичной. Из-за болезней моряков, износившегося такелажа, иссякавших запасов продовольствия участники похода вынуждены были пристать к пустынному острову.

«Невозможно описать, – пишет участник похода Георг Стеллер, – как велика была радость всех, когда увидели землю. Умиравшие выползали наверх, чтобы увидеть ее собственными глазами...»

Землю приняли за Камчатку. Однако радость растаяла, когда высадились на берег. Земля была пустынной, без признаков леса. Бродившие дикие песцы не боялись людей. Моряки оказались на неизвестном безлюдном острове.

Державшиеся на ногах лейтенант Ваксель, натуралист Стеллер и несколько моряков, первыми ступившие на незнакомый берег, провели разведку и обнаружили у подножия сопки среди

песчаных наносов несколько ям. Здесь и решили вырыть землянки, чтобы пережить наступившую зиму.

Большим мужеством, силой духа отмечена зимовка русских моряков. Оценивая значение Второй Камчатской экспедиции, ученые сходятся в главном: она стала беспрецедентной в истории исследований земли того времени. Одни отнесли ее к ряду «величайших предприятий всего света и всех времен» (Ф. Гельвальд), другие назвали «одной из прекрасных глав истории нашего флота» (А. Соколов).

Роль экспедиции Беринга в открытии новых земель в северной части Тихого океана столь велика, а обстоятельства плавания к берегам Северной Америки и зимовки на необитаемом острове столь необычны, что интерес к ней на протяжении вот уже почти двух с половиной веков не угасает. По многим вопросам среди исследователей до сих пор нет единого мнения.

И потому они вновь и вновь пытаются проанализировать различные стороны экспедиции, подробности похода, проследить судьбу отдельных членов экипажа, выяснить их роль, отыскать новые свидетельства героической зимовки на острове.

В 1981 году – году 300-летия со дня рождения Витуса Беринга – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока организовал экспедицию на место стоянки русских моряков-первопроходцев.

Бухта Командора встретила нас ярким солнцем. Накануне, совершая посадку на острове, мы увидели с самолета любопытную картину. Половина острова была укутана, словно ватой, туманом. На другой, где велись раскопки, ярко сияло солнце.

А здесь уже две недели солнце, – сказали участники раскопок. Их слова красноречиво подтверждали черные от загара лица, будто это был южный берег Крыма, а не туманный остров, где по статистике бывает в год 15–20 солнечных дней. Да и село Никольское, откуда мы проделали на вездеходе 80-километровый путь, было укутано туманом. Очевидно, воздушные потоки в проливе отжимали туман к противоположной стороне острова.

Руководитель экспедиции кандидат исторических наук Виталий Дмитриевич Леньков стал нашим гидом. Он водил нас среди раскопов, показывая систему жилищ моряков.

Мы решили подробно исследовать стоянку экипажа пакетбота, провести раскопки землянок, отыскать оставленные на берегу пушки, – говорит Виталий Дмитриевич. – В составе отряда младшие научные сотрудники Г. Л. Силантьев и О. С. Галактионов, фотограф Л. А. Сычева, лаборант и радист Б. В. Метелев. Из Москвы пригласили опытных специалистов – археолога-геофизика А. К. Станюковича и реставратора М. С. Шемаханскую. Ну, а это наши добровольные помощники – курсанты Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени Г. И. Невельского и школьники-островитяне, – ученый показал на группу ребят, занятых

раскопками.

Экспедиция обнаружила шесть землянок: пять на песчаной береговой террасе, одну – на склонах сопки ниже мемориального креста, посвященного Витусу Берингу.

Это совпадает со свидетельством Стеллера, который писал, что после смерти командора команда жила в пяти подземных жилищах, – подчеркнул Виталий Дмитриевич. – Ну, а с находками вы познакомитесь в лагере, – заметил он, показывая в сторону палаточного городка, белеющего среди зеленой травы на противоположном берегу реки.

Любопытно, что экипаж пакетбота, сам того не подозревая, поселился на месте жилищ древних обитателей острова. На это указывали каменные и костяные орудия труда, обнаруженные в некоторых ямах. Находки относились к эпохе неолита и принадлежали морским охотникам. Значит, остров в древности был обитаем или служил местом временного поселения.

– Когда мы приступили к раскопкам выявленных западин, было сомнение, чьи они: экспедиции Беринга или промысловиков, которые заходили сюда для добычи морских зверей или делали остановки на пути к Алеутским островам, – вступает в разговор археолог Геннадий Силантьев, начинавший здесь раскопки в 1979 году. – Мы опасались, не потревожен ли культурный слой? Ведь до нас здесь побывало множество самодеятельных групп «кладоискателей». Только кропотливая работа позволила установить под перекопами культурный слой. Находки рассеяли сомнения – землянки принадлежали экипажу Беринга.

По едва заметным контурам археологи бережно расчистили стоянку и через 240 лет перед потомками воскресли свидетельства необычной зимовки моряков-первопроходцев, их борьбы за выживание в невероятно сложных или, как теперь говорят, экстремальных условиях.

Прежде всего бросалось в глаза: место для стоянки было выбрано очень удачно. Землянки располагались на невысокой террасе под прикрытием крутой береговой сопки в углублениях между песчаными дюнами. Рядом бежала речка с чистой пресной водой, ставшая рекой жизни для измученных болезнями людей. Большинство землянок сделано с хозяйской сметливостью и учетом долгой зимовки.

Археологические находки, воспоминания участников зимовки позволяют представить всю картину жизни на необитаемом острове.

«В один из вечеров мы договорились о том, как обустроить на будущее наше хозяйство, как подготовиться ко всем непредвиденным обстоятельствам и по возможности сохранить надежду на наше возвращение в Азию, – вспоминает Георг Стеллер. – Одновременно, мы хорошенько обдумали то ужасное положение, в какое мы попали... Ведь потребовав от каждого подходящего исполнения обязанностей достаточного для обеспечения лишь самого жалкого существования, мы обязали всех работать непривычным образом. Но мы, не переставая, призывали друг друга не

падать духом и, отбросив шутки в сторону, и в известной мере выказывая радость, исполнять все во имя собственного блага и на пользу остальных».

Державшиеся на ногах моряки собирали на берегу «плавник» – бревна, выброшенные морем, сооружали жилища, благоустраивали землянки.

Крышей землянок, глубина которых порой достигала двух метров, служили паруса. Судя по довольно четким следам гвоздей, они крепились к брускам и перекладинам, а их края присыпались песком и прижимались досками. Снаружи они дополнительно закреплялись корабельными канатами – об этом свидетельствовали находки железных коушей с завитками веревок. Чтобы не проникали частые холодные ветры с моря, входы в жилища вели с южной и юго-восточной сторон. Они были в виде узких длинных траншей, с двумя перегородками.

В некоторых жилищах парусина лежала на брусках, опиравшихся на столбы, ямки от которых выявлены на дне землянок. У стен – истлевшие деревянные колышки, к которым крепились гвоздями дощатая или парусиновая обшивка.

В двух жилищах не обнаружено ни остатков крепления стен, ни ямок от столбов. Не являются ли они летними «квартирами»? По воспоминаниям Степлера, «весной при таянии снега «подземные жилища наполнились фута на два водой. Мы покинули зимние квартиры и построили на земле летние». А может это землянки, вырытые сразу же после высадки на берег, когда у людей, изнуренных болезнью, не было сил добротнo оборудовать жилища?

Одна из землянок выделяется среди других небольшими размерами. В ней было мало находок. С поверхности в землянку вел деревянный трап. Стены жилища почти полностью были обшиты деревом и брезентом. Лежанка над полом с остатками тлена сукна или войлока. В центре – очаг, обложенный дерном, камнями и обломками корабельного кирпича (один кусок с эмблемой Андреевского флага). Очевидно, очаг горел непродолжительный период – в нем мало золы и углей.

Бронзовая пуговица, свинцовая пуля, пара железных ледоходных шипов – вот и все находки, обнаруженные на дне землянки. У входа встречены обрывок кожаного поясного ремня и железная пряжка, гвозди, чугунное ядро, кусочки слюды. Судя по количеству находок, жили здесь не долго.

Стенки котлована стали обрушиваться еще при эксплуатации жилища, осыпавшийся песок не удалялся. «Все говорит за то, что в этой землянке провел свои последние дни Витус Беринг», – говорят исследователи. – Жил он здесь всего месяц. Это вполне согласуется с тем, что сообщают участники зимовки».

«Капитан-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках... в небольшую, отдельно для него пригото-

ленную землянку», – вспоминал С. Ваксель. И далее: «Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины. Тело его было наполовину зарыто в землю уже за последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой яме-землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины...»

8 (19 по новому стилю) декабря 1741 года командор скончался. Его похоронили недалеко от жилища. Со временем могила сравнялась с землей.

В вахтенном журнале пакетбота есть упоминание, что могила Беринга находится на возвышении, откуда просматриваются остров [Медный] и мысы Северо-Восточный и Толстый. Четко указываются пеленги креста на эти точки. Однако с места нынешнего местонахождения памятника мысы не просматриваются. Археологи утверждают: не могли так высоко на склоне сопки устраивать кладбище люди, обессиленные болезнями. Резонное утверждение! Точное место захоронения Беринга и других моряков экипажа еще предстоит отыскать.

Находки возвращали участников раскопок к тяжелым будням мореходов, главной заботой которых были топливо и продовольствие.

У входов в жилища обнаружены масса костей и остатки шкур морских зверей. Посреди землянок – следы костров в обложенных галькой и песком очагах – остатки золы на полу, коричнево-черный налет дыма на стенах – топились-то они по-черному.

«Съестных припасов» было недостаточно. Ввели жесткое распределение муки и ячменной крупы, которая вскоре закончилась. Мука оказалась подмоченной вместе с порохом и отдавала неприятным привкусом. На кострах готовили скудную похлебку. Вот и глиняный кухонный горшок с прокопченными стенками, какие были тогда в ходу в Сибири и Якутии, остался с тех пор – его обнаружили археологи в одной из землянок.

Для пропитания добывали морских зверей – нерп, каланов, а «хлебом пользовались как лакомством».

Каждый день приходилось думать о топливе. Леса на острове не было. Плавник поблизости собрали для сооружения жилищ. Приходилось ходить за ним все дальше и дальше — сначала до четырех-десяти верст, а с марта – аж за 15 верст. Путь преграждали «непропуски» – дикие утесы и скалы. Бревна, обломки деревьев раскапывали под снегом и

тащили в лагерь. Одежда и обувь быстро изнашивались, приходилось их постоянно чинить.

Часто пурга заставляла в пути и неоднократно ставила жизнь людей на опасную грань. Однажды разбушевавшийся циклон со снегом вынудил подштурмана Юшина, плотника Стародубцева и еще трех человек искать убежище в расщелинах скалы. Волны штормового моря отрезали людей от берега. Семь дней провели они без пищи и тепла в «каменном мешке». С большим трудом выбрались они из западни и лишь на девятый день, когда их считали уже погибшими, добрались до лагеря.

Каждодневно люди должны были противостоять суровым испытаниям природы. «...Постоянное беспокойство причиняли нам жестокие ураганы и штормовые ветры в сочетании с сильным снегопадом, густым туманом и сыростью от близости моря, от которых паруса, составляющие крыши наших землянок, быстро ветшали. (С. Ваксель).

Большой напастью были надоедливые песцы. Не боясь людей, они нахально шныряли по лагерю, забирались в жилища, растаскивая и без того скудный «провиант» — одежду, обувь, парусину, мясо.

В суровых условиях выживания поменялись ценности жизни. «Меховая лихорадка» отошла на задний план – дорогие меха морских бобров (каланов) некогда было обрабатывать, не хватало свободного времени. Зато стали дорожить «топорами, ножами, иглами, нитками, дратвой, башмаками, рубашками, носками, жердями, веревками...» Словом, вещами, необходимыми для каждодневного использования.

Изменилась и атмосфера взаимоотношений. Забыты были чины и звания. «Тем временем с прислуживающими казаками стали обращаться вежливее и называть их не только по имени, но и по отчеству... И очень скоро мы обратили внимание на то, что Петр Максимович был более услужлив, чем в прошлом просто Петруха». (Стеллер).

Моряки сообща расходовали оставшиеся продукты, охотились на морских зверей, бережливо вели хозяйство, заботились о больных. В опасном положении после высадки на берег находился лейтенант Свен Ваксель. «Цинга довела его до такого состояния, что мы полностью расстались с надеждой на то, что он. выживет», – пишет Стеллер. Но забота окружающих, медицинская помощь сделали чудо. Он сравнительно быстро поднялся на ноги. А после смерти командора возглавил экипаж.

В период зимовки Вакселю пришлось, пожалуй, труднее всех. С ним находился 12-летний сын Лоренц, служивший в то время волонтером. Отец взял его с собой в поход, чтобы с детства приобщить к морскому делу. И он не подвел отца. Все тяготы жизни он разделял наравне со взрослыми и даже обижался, если ему пытались сделать поблажки. Возвратившись в Петербург в

1749 году, он был принят на службу во флот мичманом унтер-офицерского ранга. И достойно нес службу – храбро проявил себя в нескольких морских сражениях, дослужился до капитана генерал-майорского ранга, став главным командиром Архангельского порта.

К Рождеству за счет свежего мяса и хорошей воды («необычайно прохладна, чиста, легка, а потому очень полезна для здоровья») большинство людей поправилось. 8 января 1742 года был отмечен последний смертный случай.

В конце января зимовщики добыли первого сивуча, мясо которого было гораздо вкуснее каланьего. А в середине апреля к берегам стали приплывать морские котики. Промышлять их на лежбищах при многочисленном скоплении было делом не сложным.

«Провиантским магазином» стал выброшенный на берег кит. Его жир топили и на нем пекли из ржаной муки лепешки и оладьи, – За два дня жира набрали в запас столько, что его хватило до отплытия с острова.

Весной, когда стаял снег, ходили собирать корни растений и целебные травы. Свежая, с витаминами пища быстро укрепляла силы людей.

Снимая пласт за пластом землю на месте стоянки мореходов, археологи открывали все больше следов суровой жизни и быта зимовщиков. Коллекция находок пополнялась с каждым днем. Извлеченные из земли, они попадали в руки реставратора М. С. Шемаханской. Кандидат технических наук, она заведует сектором реставрации металлов во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации. Часть находок лежали на досках – сушились. Над другими Марина Сергеевна продолжала «колдовать».

Видели бы вы, какой бесформенный вид имеют предметы, когда их приносят мне, – рассказывает Марина Сергеевна. – Взаимодействуя с почвой, металлические предметы претерпевают сложные физико-химические изменения. На них образуются окислы и соли. Предметы как бы разбухают, приобретают больший объем. Порой невозможно сразу определить находку. Вот абордажный топорик. Он настолько вспучился, оброс ржавыми буграми, что трудно было сказать, что это такое. Приходится много «колдовать», чтобы находка приобрела первоначальный вид.

Реставратору приходится быть и слесарем, и химиком, и художником. Прежде всего предметы обрабатываются механически – удаляются наросты, бугры, наслоения. Химическим путем удаляются соли и продукты коррозии. И только после этого их консервируют, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение.

Командорские условия – самые жестокие для металла, — говорит М. С. Шемаханская. – Связано это с большой влажностью, близостью моря. За многие годы работы довелось увидеть всякого металла, но в такой степени сохранности – впервые. 240 лет в археологии – малый срок. Но если спросить, сколько времени эти предметы пролежали в земле, можно ответить: не менее

двух тысяч лет.

Что же земля острова сохранила для потомков?

Марина Сергеевна Шемаханская и Виталий Дмитриевич Ленков перебирают предметы, рассказывают о их назначении. Находок множество, несколько сот: предметы одежды – пуговицы от мундиров, куски войлока и кожи, пряжки, знак гренадера, обрезки каланьей шубы с пуговицами и нательным крестом, остаток кисти с серебряными нитями: предметы труда и быта – плотницкие топоры, ножи, ножницы, трехрожковый штурманский циркуль и двуножный циркуль-измеритель, бронзовый наперсток, точильце, самодельный рыболовный крючок из гвоздя, наконечники копий, осколки горшка, обломки штофов, кусочки фарфоровой, керамической и стеклянной посуды; трубка с бронзовым орнаментом мундштука; предметы вооружения – пушечные ядра, картечь, штык-багинет от кремневого ружья, бывший на вооружении русской армии, свинцовые пули... А вот остатки деревянной бочки, обшитой снаружи и изнутри кожей, а в ней – серебряные чешуйки-монетки, выпускавшиеся при Петре I, штурманский инструмент, натуральные краски.

Но самые массовые среди находок – остатки такелажа парусного судна. И это закономерно. Ведь на берегу действовала своеобразная верфь. Выброшенный во время шторма пакетбот оказался поврежденным и замытым в песок. В марте 1742 года Свен Ваксель собрал совет. Моряки высказались за разборку поврежденного судна и строительство нового. И тут возникла непредвиденная сложность. Среди моряков не оказалось мастера. Три плотника, знавшие корабельное дело, умерли. Правда, нашелся сибирский казак Савва Стародубцев, участвовавший в строительстве пакетботов в Охотске. На него была вся надежда. И он решился из деталей старого судна построить новое.

Весной оставшиеся в живых приступили к разборке корабля, а в мае заложили новое судно. Двенадцать человек, умевших обращаться с топором, занялись плотницкими работами. Другие им помогали. Третьи обеспечивали пищей, заготавливали впрок провиант на дорогу.

Нельзя без волнения смотреть на следы этого строительства. Рядом с землянками – площадка с кузнечным горном. Прожженная земля, следы очага, куски древесного угля. Вокруг, как и следовало ожидать, было много всяких предметов. Поковки, кузнечные скобы, дверные навесы, кованые куски металла, кузнечные инструменты, сотни гвоздей, которые готовились для дальнейшего употребления.

Среди реликвий – коуши (металлические вкладыши различных размеров) с остатками растительного троса, корабельные блоки и части корабельной оснастки, свайка – инструмент для заплетания тросов, конопатки для забивания пакли в пазы между досками корпуса, обрывки якорного каната, из которого вытапливали смолу для заливки пазов в обшивке судна. Для этого канаты рубились на куски и разогревались в чугунном котле.

К концу июля корабль был готов. Он имел длину около 12 метров, ширину около 4 метров и осадку 1,5 метра. Гукор называли тем же именем, что и пакетбот – «Святой Петр».

За время похода и жизни на острове экипаж потерял 31 человек. 45 участников экспедиции выжили. Все выпало на долю мореходов: ветры и пурги, стужа и сырость, болезни и недоедания, беспокойства и сомнения. И даже три раза случались землетрясения, одно из которых 7 февраля было особенно сильным (в подземных квартирах трещали и падали опоры).

Что помогло морякам выстоять?

Взаимопомощь, поддержка друг друга, сила духа. Моряки жили дружной семьей. Нельзя было распознать «кто господин или слуга, понеже уже не было разницы ни между кем, ни в чем, ни у слуги с господином, ни у подчиненного с командиром, ни в подчинении, ни в работе, ни в пище, ни в одежде». И что удивительно: даже в этих суровейших условиях они умудрялись находить минуты радости. «При всем том мы справляли все праздники, – вспоминает Г. Стеллер. – В эти дни мы угощали друг друга как могли».

13 августа 1742 года моряки простились с островом, дав ему имя Беринга. Через четыре дня они увидели берега Камчатки, а 27 августа бросили якорь в Авачинской бухте, привезя известия о новых землях в северной части Тихого океана.

– Велика ли роль находок в углублении знаний о жизни участников экспедиции Беринга? – спросил я Виталия Дмитриевича Ленькова.

Безусловно, – ответил он. – Согласитесь, одно дело, когда читаешь об этом в книгах, и совсем другое, когда держишь в руках предметы, которыми пользовались участники экспедиции. Каждая из находок дополняет уже известное о жизни мореходов по воспоминаниям Вакселя, Степлера, Хитрово, по записям в вахтенном журнале. Они помогают представить реальную обстановку зимовки мореходов-первопроходцев, проявивших необыкновенное мужество в суровых условиях жизни на необитаемом острове.

Раскопки землянок в бухте Командора подходили к концу. Вечерело, когда молодой археолог Геннадий Силантьев повел к землянкам моряков, высадившихся на берег посмотреть историческое место. Заканчивая экскурсию, он сказал:

Ну, а теперь идемте со мной. Вы станете свидетелями еще одной находки...

Геннадий спрыгнул в землянку, подчистил лопаточкой стенку траншеи. Обнажилась часть какого-то прямоугольного предмета. На осторожный стук предмет ответил легким глухим звуком.

Слышите? Так может звучать только полый сосуд. Это или ларец, или сундучок. При расчистке лопата не дошла до него буквально несколько сантиметров.

Воображение рисовало шкатулку или сундучок с судовыми документами или бумагами самого командора!

А может там содержались какие-либо еще ценные реликвии? находка хранила тайну. И мы стояли у ее порога.

К месту раскопок позвали реставратора М. С. Шемаханскую. Осторожно, в едином монолите с землей она извлекла находку. Словно хрупкий сосуд, ее поместили на деревянную подставку и Силантьев понес находку в лагерь. Присутствующие гуськом потянулись за ним по тропинке.

Когда переходил речку, балансируя на бревне, страшно боялся упасть в воду, – признался потом Силантьев.

Находка взбудоражила всю экспедицию. Темнело. Отложить расчистку до завтра? Но весь лагерь ждал результатов. Нетерпение было так велико, что решили немедленно приступить к «распечатыванию».

Разглядывая бугристый нарост на одной из сторон, высказывали предположение: не замок ли это? Но по мере того как находка освобождалась от земли, выявилась горловина. Потом открылся и весь предмет. Это был металлический анкерок – сосуд для питьевой воды или растительного масла.

Тайна исчезла на глазах. У многих появилось разочарование. Но оно вновь сменилось надеждой, когда продолжили расчистку. Сосуд был не пустой, в нем что-то находилось. Когда его, наконец, вскрыли, обнаружили две невзрачные костяные пластинки. Стали гадать: что бы это могло быть?

– Это же лабретки! – воскликнул кто-то. – Ну да, лабретки, украшение алеутов. Они вставляли их в проколотую верхнюю или нижнюю губу, или в перегородку носа.

Одна лабретка была заостренной, длиной около семи сантиметров, другая – с тупым концом, чуть короче. Сделаны они были из кости морского зверя. Когда находки показали исследовательнице культуры и быта алеутов Р. Г. Ляпуновой, находившейся в это время на острове, она обрадованно сказала: «Это ценнейшие находки. Ни в одном из наших музеев нет таких лабреток».

Но не только лабретки хранил сосуд. В нем находился небольшой обломок «чертова камня». Так называли в народе минерал белемнит (окаменевшую в древности раковину моллюска), употреблявшийся врачами как кровоостанавливающее средство. Вдобавок на дне был довольно толстый слой сросшихся кораллов и небольших окаменевших раковин морских моллюсков, а также кусочек руды свинцового блеска.

Кому из участников экспедиции принадлежали эти находки? Не Стеллеру ли? И не следы ли это его этнографической коллекции?

Адъютант Петербургской Академии наук Георг Стеллер был единственным натуралистом, участвовавшим в плавании к берегам Северной Америки. Но круг его интересов был всеобъемлющ. Он интересовался медициной, ботаникой, зоологией, этнографией, историей. Это был по-

движник в науке. «Он мог работать, не обращая ни малейшего внимания на то, что творится вокруг», – говорил о нем академик И. Гмелин.

Стеллер был безразличен к быту, равнодушен к чинам и должностям. По утверждению современников, все его имущество составляли жестяная кружка и медная миска, в которой он сам готовил себе пищу. Несмотря на беспорядочный образ жизни, он, по свидетельству Гмелина, «...при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях..; Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки».

«Всевозможные трудности и труды с непостижимой силой влекут меня, словно речной поток», – писал ученый. А преград на его пути вставало множество. Этому способствовали в одних случаях некоторые отрицательные черты его характера (задиристость, неуживчивость, вмешательство во все дела), в других – нежелание командования судна понять цели и стремления исследователя.

Когда через полтора месяца плавания к берегам Америки показалась земля, Стеллер, как истинный ученый, загорелся желанием высадиться на берег. Его не пускали. Лишь после большого скандала с Берингом он смог отправиться на незнакомую землю с моряками, идущими за пресной водой (как оказалось впоследствии, это был остров Каяк).

Стеллер наткнулся на только что покинутое жилище индейцев и с интересом оглядел предметы быта – корыто, выдолбленное из дерева, огниво (дощечки и палочки, трут из моха-ручейника), связку веревок из травы. Рядом валялись раковины моллюсков. В другом месте он обнаружил погреб, в котором находились лукошко из древесной коры с копченой рыбой, трава для изготовления рыболовных сетей, ремни из морской капусты, стрелы.

Ученый стремится как можно больше узнать о природе открытой земли, с жадностью знакомится с растениями и животными. В одиночку уходит в глубь острова. Затем пытается договориться с командованием пакетбота о продлении своего пребывания здесь. Но его уже торопили на корабль, угрожая оставить одного на острове. «Десять лет продолжались сборы и всего десять часов ушло на дело», – с досадой замечает он в книге.

Гордость и вместе с тем горечь чувствуется в названии его работы «Описание растений, собранных за шесть часов в Америке». А сделал он поистине много – успел обнаружить и описать 163 вида растений! Удачная высадка на остров размягчила душу Беринга и он в знак поощрения угостил Стеллера по его возвращении на судно шоколадным напитком.

С острова на корабль Стеллер переправил ряд обнаруженных там предметов – стрелу, огниво, трут, кору, куски морской капусты, две связки рыбы. Флотский мастер Хитрово принес с собой лукошко из коры, камень-точило со следами медного цвета, весло, глиняный полый ша-

рик-игрушку.

Заметим сразу: остатки лукошка из древесной коры и точильный камень обнаружены при раскопках землянок. Выделим также из коллекции, доставленной на корабль, раковины моллюсков и трут из мха. Раковины обнаружены в железном сосуде. А сросшиеся с ними щеточки кораллов – не щетинки ли это мха? Что же касается других находок в сосуде – костяных пластинок (лабреток) и каменного кусочка свинцового блеска, то они могли быть получены от алеутов во время контакта экипажа с жителями Шумагинских островов. Сведения о таких украшениях сохранились в книге Стеллера. Алеуты на глазах экипажа раскрашивали лицо и одаривали моряков «своей косметикой». У некоторых через нос и губы были продеты «костяные палочки».

Стеллер был первым, кто привез сведения об алеутах – народности, обитающей на островах в северной части Тихого океана, высказал предположение об их родстве с камчадалами. Собранная коллекция находилась с ним на острове Беринга. И здесь в невероятно трудных условиях, когда все силы были направлены на то! чтобы выжить, он сумел продолжить исследования. Часто в одиночку он бродил по острову, наблюдал за животными, каждый день заносил в дневник сведения об особенностях природы неизвестной земли. За короткое лето 1742 года он описал на острове 211 видов растений. Любопытно, что ботаники до сих пор не превзошли это число. Такова была работоспособность и наблюдательность ученого.

Стеллер собрал сведения о морских зверях острова – котиках, каланах, сивучах, нерпах. Первым подробно описал образ жизни морской коровы. Эти данные натуралиста оказались единственными, поскольку через 27 лет после открытия морская корова была полностью выбита промышленниками. Последний экземпляр ее, как считают, был убит в 1768 году.

Когда Стеллер приехал в Россию, ему было 25 лет. Через три года он был зачислен во Вторую Камчатскую экспедицию адъютантом натуральной истории. В 32 года отправился в поход на пакетботе «Святой Петр» к берегам Северной Америки, а в 37 лет умер в Тюмени по пути в Петербург. Но он успел оставить большое научное наследство – сотни статей о Сибири, Камчатке, Алеутских островах, острове Беринга.

К сожалению, этнографическая коллекция Стеллера, собранная в походе к Америке и на Алеутских островах, затерялась. Некоторые исследователи полагают, что если не вся, то по крайней мере часть ее осталась на острове Беринга. Несомненно, что анкерок использовался ученым для хранения некоторых предметов коллекции. И вот спустя 240 лет он в руках археологов!

Все поздравляли Геннадия Силантьева. Слава удачливого кладоискателя закрепилась за ним еще в 1979 году. Тогда он с курсантами Дальневосточного высшего инженерного морского училища начинал здесь раскопки. Уроженец Казахстана, он полюбил Дальний Восток во время

службы в армии и остался здесь работать. Плавал на судах морского пароходства. Потом учился в Дальневосточном государственном университете. Будучи студентом, участвовал в археологических экспедициях. Удача шла ему навстречу. Впрочем, известно, что она благоволит к увлеченным, преданным делу людям.

Среди двухсот находок, обнаруженных в бухте в 1979 году отрядом Силантьева, было много интересных: трехрожковый штурманский циркуль, плотницкие инструменты, серебряные монетки, выпускавшиеся при Петре Первом. Но особенно ценной и загадочной находкой оказался набор из шести небольших бронзовых стаканчиков, выточенных на токарном станке. Все стаканчики, словно матрешки, были вложены в основной большой стакан, закрытый крышкой. Ее венчала фигурка коня, запряженного в санки. На каждом из стаканчиков нанесено определенное количество точек, указывающих величину его веса или объема.

Находка была столь интересной, что споры вокруг нее продолжались и во время экспедиции 1981 года. Приводили разные доводы исследователей. Одни из них утверждали, что это личная артиллерийская мерка Витуса Беринга, другие – что это русский складной фунт, третьи — что это не что иное, как медицинские мерки. Тем более, что рядом с ней обнаружена склянка с остатками светло-коричневой мази.

Многие сходились на том, что мерки могли принадлежать Стеллеру. Ведь в некоторых публикациях утверждается, что в экспедиции он исполнял обязанности лекаря.

Однако, как удалось установить по архивным документам, в обязанности Степлера на пакетботе «Святой Петр» не входило медицинское обеспечение экипажа. Эти функции выполняли подлекарь М. Бетхе и лекарский ученик А. Коновалов.

Но хотя официально Стеллер и не числился врачом на корабле, он со своим беспокойным и отзывчивым характером не мог стоять в стороне от лечения моряков, видя, как они страдали «цинготной болезнью». Тем более, что медицину он знал, изучал ее в университете, а в России лечил больных служителей у архиепископа Феофана Прокоповича. По пути на Камчатку он сделал описание употребляемых лекарственных растений в Сибири. На Камчатке, пока готовилась экспедиция, он многое успел узнать о целебных свойствах местных растений, способах врачеваний у народностей полуострова. И во время похода на корабле «Святой Петр», когда свирепствовала цинга, он, как человек сведущий в медицине, давал рекомендации, как мог помогал больным. На корабле была аптечка, в ней было много всяких мазей, но не было лекарств от цинги и заболеваний дыхательных путей, которыми страдали моряки.

На одном из островов, у которого умер первый из членов экипажа матрос Шумагин, Стеллер находит бруснику, шикшу, обнаруживает ложечницу, щавель, горечавку и другие целебные травы, указывает на их противцинготность. Кое-что из этих трав он собрал для себя и лечил потом ко-

мандора и других членов экипажа.

Ученый советует командованию запастись противоязвотными травами. Но оно пренебрегло советами. Он с огорчением сообщает в дневнике: «...мое мнение о воде было с презрением отвергнуто, а собирание растений было сочтено для лекарского помощника, подчиненного общему командованию, неподходящим делом и для матросов – лишним». Можно представить, как жалели потом на корабле, что не прислушались к советам натуралиста.

Известно также, какгодились ботанические познания ученого во время вынужденного пребывания экипажа на острове, названного потом именем Беринга. Вексель писал: «Как только, однако, сошел снег, и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы».

Общая беда сблизила на острове людей. Стеллер и подлекарь М. Бетхе стали друзьями и даже жили в одной землянке. Так что вполне естественно допустить, что стаканчики-мерки принадлежали кому-то из них.

Были ли они оставлены или забыты, когда покидали остров? А может потеряны, как и некоторые предметы из этнографической коллекции Степлера? Трудно сказать. Во всяком случае, «потерянные находки» возвращают к давним событиям, служат документальным свидетельством первых контактов русских моряков с жителями Аляски и Алеутских островов.

Мы ждали наступления отлива. Весь лагерь проснулся, казалось, раньше обычного. Ребята ходили по берегу, прикидывали, скоро ли вода покинет песчаную лайдуну, чтобы можно было вести раскопки.

Вчерашний день принес разочарование. Два «клада», на которые возлагались большие надежды, подвели.

Вечером поисковая группа обнаружила еще одно место. Прибор показал, что в земле таятся какие-то металлические предметы. Однако наступивший прилив помешал раскопкам.

Что день грядущий готовит?

Экспедиция ученых приступила в бухте Командора к завершающему этапу работ – поискам пушек с пакетбота «Святой Петр».

Пушки Беринга... Свыше двух столетий они были окутаны тайной, будоражили воображение исследователей и путешественников. История их обрастала многочисленными рассказами и просто легендами. Для поиска пушек снаряжались экспедиции. Но тщетно. Пустынный берег молчал. Впору было подумать, не легенда ли это, если бы не свидетельства – письменные и устные.

Отправляясь с острова на Камчатку, моряки не могли вместить все снаряжение на гукор –

построенное из остатков пакетбота судно было меньше своего предшественника. На общем собрании пришли к выводу, что «всех имеющихся здесь казенных припасов и материалов взять с собой никак невозможно., а остров пустой и жилых людей не имеетца». Было решено взять на новое судно «из железных материалов сколько возможно вместо балласту..., а протчие пакетбоцкие материалы оставить здесь, которые положутся в здешний магазин...»

Лейтенант Свен Вексель докладывал в своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию, что они взяли с собой лишь воду, несколько бочек соленого мяса морской коровы и остатки муки». А протчие материалы и припасы решено было оставить на том острове в построенном сарае... А какие... о том послан в адмиралтейств-коллегию имянной реестр».

Сохранившаяся в архивах подробная опись имущества, скрепленная подписью всего экипажа, включает 2071 предмет 474 наименований.

Среди имущества зимовщиков, оставленного на острове,— судовое снаряжение (бухты канатов, паруса, фонари, склянки, два лота, компасы), орудия труда и инструменты (топоры, скребки, ломы, конопатки), посуда, подарочные вещи (материя, табак, наперстки, шила, колокольчики, зеркала, ножи, бисер, бусы), предметы вооружения (пистолеты, тесаки, копья, абордажные топоры, рули, дробь).

В описи упоминаются также «9 пушек чугунных трехдюймовых и 5 пушек двухдюймовых, ядер 3-х фунтовых 20, пушечного пороху подмоклого 31 пуд».

Промышленник Емельян Басов, побывавший в бухте в 1745–46 годах свидетельствует, что сарай «был построен из боковых досок разбившегося судна и покрыт парусами».

За два с половиной века от склада не осталось и следа. После открытия острова, богатого пушным зверем, сюда потянулись зверобой-промышленники. Естественно, все, что могло пригодиться пришельцам, бралось в «магазин» – складе на берегу бухты. С каждым посещением острова содержимое склада таяло. Остальное довершили суровые командорские условия – влажность, ветры, пурги.

Единственное, что не пострадало от времени, – бисер и бусы, которые вез экипаж «Святого Петра» для обмена и подарков жителям новых земель. Их и сейчас можно собирать, просеивая песок в землянках и на песчаной лайде, где, очевидно, при выгрузке были рассыпаны мешки с «разноцветными стекляшками».

А пушки? Что стало с пушками?

Известно, что они были сняты с пакетбота и сложены на берегу.

В 1758 году планировавшейся экспедиции иркутского купца Ивана Бечевина разрешено было взять несколько - пушек. «За лучшее признаваецца дать ему подобное число тех пушек... понеже он мимо тех островов, где оные пушки лежат, сам следовать будет...» Но экспедиция не

состоялась.

И пушки исчезли из поля зрения людей на долгое время. В отчетах и описаниях экспедиций мореплавателей, исследователей, зверобоев и промышленников, посещавших бухту, на протяжении более полутора веков о них не упоминается.

Исследователь Командорских островов, естествоиспытатель Е. К. Суворов, побывавший в бухте в 1910 и 1911 годах, пушек не обнаружил. Он сделал вывод, что они давно увезены «наезжающими на зимовку промышленниками».

В 1923 году известный дальневосточный путешественник В. К. Арсеньев посетил бухту Командора. Алеут Ладыгин, сопровождавший его, рассказал, что «лайда зимой вымерзает. Ветер выдувает с нее песок. Тогда видно, что она прячет. Тут зимой торчат пушки и ребра корабля».

По рассказам островитян, изредка во время затяжных зимних штормов, пушки обнажались на лайде. Затем, словно призраки, исчезали.

Впервые я услышал об этом осенью 1962 года от алеута Апполинария Бадаева. «Зимой 1946 года я собирал у охотников песцовые шкурки, – рассказывал он. – Когда море отступило от берега, на лайде оголились пушки. Две я с товарищами успел вытащить на берег. Остальные вновь прикрыло море... Пушки стояли у памятника Берингу в селе, потом их куда-то увезли...»

Признаться, я не поверил тогда Бадаеву – алеутскому Мюнхаузену, который сдобривал свои рассказы изрядной долей фантазии и юмора и трудно было отделить быль от выдумки.

Однако позже И. Ф. Махоркин и В. К. Захарчук, работавшие в сороковых годах на острове учителями в школе, подтвердили это. Более того, они рассказали, что в июне 1941 года в честь 200-летия открытия острова совершили вместе с учителем И. В. Бондарем и промысловиком Е. А. Степновым поход в бухту Командора. «Из песка виднелись стволы. Мы раскопали песок, пушек было 13. Под ними обнаружили остатки палубных обломков с толстыми гвоздями, болтами и скобами».

– Да, две пушки островитяне привезли в село, – подтвердил И. Ф. Махоркин. – Их доставили на собачьих упряжках Тимошенко и Яковлев. Это было в 1946 году. Они были установлены у памятника Берингу в селе, потом их увезли, кажется, в музей, то ли во Владивосток, то ли в Ленинград.

Однако позже в статье «Командорские острова» («Вопросы географии Камчатки», 1966 г.) И. Ф. Махоркин сообщает, что пушки хранятся у памятника Берингу в Петропавловске-Камчатском и в селе Никольском, в музеях Владивостока и Ленинграда. Журналист А. Старков в книге «От солнца к солнцу» сообщает, что пушки находятся «две в Петропавловске возле памятника Берингу (?), две в селе Никольском у клуба (?), одна увезена в Данию – на родину Беринга».

А вот писатель Леонид Пасенюк в книге «Иду по Командорам» пишет, что в 1944 году две

пушки были извлечены из песка, а после войны вытащены еще две. «Одна из пушек, тех, что, видимо, были найдены Бадаевым, установлена в Петропавловске-Камчатском на постаменте рядом с памятником Берингу и две переданы в дар правительству Дании». Правда, Пасенюк делает оговорку, что с пушками достаточно путаницы, и почти невозможно, например, установить точно, сколько же их извлечено на свет божий.

Путаницы, как видим, действительно много. При детальном исследовании, однако, достоверно удалось установить лишь три пушки, вывезенные из бухты Командора. Одна, что находится ныне в Камчатском областном краеведческом музее, была доставлена сюда летом 1940 года его директором Н. И. Моргалевым. В письме в музей Николай Иванович вспоминает подробности этой поездки, которые небезынтересно привести. «Пушки были засыпаны песком, но один чугунный ствол стоял вертикально. Вдвоем с матросом я попробовал выдернуть пушку – не получилось. Пришлось откапывать. На место пушки поставили палку в качестве метки. Откапывать другие пушки не было возможности. С большими трудностями я привез орудие в Петропавловск. В селе Никольском у берега его уронили в море со шлюпки и еле вытащили. В Петропавловске оно тоже упало при перевозке на сейнере. Таким образом, пушка в 1940 году все же поселилась в областном музее», – заключает Н. И. Моргалев.

Еще две пушки в 1956 году были подарены Дании во время визита дружбы советских моряков и установлены на родине Беринга в городе Хорсенсе.

Эти пушки были взяты на острове Беринга летом 1955 года экспедицией из Владивостока под руководством Б. А. Сушкова. Как свидетельствует Сушков, им самим не удалось обнаружить их в бухте и они попросили у жителей села. Так пушки, находившиеся у памятника Берингу, были доставлены во Владивосток, а оттуда – в Ленинград, откуда корабли уходили с визитом в Данию. Эти две пушки, как видно, фигурируют по несколько раз в некоторых статьях, создавая искаженную картину. Заметим, что эти две пушки были вывезены из бухты Командора в 1946 году, когда они обнажились после сильных штормов. Подчеркнем также, что этот год – последний, когда местные жители видели пушки. Затем они бесследно исчезли.

Пушки пытались искать. Однако их не смогла обнаружить ни экспедиция музея Тихоокеанского флота в 1944 году, ни экспедиция в 1966 году, организованная Камчатским отделом Географического общества СССР, областным краеведческим музеем и обществом охраны памятников истории и культуры.

В отчете о последней экспедиции говорится: «Бульдозер вскрыл толщу берегового пляжа на глубину до 150 сантиметров. После прокалывался пласт на глубину до одного метра. Однако ничего обнаружить не удалось».

Кое-кто утверждал, что пушки навсегда поглотил океан, наступивший на берег.

Приведу еще одно ценное документальное свидетельство журналистки Галины Санько, мужеством которой нельзя не восхищаться. Ее рассказ опубликовал журнал «Огонек» (№ 32 за 1956 год) в связи с визитом советских моряков в Данию. Летом 1935 года московская фотокорреспондентка добралась до далекого острова Беринга. Ее рассказ достоин того, чтобы его привести подробнее.

«Старик алеут рассказал мне, что недавно на берегу бухты Командор обнаружены пушки с судов Беринга. С группой алеутов и проводником я отправилась на кавасаки – моторной барже. Когда подошли к бухте Командор, начался отлив, и кавасаки не мог пристать к берегу. Пришлось сооружать плот из трюмных крышек, на котором мы по одному и преодолели расстояние до берега. Но пушек нигде не видно. Лопатами и руками мы разрывали песок, пока не наткнулись на твердые предметы. Постепенно мы расчистили довольно большую площадку, и перед нашим взором обнажились тринадцать старинных пушек. Песок и вода за два столетия порядком деформировали их, они оказались как бы соединенными между собой. В дальнейшем две пушки были привезены в село Никольское, где они положены у подножия памятника Берингу, а одна пушка в Петропавловске-на-Камчатке...»

Заметка в журнале сопровождалась фотоснимком пушек. Такой же снимок, только оригинал, я увидел у археолога Геннадия Силантьева, который побывал в Москве у Галины Захарьевны Санько. В 1979 году во время раскопок землянок он тоже пытался отыскать следы орудий, но безуспешно. Местные жители помочь не могли – никто из живущих ныне островитян пушек не видел. И потому рассказ и фотографии Санько могли пригодиться при проведении дальнейшего поиска.

Отправляясь на остров, экспедиция Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока возлагала большие надежды на специальный прибор, способный «видеть» под землей. Для работы с ним был приглашен кандидат физико-математических наук А. К. Станюкович из Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений.

Когда мы, группа журналистов, приехали в экспедицию, ее руководитель В. Д. Пеньков сообщил, что на берегу бухты выявлены места, где таятся пушки. Теперь требуется их извлечь.

– Ну, а в подробности вас посвятит специалист по поиску...

Андрей Станюкович рассказал, что с помощью квантового магнитометра они прозондировали на берегу площадь около гектара. Это несколько тысяч отдельных измерений. Данные наносились на карту. Так было выявлено две аномалии. Одна небольшая, а вот другая — довольно сильная.

Несомненно, это пушки, – подчеркнул Станюкович. – И размеры аномалии примерно сов-

падают с площадью, которую занимают пушки, судя по фотоснимкам.

В. Д. Пеньков повел нас на берег, где темнело место раскопа. Зияющая среди песка воронка была заполнена водой. Рядом валялись доски от опалубки.

Мы пытались с помощью лопат проникнуть к пушкам, – сказал Виталий Дмитриевич. – Но очень уж неравным был поединок. Едва мы выбирали две-три лопаты мокрого песка, как яма тут же затягивалась жижей. Это напоминало сизифов труд. За четыре часа напряженной работы группа курсантов мореходного училища и школьников, которые помогают нам, сумела углубиться сантиметров на восемьдесят. Дальше мешают потоки воды, оплывающий песок. А потом прилив полностью заравнивал яму. Работу пришлось прекратить.

Вечером по радиции в адрес руководителей Алеутского района ушла радиограмма: «Поиск пушек невозможен без экскаватора. Очень просим оказать помощь».

В экспедиции понимали, как необходим экскаватор на стройке в селе, но без него нельзя было и думать о продолжении раскопок.

На второй день к обеду в гул прибоя вплелись звуки моторов. На берегу показался трактор «Беларусь» с экскаватором в сопровождении вездехода. В поселке выделили опытных экскаваторщиков – Валерия Бургардта и Леонида Чернышова. Леонид – один из потомков «морских казаков», как называют алеутов. Его предки были переселены с Алеутских островов на остров Беринга в начале прошлого века. С детства он слышал от родителей о пушках. Среди школьников, помогавших археологам в раскопках, была и его дочь Лена. И потому он охотно ехал сюда, несмотря на 80-километровый путь по тундре и берегу с завалами камней, валами гниющей морской капусты, разлившимися устьями рек.

Леонид Чернышов сразу же начал орудовать экскаватором в месте, указанном А. К. Станюковичем. Все сгрудилось вокруг раскопа. Вот ковш стукнул по какому-то предмету. Еще несколько взмахов ковша – и его зубья вытаскивают... раму железной кровати. Лица археологов обескуражены. Но может глубже лежат пушки? Проверили прибором – пусто. Вторая аномалия также подвела – на поверхность подняли ограждение винта современного судна.

И ученые вновь взялись за поиски. Леньков, Станюкович, Шемаханская, Галактионов метр за метром «просвечивали» лайду. Несколько обнаруженных незначительных «возмущений» тут же проверили – ничего достойного.

Наконец, метрах в тридцати мористее от первых раскопов прибор зарегистрировал сильную аномалию. Но судьба и здесь оттянула проверку. Наступивший прилив затопил берег. Раскопки пришлось отложить до завтра.

Но теперь, учтя горький урок, участники экспедиции не прекратили поиск. Ведь могло оказаться «пустым» и новое место. Остаток дня и вечер ученые продолжали промеры береговой

полосы, прикидывали возможные варианты района поиска.

Геннадий Силантьев принес папку с фотоснимками. По ним решили попытаться сделать привязку к местности. К анализу снимков подключились корреспонденты – настолько велико было желание у всех хоть чем-то содействовать поиску.

Пришлось стать своеобразными Шерлок Холмсами. Мы прикидывали и так, и эдак, гадали, каким фотоаппаратом и объективом сделаны фотографии, через видоискатели фотоаппаратов сверяли участки бухты со снимками, определяя точку съемки. К сожалению, две фотографии не содержали достаточно ориентиров. Мог бы несколько помочь третий снимок – репродукция из газеты, запечатлевшая пушку и одного из участников похода в бухту в 1941 году. Но находившаяся на заднем плане снимка сопка была без вершины – то ли ее прикрывал туман, то ли ретушер так подрисовал, что исказил характерный выступ мыса. И потому невозможно было определить, какой из двух мысов, ограничивающих бухту, был в кадре.

Конечно, в процессе анализа каждый из нас высказывал предположения. Мы даже «находили» бугры, с которых могли быть сделаны снимки, а к ним, естественно, привязывался и квадрат поиска. Но все понимали: в каждом из предположений слишком много уязвимых мест. В. Д. Пеньков внимательно выслушивал все «за» и «против», а на лице можно было прочесть: «Будем надеяться на прибор».

Ночь прошла в ожиданиях и тревоге. А вдруг океан действительно поглотил пушки? Лежали-то они в приливной зоне. Правда, рифы в бухте сдерживают силу волн, и берег не должен здесь менять очертания так быстро, как в других местах. Но ведь прошло 35 лет, как пушки видели в последний раз...

Утро было туманным. Задолго до отлива участники экспедиции высыпали на берег. Сейчас все надежды были на выявленную вчера аномалию.

Море неохотно отступало, обнажая песчаную лайдю. Лишь часам к одиннадцати отлив достиг нужной отметки.

Леонид Чернышов подогнал трактор. Расправив опорные лапы, экскаватор стал похожим на странного зверя, выпустившего железный коготь. Чернышов беретса за рычаги, и вот уже зубья ковша вгрызаются в песок. На глубине сантиметров сорок в котловане появилась вода. Работать стало труднее. Небольшой размах стрелы экскаватора не позволял отсыпать песок далеко от воронки, и часть его тут же стекала в котлован.

Ковш раз за разом нырял в воронку, вытаскивая на поверхность очередную порцию песка. Все глубже пробирается он к таинственному кладу. И вот на глубине около трех метров ковш ударяется обо что-то твердое. Металл? Похоже. Чувствуется, зубья ковша задевают предмет, но не могут захватить, соскальзывают. «Судя по снимкам, пушки лежат не перпендикулярно к морю, а

наискосок», – говорит кто-то, рассуждая, где лучше поставить экскаватор, чтобы удобнее зацепить находку.

В котлован спускается Леньков с железным щупом. Стоя по пояс в воде, он нащупывает предмет. Ковш снова ныряет в глубину, напрягается, дрожит, захлебывается – ему явно не хватает мощности. Зубья то и дело соскальзывают, и ковш выносит на поверхность лишь песчаную жижу. Да, крепкий орешек таится в земле. Раскопки продолжаются уже часа три, но берег не хочет расставаться с кладом. И когда все уже порядком устали ждать, ковш выворачивает ствол. Он вертикально торчит из воды. Пушка! В котлован бросается Леньков, набрасывает на ствол петлю троса. Взмах стрелы экскаватора – и пушка на берегу.

Надо ли говорить о взрыве ликования, которое обрушилось на туманном берегу. Испуганные чайки взметнулись над бухтой. Переживания последних суток, неудачи, тревоги, ожидания сменились бурной радостью. Пушка! Все бросаются разглядеть ее, потрогать руками. Чугунный, почти полуметровый ствол покрыт слоем сцементированной с песком ржавчины. И лишь там, где прошелся зуб ковша, металл блестел, словно говорил, что он все еще живой.

– Ну, поздравляю, Андрей! – говорит руководитель экспедиции Станюковичу. – Пушки ты все же отыскал. С нашей, правда, помощью.

Станюкович, на долю которого за последние сутки выпало столько переживаний, за внешним спокойствием пытается скрыть сейчас радостное возбуждение. Он отделяется какой-то шуткой.

Не успела схлынуть первая радость, как экскаватор нащупал вторую пушку. Участники раскопок отказались даже идти на обед. Им принесли бутерброды и чай прямо к месту раскопа. Надо спешить – природа отпустила для работы мало времени. Скоро начнется прилив.

Потоки воды очень мешают раскопкам. А что если ведрами отливать воду? Курсанты мореходки проделывают в песке канавку к морю, становятся цепочкой, создавая живой конвейер.

Леонида Чернышова сменяет за рычагами экскаватора Валерий Бургардт. Вскоре экскаватор подцепил третью пушку. Как только она показалась из воды, в котлован бросились Леньков, Силантьев, Галактионов, подхватывая ее и набрасывая строп. Энтузиазм настолько велик, что курсанты, не дожидаясь вездехода, вытаскивают ствол на берег. Пушка оказалась другого калибра— длиннее первых, тоньше, изящнее.

А вот с четвертой пушкой пришлось повозиться. Ученые, курсанты, поочередно опускаясь в котлован, долго нащупывали, пытались подцепить ее. Но прошло довольно много времени, прежде чем удалось вытащить ее на поверхность.

Над пушками склоняется реставратор М. С. Шемаханская. Ей помогают школьники. Марина Сергеевна очищает от песка и ржавчины чугунные стволы. И вдруг на одном из них проступили

слова: «Каменско заводь 1733». Вот оно, подтверждение, что пушки для экспедиции Беринга отливали на Урале.

Известно, что указом предписывалось «для печатания надписей на пушках сделать свинцовую доску, на которой вырезать словами тако: Каменско заводь и год 1733».

Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области, свидетельствуют, что в мае 1733 года уральское горное начальство, которому было поручено снабжать экспедицию Беринга материалами, приняло решение изготавливать припасы на месте, а не на Ангаре, как намечалось.

В августе с Урала к Тихому океану была отправлена первая партия оборудования, а в январе–феврале 1734 года – еще две партии весом более полутора тысяч пудов. Караван из 60 подвод двинулся в путь через Сибирь до Якутска, а оттуда в Охотск, где должны были строиться корабли для экспедиции Беринга.

Очередную партию оборудования, в которой были судовые якоря и пушки, получил штурман Семен Челюскин, побывавший в марте 1734 года по приказу Беринга в Екатеринбурге.

И вот через 240 лет пушки, погребенные на берегу бухты Командора, возвращены истории.

Наступивший прилив подвел черту под рабочим днем. А на следующее утро пришлось начинать все сначала. Берег был ровный и чистый, как будто никаких раскопок не проводилось. Прилив за одну ночь уничтожил все следы работы.

Моряки, проходившие мимо острова и заглянувшие к ученым, доставили с корабля мотопомпу для откачки воды. Это несколько облегчило работу. Однако берег по-прежнему неохотно расставался с кладом. На второй день лишь две пушки удалось поднять на поверхность. Правда, ковш нащупал еще одну, седьмую. Но приливные волны уже захлестывали место раскопа. Лишь на третий день удалось вытащить ее.

Итак, семь пушек оказались в руках археологов. Почему дороги они для нас, потомков? Потому, что это исторические реликвии, символы славы русских моряков-первопроходцев, свидетели великих географических открытий. Они становятся дороже оттого, что ни единого раза не были использованы против людей – это противоречило мирным целям экспедиции.

Эти реликвии дороги не только нам, русским, но и датчанам – землякам знаменитого мореплавателя. Как дорогой дар восприняли они пушки с корабля Беринга, доставленные в 1956 году во время визита советских военных моряков на крейсере «Орджоникидзе». Присутствовавший при передаче пушек писатель Александр Крон писал: «Мы... откровенно говоря, не предвидели того праздничного воодушевления, которое вызвал наш дружеский акт. Несколько городов оспаривали право установить у себя старинные пушки с полустершимися надписями на стволах. Редкий случай, когда пушки способствовали дружбе и взаимопониманию между двумя народа-

ми».

Итак, известны десять пушек. Две из поднятых, увезены учеными в Институт во Владивосток, три остались на острове Беринга и две отправлены в музей Петропавловска.

Сколько же осталось в толще берега – три или четыре? Судя по снимкам Г. Санько – три. Но в «реестре» значится четырнадцать! Тогда должна быть и четвертая. Где же она? Увез кто-то из промышленников? А может лежит в приливно-отливной зоне под «штабелем пушек», потому и не могла быть видна на снимках Галины Санько?

Экспедиция вынуждена была прекратить работу в бухте из-за поломки экскаватора, да и сроки отъезда поджимали. К сожалению, ученые не успели проверить прибором, остались ли на месте раскопок металлические предметы. Но теперь известно место, где лежали пушки, и в случае необходимости можно попытаться отыскать остальные. А пока пусть волнуют воображение романтиков, зовут будущих кладоискателей.

ТАЙНЫ БУХТЫ

- ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОПОК • АКВАЛАНГИСТЫ УХОДЯТ В ПОИСК • ОСТАТКИ ПАЛУБЫ ПАКЕТБОТА • РАСКОПКИ ВЕДУТ ДАТСКИЕ АРХЕОЛОГИ
- ОСТАНКИ БЕРИНГА? • ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ МОРЯКОВ-ПЕРВОПРОХОДЦЕВ •

В бухте отлив. Он отодвинул накаты волн к рифам. И теперь у берега, в лагуне – тихо. Шум прибоя доносится из-за рифов, где волны атакуют каменную гряду.

Спустя десять лет после раскопок места зимовки моряков пакетбота «Святой Петр» геофизик и археолог А. К. Станюкович вновь оказался в бухте Командора. Теперь уже в роли руководителя экспедиции, ставившей задачу продолжить исследование стоянки экипажа Витуса Беринга.

Мы идем с Андреем Кирилловичем по берегу. Вязнут в песке ноги. Скользят под сапогами ленты морской капусты. Ее поразительно много стало на берегу бухты.

Станюкович шагает размашисто, рассказывая на ходу об отрядах экспедиции, их целях работы. Один отряд занимается подводным поиском якорей с корабля Беринга, потерянных в бухте при высадке на берёг. Другой – разведкой стоянки древних жителей. Андрей Кириллович ведет подъем оставшихся в береговой толще пушек. Но главное – поиск захоронений командора Витуса Беринга и моряков с пакетбота «Святой Петр», умерших на острове. На этот раз умеете с российскими исследователями в работе участвуют археологи из Дании – родины Беринга.

После хмурых, туманных дней с моросью над бухтой засияло, наконец, солнце. Отлив далеко обнажил берег, оставив на песке бурые свитки лент морской капусты. Поверхность бухты была без морщин – ровной, словно натянутой. Лишь у рифов белыми всплесками вспыхивали буруны. Туда и собирались отправиться аквалангисты. У берега их ожидала ярко-красная надувная лодка с таинственным названием «Ахиллес».

Опытный аквалангист Вячеслав Николаевич Поляков, которому через несколько дней исполнялось шестьдесят, подгонял снаряжение для спуска под воду. Марина Михайлова в плотно облегающем костюме для подводного плавания ожидала у лодки. С ними шел руководитель поискового отряда Константин Антонович Шопотов.

– Хорошая погода очень важна для просмотра дна, – заметил Константин Антонович. – Обзорение значительно увеличивается. Вернусь – поговорим подробнее о поисках якорей, – сказал он и оттолкнул лодку от берега.

Дошедшие до нас воспоминания сподвижников Витуса Беринга натуралиста Георга Степлера и лейтенанта Свена Вакселя, записи штурманов Хитрово и Юшина, копии вахтенного журнала пакетбота (самого вахтенного журнала не найдено) рисуют картину причаливания «Святого

Петра» к берегу и потерю якорей.

Дул сильный ветер. Солнце уже закатилось за сопки. Корабль качался в двух верстах от берега. В пять часов вечера 6 ноября с пакетбота спустили лот – он показал глубину 12 сажен. Продвинулись еще на версту к берегу и бросили якорь. Но полчаса спустя, как вспоминает Ваксель, при полной Луне море так заволновалось, что якорный канат лопнул. Громадные волны потащили корабль на камни. Судно содрогалось под ударами волн, лот показывал пять сажен глубины. Дважды днище чиркало о камни. Срочно бросили другой якорь – канат снова не выдержал напряжения. «Не могу не рассказать при этом, как при всех наших неудачах нам улыбнулось неожиданное счастье, – писал Свен Ваксель. – Дело в том, что мы не успели бросить третий якорь, что по морским правилам обязаны были сделать. Если бы это было сделано, то мы, конечно, потеряли бы и этот якорь и, следовательно, у нас не осталось бы ни одного якоря, которым могли бы удержаться на месте после благополучного перехода через каменную гряду. Пока мы были заняты подготовкой к спуску третьего якоря, наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь на глубине четырех с половиной сажен на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега... Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова на всем его протяжении нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты».

До 28 ноября судно стояло на якорях. Было решено в большую воду подвести его к песчаной отмели и закрепить. Из экипажа на ногах оставалось всего человек пять-шесть, способных что-то делать. Ночью поднялась сильная буря. «28 дня ноября 741 года, – записал Софрон Хитрово, – услышал я поутру, что пакетбот «Святой Петр», подорвав канат, великим штормом между норда и оста поставило на тот же песчаный берег, на который мы его имели намерение поставить...»

Уже через два дня корабль стал погружаться в песок, его замыло на глубину до 8–9 футов. В таком состоянии он находился до марта 1742 года, когда решено было разбирать и строить новое судно.

Таким образом, два якоря были потеряны 6 ноября в районе северо-восточного рифа, а при шторме 28 ноября – кормовой, запасной и верповые якоря «на глубине четырех с половиной сажен на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега».

Якорь – необходимая принадлежность любого судна. Часто судьба корабля зависела от якоря, без него он становился игрушкой волн. Моряки вверяли ему свою жизнь в случае, когда им угрожали скалы. Якорь становился последней надеждой на спасение.

В практике кораблестроения в России в те годы преобладали голландские методы. Петр Первый обязывал якоря «делать по голландскому чертежу» (с изогнутыми в виде дуги рогами). Позже стали делать «якоря английского чертежа» – с прямыми рогами. А к середине 18 века вы-

работался русский тип якоря.

От мастеров царь Петр требовал «великое прилежание и крайнее искусство». Мастер должен был держать ответ, если авария корабля случится из-за поломки якоря. «Понеже в том целость корабля состоит, в чем он должен ответ дать, ежели что несмотрением будет сделано».

Высокое искусство мастеров, качество русского металла, не имевшего равного в мире, снискали якорям славу за границей. В письме Петру Первому от 8 марта 1718 года русский посол в Дании Василий Долгоруков сообщал: «Морские Его Величества, датского короля комиссары торговали у меня те якорья и сказали мне, что имеют в них нужду такую, что за тем несколько кораблей в море выйтить не возмогут».

В «Реэстре» от 18 мая 1733 года, предписывающем, что нужно сделать в Камчатскую экспедицию на Уральских заводах, значатся якоря: два двадцатипудовых плехта, два восемнадцатипудовых даглиста, два шестипудовых и два четырехпудовых верпа, два трехпудовых и два полторапудовых шлюпочных дрега.

26 марта штурман Семен Челюскин, прибывший в Екатеринбург, «руку приложил» в получении очередной партии снаряжения, среди которого были сорок восемь судовых якорей. Их везли с Урала на лошадях и оленях, сплавливали на «дощаниках» по рекам. Поскольку якоря были тяжелые, в них отбивали рога, везли по частям и уже на берегу Охотского моря соединяли в кузницах.

В июле 1740 года Беринг в послании в Екатеринбург просит дополнительно якоря. «Ежели паче чаяния каким-либо несчастьем (чего не дай боже) будучи в море- плавании от бываемых великих штормов из тех надлежащих якорей, какие от подорвания канатов пропадут в море...»

И вот опасения командора сбылись. А корабль без якорей – игрушка волн. Моряки, оказавшиеся на берегу, не могли смириться с потерями. Готовясь к отплытию с острова, они неоднократно обсуждают вопросы поиска якорей. 18 января 1742 года совещались лейтенант Ваксель, мастер Хитрово и все унтер-офицеры и служители пакетбота. Вывод, к которому они пришли, был неутешителен — «сыскать оные безнадежно». Но Дмитрий Овцын в рапорте Вакселю 27 января 1742 года возражает: «Якори, которые у нас блис здешняго берегу утрачены, оных еще не искали, и чаятельно, что сыскать в благополучные летние дни некоторые небезнадежно».

По записям в шканечном журнале пакетбота видно, что попытки отыскать утерянные якоря предпринимались. «1 дня июля... боцманмат Алексей Иванов ездил на боту для искания якорей, только ни одного не нашел...» 13 июля 1742 года Алексей Иванов вновь повторил попытку, «однакож не нашел». По другим источникам, шестипудовый дрег все же был отыскан и, очевидно, поднят.

По свидетельству Вакселя, два якоря были потеряны на значительном удалении от берега.

Но третий якорь, с которого пакетбот был сорван сильной бурей 28 ноября 1741 года, был на «глубине четырех с половиной сажен» – всего около десяти метров. До сих пор они остаются добычей моря.

Якоря – реликвии морской славы. С ними связаны судьбы кораблей и людей, оставивших яркий след на морской карте. Попытки отыскать якоря предпринимались исследователями.

– Во время экспедиции 1979 года мы с надувных плотиков пытались сквозь стекла масок разглядеть дно, – рассказывал археолог Геннадий Силантьев. – Но тщетно. Поиски требуют хорошего технического снаряжения.

Поиск якоря, потерянного ближе к берегу, предпринял в 1981 году экипаж яхты «Чукотка» под руководством преподавателя Дальневосточного высшего инженерного морского училища Л. К. Лысенко. Моделируя подход пакетбота «Святой Петр» к берегу, яхта стала возле рифов, примерно в том месте, где находился корабль Беринга. Начался шторм, двое суток бросавший яхту. Когда спортсмены подняли якорь, оказалось, что прочный капроновый канат перетерся об острые подводные камни на треть. Поразительно! Повторилась почти та же ситуация, что и с пакетботом, потерявшим якоря из-за лопнувших канатов, которые перетерлись об острые края подводных скал.

Яхтсмены ныряли, но якоря не нашли. Один из членов экипажа яхты, журналист Михаил Поборончук рассказывал, что он спускался под воду в гидрокостюме «Садко». Маска, трубка и ласты – вот и все снаряжение подводника. В солнечный день дно хорошо просматривалось на глубинах 8–10 метров. Осмотрели примерно шестую часть площади, на которой предполагалось вести поиск якоря. На следующий день грянул затяжной шторм. Поиски пришлось прекратить.

В нынешнюю экспедицию был включен специальный подводно-поисковый отряд.

Удивительно, как быстро меняется погода на острове.

Вчера было солнечно, а сегодня снова холодный ветер, низкие лохматые тучи, морось. Руководитель отряда К. А. Шопотов приглашает к себе в палатку, приткнувшуюся прямо на берегу. Ветер доносит сюда соленые брызги прибоя. Константин Антонович зашнуровывает палатку, разворачивает карту и показывает план бухты.

Вот один риф, вот второй. От первой каменной гряды метрах в четырехстах – барьерный риф параллельно берегу. Между рифами узкий проход. Пакетботу просто повезло, что он проскочил в эту лазейку.

По описаниям Вакселя и Хитрово известно, где стоял корабль. Вот эта точка. Здесь остался один из якорей – 600 метров от берега, 300 метров от рифа. По створам поставили буй. От этой точки наметили район обследования. Он протянулся от рифа влево и вправо метров на шестьсот. И начали обследование бухты.

В отряде – опытные аквалангисты: Вячеслав Поляков, Марина Михайлова, Дмитрий Столбов, Александр Рубайло. Подводный опыт есть и у Константина Антоновича. Приходилось не раз спускаться под воду.

Константин Антонович увлеченно рассказывает о технологии обследования дна. Временами аквалангистов приходилось тащить на буксире. «Как? Шли на лодке и тащили по дну на тросе аквалангиста, который вел обзор. Через каждые три метра таким, образом обследовали большую площадь на глубинах от 4-х до 12 метров. Ближе к берегу дно идеально просматривалось со шлюпки. Здесь грунт песчаный, никакой растительности. А вот ближе к рифам начинаются заросли морской капусты».

Плывешь, как в супе, – рассказывает Вячеслав Николаевич Поляков. – Широкие листья водорослей, морская живность – медузы, морские звезды, стайки мальков рыб. Любопытно наблюдать подводных обитателей в их родной стихии. Палтус огромного размера подплыл однажды очень близко, уставился, выпучив глаза, но, поизучав странных существ, вильнул хвостом и скрылся. Снизу любопытно наблюдать, как перебирают лапками морские птицы в воде, посмотрят сверху на нас и быстро уплывают. Однажды видел, как нерпа плыла, задержалась на минутку, крутнулась и исчезла в темной толще воды.

Холодно ли в морской воде? – переспрашивает Константин Антонович. – Температура воды градусов 7–8. На глубине метров 12 выдерживали 10–15 минут, на двух-трехметровой глубине – около часа.

К. А. Шопотов еще во время службы в военно-морском флоте на Тихом океане увлекся историческими исследованиями плаваний русских моряков-первопроходцев. Окончив Военно-Морскую Академию, работал начальником штурманского факультета Высшего военно-морского училища в Ленинграде. Защитил диссертацию кандидата исторических наук. Его книги о походах русских мореплавателей «Страницы морской славы» и «К берегам Тихого океана» широко известны читателям. Много неизвестных страниц приоткрыл Константин Антонович в биографии сподвижника Беринга капитана Алексея Чирикова. В частности, ему удалось установить место рождения Алексея Ильича. Это село Лужное Тульской области.

Сейчас К. А. Шопотов – вице-президент общества «Память Балтики». Главная его цель – поиск морских реликвий, утраченных исторических и художественных ценностей, оказавшихся на затонувших кораблях, увековечение памяти моряков.

И еще одна причина, почему мы проявили большой интерес к экспедиции Беринга, – замечает Константин Антонович. – Капитан Беринг командовал самым могучим кораблем Балтийского флота – трехпалубным 90-пушечным линейным кораблем «Лесное». Он был построен по проекту Петра I и получил свое название в память победы над шведами у села Лесное под Могилевом в

1708 году. С восьми кораблей эскадры Балтийского флота, стоявших в Кронштадте, в экспедицию Беринга было взято 23 матроса, в том числе шесть человек с корабля «Лесное».

Аквалангисты обследовали обширный район бухты, но ничего не обнаружили, – говорит К. А. Шопотов. – Если якоря у рифа, увидеть их невозможно, там очень густые заросли морской капусты. Ну, а там, где песок, якоря наверняка ушли в грунт, их засосало. Металлическая батарея, которая служила нам для закрепления буя, оказалась замытой в песок, еле оторвали ее от дна. Как видите, море не желает открывать тайну потерянных якорей.

Мы говорили о судьбах кораблей, реликвиях прошлого, до сих пор таящихся на морском дне и в толще берегов.

Константин Антонович, взяв меня под локоть, сказал загадочным тоном:

Идем, кое-что покажу.

Мы пошли вдоль берега и, не доходя устья речки, свернули налево. Тропинка через травянистые кочки привела к небольшому деревянному настилу, вросшему в землю.

Это кусок палубы пакетбота «Святой Петр»...

Трудно было представить, что источенное временем,

полуистлевшее дерево с белыми волокнами было некогда палубой корабля, знало шаги моряков и командора Беринга, выдерживало штормы и бури.

Константин Антонович рассказал историю находки. Минувшим летом он побывал в бухте Командора. Примерно в ста метрах от реки в травянистом выступе увидел проглядывающий деревянный щит. Через каждые десять сантиметров торчали кованые ржавые гвозди. Чутье подсказало необычность находки и заставило заняться расчисткой. Деревянные конструкции находились среди слежавшейся гальки. На расчистку ушло два дня. Опытный глаз моряка определил: это кусок палубного настила. Об этом свидетельствовали толстые доски, прочные стрингера, кованые гвозди. Как этот щит оказался здесь? Экипаж использовал остатки палубного настила для сооружения боковых стенок склада, в котором хранилось имущество экспедиции. Со временем постройка обветшала, отдельные ее части оказались в земле.

– Увезти всю находку не было возможности, она была очень тяжелой, – говорит Константин Антонович. – Удалось вывезти лишь часть ее. Распилив на куски, поделил ее между музеями – Никольским, Петропавловским и Ленинградским. Десяток гвоздей, кусочек палубного настила и нагели отвез в специальную лабораторию строительного института. Экспертиза подтвердила: находка соответствует периоду экспедиции Беринга.

Через несколько дней отряд Шопотова уезжал из бухты. Я помог Константину Антоновичу упаковать в рыбацкую сеть остатки деревянного настила, бывшего некогда палубой пакетбота. Предметы и вещи – свидетели исторических событий и географических открытий продолжают

служить в качестве реликвий и после жизни кораблей.

Словно какой-то рок витал над бухтой Командора. В то время, когда слава Витуса Беринга ширилась, утверждалось его имя в географических названиях (моря, пролива, мыса, бухты, залива), следы его последней стоянки (якоря, пушки, остатки пакетбота и имущества) исчезали. Исчезли и следы захоронений моряков экипажа «Святой Петр» и командора Беринга.

Известно, что уходя с острова, оставшиеся в живых члены экипажа водрузили на могиле Беринга деревянный крест.

В 1886 году, посетив бухту, командир клипера «Крейсер» капитан второго ранга Остолопов отмечал, что на острове находится уцелевшая могила Беринга. «Алеуты чтут эту могилу и между ними существует поверье, что если дотронуться до могилы Беринга, то непременно сделается шторм, – писал он. – Этим поверьем, вероятно, следует объяснить то обстоятельство, что до сих пор остаются нетронутыми находящиеся на месте жилища экипажа Беринга некоторые из вещей, принадлежащих этому экипажу, как-то: металлические двуглавые орлы, ломаный чайник, бисер, бусы и проч.»

Однако суровая командорская погода, сильные ветры и пурги и, конечно, время сровняли невысокие песчаные холмики. Точное место захоронения на берегу бухты оказалось неизвестным.

Устанавливаемые в последующие годы кресты в бухте лишь примерно соотносились с захоронением. Нынешний мемориальный крест, установленный на склоне сопки в 1966 году Камчатским отделом Географического общества СССР, также носит условный характер и не дает представления о месторасположении могилы командора.

В 1981 году археологи исследовали землянки экипажа Беринга, определили их принадлежность конкретным лицам. Особенности одной из них указывали на то, что в ней жил командор. Сведения о том, что захоронения производились недалеко от землянок, стали отправной точкой при поиске могил моряков и их командора.

Ослабленные болезнями и недоеданием мореходы не могли рыть глубоких ям. Досок не было, выброшенный морем плавник пошел на сооружения жилищ. По сведениям, лишь Беринга похоронили, обложив могилу досками.

Но где производились захоронения – между дюнами или на вершинах дюн?

Решили начать поиск на двух дюнах вблизи землянок, включая и впадину между ними. На этот раз участники экспедиции были оснащены значительно лучше. В их распоряжении была современная аппаратура для химического экспресс-анализа почвы, разработанная московским кооперативом «Форт».

Разметили-площадку, натянули веревки. Через каждый метр металлическим щупом Юрий Гаев брал пробы почвы на вершинах дюн. Щуп сравнительно легко уходил на глубину метр два-

дцать – метр сорок. Валерий Дронов с помощью тонкого щупа и алюминиевой рамки «зондировал» площадь между дюнами. Щуп упирался во что-то твердое. Камень? Плавник? Или что-то еще?

Когда лаборанты под руководством М. Л. Крамаренко сделали химический анализ проб почвы на наличие фосфатов, обычно сопутствующих остаткам органических веществ, удивились: очень уж велика концентрация фосфатов в первой дюне. Некоторые пробы раз в 15 превышали фоновые. Пробирки стали аж фиолетовыми! Возможно водоросли дают столь высокий показатель фосфора? Ведь их полно здесь, в толще земли.

– Во всяком случае результаты анализов заслуживают пристального внимания, – заметил А. К. Станюкович.

Когда группу датчан доставил в бухту заместитель директора московского клуба «Приключение» А. В. Шумилин, участники российской части экспедиции уже подготовили площадь для раскопок. На следующий день датские археологи под руководством Оле Шерринга начали вскрытие почвы. Трое вели раскопки на вершине дюны, где обнаружен был всплеск фосфатов, двое – внизу, между дюнами. Вскоре здесь обнаружили небольшую кость. Оказалось, она принадлежит калану (морской выдре). Стали углубляться. Находок больше не было. На глубине 80 сантиметров лежал сплошной спрессованный слой гальки. Это в нее упирался щуп.

А вот на вершине дюны ожидания археологов, кажется, оправдывались. На глубине уже тридцати сантиметров проступила кость. «Стопа левой ноги человека», – определили специалисты. Аккуратно, боясь повредить останки, археологи расчищали почву.

В узкой траншее, прорытой вдоль дюны, виднелись тоненькие канавки, словно пробуровленные кем-то. «Это свидетельство того, что почва здесь была когда-то нарушена, – сказали археологи. – Несомненно, это след захоронения».

Из земли постепенно проявлялись стопы ног, кисти сложенных на груди рук, кости черепа. Вырисовывались контуры останков человека.

Вечером после ужина директор музея в городе Хорсенсе – родины Витуса Беринга – Оле Шерринг согласился дать интервью. Мы беседуем через переводчика Стена Петерсена.

Жизнь и плавания Беринга широко известны в России, в том числе на Камчатке и Командорских островах. Насколько широко знают его в Дании?

В школах учащиеся, изучая географию и историю, естественно, знакомятся с географическими открытиями Беринга. Так как он родился в нашем городе, жители интересуются личностью знаменитого мореплавателя.

Есть ли в музее какие-либо экспонаты, непосредственно связанные с жизнью Беринга?

Все открытия, все подвиги Беринг совершил в России. В музее есть книги, статьи, в том

числе, изданные в вашей стране об экспедициях мореплавателя. Экспонатов, непосредственно связанных с его жизнью, нет. Но есть вещи, характеризующие быт, обстановку той эпохи.

Что сделано по увековечению памяти командора в Дании?

В 1941 году, когда решено было отметить 200-летие со дня рождения Беринга, в Дании начались работы по созданию мемориального парка в Хорсенсе. Ныне он носит имя Беринга. В 1956 году нам передали в дар с острова Беринга две пушки с пакетбота «Святой Петр».

В 1957 году они установлены у мемориальной доски на каменных постаментах.

Прослежена ли родословная Беринга?

Витус Беринг родился летом 1681 года. Его крестили 12 августа. Запись об этом имеется в самом старом из томов церковных книг Хорсенса. Отец его Ионас Свендсен, мать Анна Беринг. В городе сохраняются их могилы. Род получил свое имя по названию приморского местечка Бьерринг. В 17 и 18 веках род Берингов процветал. Среди его представителей было много священников, юристов. Дядя Беринга – Витус был знаменитым историографом и поэтом, которого называли «датским Вергилием».

Что известно о детских и юношеских годах мореплавателя?

Витус рос в бедной, но образованной и набожной семье. В свободное время мальчик любил бывать на море. Быстро подружился со шкиперами и матросами. Сам строил много лодок, оснащал их и плавал под парусами. Вскоре попал на борт большого корабля. Из путешествия в Ост-Индию он вернулся в 1703 году в Амстердам, где познакомился с адмиралом Крюйсом. Он и привлек его на службу в русский флот. Было тогда Берингу 27 лет от роду. Командор Беринг, адмиралы Крюйс и Сивере – датское трио в русском флоте.

Известны ли потомки Беринга?

Его прямых потомков в Дании нет. Но есть родственники по линии братьев и сестер. В частности, в нашей экспедиции есть потомок дяди Беринга – историографа и поэта – Клас-Скей Рорден. Он студент торгово-экономического факультета высшего учебного заведения в Копенгагене. Насколько известно, прямые потомки Витуса Беринга есть в вашей стране.

Как родилась мысль об участии в раскопках на острове Беринга?

Толчок дало подписание договора о побратимстве между Петропавловском и Хорсенсом. В дни празднования 250-летия Петропавловска мы со Стеном Петерсеном были гостями вашего города. Ну, а организаторами нашей поездки на остров стал московский клуб «Приключение». В составе нашей группы – четыре археолога. Мы впервые работаем с российскими коллегами. Надеемся, что раскопки позволят получить много новой информации.

Утром группы расходятся по своим рабочим местам. В экспедиции несколько отрядов. Один из них ведет раскопки места кузницы, обнаруженной рядом с жилищами зимовщиков. Руково-

дитель другого отряда Павел Юрьевич Черносвитов проводит разведку стоянки древних жителей. Считалось, что остров был необитаемым.

Однако при раскопках в 1981 году археологи обнаружили следы стоянки людей каменного века. Эти древние впадины С. Ваксель именовал «довольно глубокими ямами между песчаных холмов», которые моряки расширили и углубили под жилища. Здесь, в земной толще были найдены несколько каменных и костяных орудий, напоминающих предметы культуры неолита северной части Тихого океана. И теперь требовалось сделать некоторые уточнения.

Наверное, это были временные стоянки древних жителей, – говорит Павел Юрьевич. – Мы обнаружили каменные сколы – холцедоновый и обсидиановый. На острове обсидиан не встречается, значит, он завезен пришельцами. А ими могли быть морские зверобои, которые устраивали здесь временную стоянку. Наш отряд планировал не раскопки, а лишь разведку. Исследование этих стоянок – дело будущего.

Павел Юрьевич берет меня под локоть.

Представляешь, в датской группе встретил знакомого археолога – Свена Эрика Альбретсена. Познакомились с ним на Шпицбергене, где я несколько лет исследую древние стоянки морских зверобоев. И вот встретились на краю земли. Гора с горой не сходятся, а археолог с археологом...

Датские археологи с утра до вечера на раскопе. Рядом с первым захоронением вскрыто еще одно погребение. Останки почти слились с землей. Чтобы не повредить костей, археологи, сменяя друг друга, кисточками очищают землю. Ножницами подрезают корни трав, проросшие сквозь останки. Вырисовывается могучая фигура человека. Проступают контуры нательного креста.

Еще через день обнажились останки третьего моряка. У изголовья оказалось темно-коричневое пятно.

Пятно напоминает след дерева, – говорит Стен Петерсен. – По воспоминаниям спутников командора на его могиле был поставлен деревянный крест. Однако подождем дальнейших раскопок.

В конце траншеи обнажилось еще одно захоронение. Вроде бы кости двух человек. Лежат близко друг к другу, словно обнявшись.

А через несколько дней рядом с двумя моряками обнаружили необычное захоронение.

В нем имеются доски, вернее, их истлевшие остатки, — проинформировал Андрей Станюкович. – Это важный аргумент – только в могиле Беринга были доски.

У последних раскопов мы увидели небольшую щель в земле. Оле Шерринг, попыхивая трубкой, проводил какие-то измерения линейкой. Сорен Петерсен ножницами подрезал корни трав.

Оказалось, Свен Эрик Альбретсен расчищал погребение двух моряков, когда рядом осуну-

лась земля. Обнажилось темно-коричневое ребро доски. Она прикрывала останки человека.

Когда закончили расчистку вершины дюны, оказалось, что это единственное захоронение, в котором имеются доски по краям ямы и сверху. Кто-то вспомнил: кажется, в воспоминаниях Г. Стеллера говорится, что тело командора «привязали» к доске и похоронили. Обратились к книге Стеллера, где говорилось о последних часах жизни командора: «...Он погиб от голода, жажды, неудобств, печали и скорби. Наступил момент, когда отекая опухолью ног, причиной которой была давнишняя трехдневная малярия, вызвавшая закупорку сосудов, под влиянием холода перекинулась на живот и грудь, охватившая нижнюю часть живота, довершила все остальное: за два часа до восхода солнца 8 декабря 1741 года сердце Беринга перестало биться. Насколько плачевной должна была казаться смерть командора его друзьям, настолько удивительным и достойным восхищения были его спокойствие и готовность к уходу из жизни в здравом уме и нормальной памяти... На следующий день мы похоронили его по протестантскому обряду возле его жилища, и в могиле он лежит между своим адъютантом, комиссаром и двумя гренадерами. Перед нашим отплытием мы установили на его могиле деревянный крест, служивший знаком страны, к которой он принадлежал».

Ценное свидетельство обнаружилось в рапорте в Адмиралтейств-коллегию С. Вакселя: «Тело его привязали к доске и закопали в землю, все остальные наши покойники похоронены без досок».

– Наверняка, это могила Беринга, – говорит Андрей Станюкович. – Но окончательный вывод можно сделать лишь после исследований.

Итак, экспедиция обнаружила останки шести членов экипажа, похороненных на берегу. Все погребения совершены по христианскому обряду головой на запад, в неглубоких ямах. Детали одежды и обуви не сохранились. Лишь в одной из могил обнаружен медный крест-нательник.

По свежим следам раскопок можно сделать лишь первые выводы, – сказал заведующий отделом Института судебной медицины В. Н. Звягин. – Мореходы были людьми могучего телосложения, высокого роста. Окончательные результаты мы получим после исследований в 1992 году.

Из похода к берегам Америки на пакетботе «Святой Петр» не вернулись 31 из 76 членов экипажа. Первым умер матрос Никита Шумагин. Его похоронили на острове Алеутской гряды, который носит его имя. Другие умерли на борту корабля и похоронены по флотскому обычаю в море. Известны фамилии 14 человек, нашедших последнее пристанище на берегу бухты.

Кто есть кто из обнаруженных останков моряков, предстоит установить специалистам, – говорит Станюкович. – Замечу, что исследователи намерены реконструировать облик Витуса Беринга. Прижизненные портреты командора не дошли до нас, а тот, что связывают с его именем,

полагают, принадлежит его дяде. Так что предстоит большая работа медиков-криминалистов по идентификации останков моряков.

А что же с остальными пушками, оставшимися не найденными?

Мы обнаружили их. Когда извлекли третью пушку, никто от раскопа не уходил. Наступил, пожалуй, самый кульминационный момент. Всех волновал вопрос: есть ли четвертая? Проверили магнитометром – прибор регистрировал слабую аномалию. И когда из песчаной жижи показался чугунный ствол – раздался взрыв ликования. Все-таки она оказалась здесь! Итак, все 14 пушек возвращены истории.

Останки моряков, аккуратно сложенные, чтобы избежать повреждений в пути, в специальные контейнеры (захоронение командора вообще вырыли вместе с землей единым блоком и дополнительно скрепили гипсовым панцирем) доставили на борту пограничного корабля в Петропавловск, откуда два с половиной века назад мореплаватели уходили в поход, оказавшийся для них последним.

На пути к берегам Камчатки в океане произошла необычная встреча. Корабль, на борту которого находились останки моряков-первопроходцев и командора, встретился с большим рыболовным траулером «Витус Беринг». Протяжные гудки разнеслись над волнами – экипаж рыбацкого судна отдавал дань памяти мужественным морякам-первопроходцам.

Имя Витуса Беринга стоит в одном ряду с Колумбом, Магелланом и другими первооткрывателями.

На семнадцать лет растянулись по времени I и II Камчатские экспедиции, возглавлять которые выпало на долю Берингу. Исследователи неоднозначны в оценке роли руководителя экспедиций. Некоторые отмечают в его характере нерешительность, медлительность в принятии решений, что в одних случаях не позволило до конца достичь цели, в других – привело к драматическим последствиям.

Но вот мнение натуралиста Г. Степлера, который, как известно, не раз был в стычках с командором: «Это был справедливый человек. За справедливость и спокойствие он пользовался всеобщей любовью как среди офицеров, так и среди команды. Порученное ему дело Беринг исполнял с крайним разумением».

А вот вывод историка Л. С. Берга: «У всякого другого, кто стал бы во главе столь грандиозного и необычайно трудного предприятия, все дело неминуемо развалилось бы».

Многие исследователи, критикуя Беринга, подходят к его оценке с позиций современных мерок, не учитывая ни тогдашнюю степень оснащенности, ни того, что плавание проходило в «неизведанных водах».

Роль руководителя следует оценивать по результатам работы. А они впечатляющи. Экспе-

дия ознаменовалась величайшими географическими открытиями. Русские мореходы первыми достигли северо-западных берегов Америки, открыли Алеутские и Командорские острова, исследовали ряд островов Курильской гряды. По оценке историка В. Берха «...Экспедиция капитана Беринга есть первое морское путешествие Россиянами принятое...»

Участники экспедиции создали более 60 карт. По результатам походов было завершено в 1746 году составление «Карты генеральной Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам...»

Завершение работ и обобщение результатов плавания легли на плечи сподвижника Беринга капитана Алексея Чирикова. И в этой работе, как и в самом плавании, он блестяще проявил себя.

В работе по обобщению результатов экспедиции Чирикову помогали Свен Ваксель, Иван Елагин, Софрон Хитрово, Дмитрий Овцын, Степан Малыгин, Дмитрий и Харитон Лаптевы.

...Прошел год после раскопок. Что показали исследования? Кто они, мореходы? Какие причины их смерти?

На пресс-конференции в Петропавловске заведующий физико-техническим отделом Института судебной медицины Минздрава России, доктор медицинских наук В. Н. Звягин сообщил о результатах. Прежде всего интересовал вопрос: подтверждена ли принадлежность останков командору Витусу Берингу?

Да, подтверждена. Возраст человека, останки которого мы исследовали, находится в диапазоне от 57 до 66 лет – в среднем 61,5 года, что вполне укладывается в возраст Беринга, который, как известно, умер в 60 лет.

Из 34 сравнительных признаков черепа и известного портрета половина из них являются общими. Распределение признаков исключает принадлежность портрета и черепа одному лицу, но в родстве они несомненно состоят.

Как выглядел Беринг? Обрисуйте словесный портрет командора?

Это был человек высокого роста – примерно 170 см., при весе 73–78 кг. Имея средние пропорции тела, он выделялся чрезвычайно большой физической силой. Характерные черты внешности – достаточно низкий, узкий лоб, широкое, но не одутловатое лицо. Внешний облик асимметричен — правая половина лица шире левой. Мореплавателю было свойственно раннее облысение.

Что особенно выделялось в облике Беринга, его характере?

При средних размерах скелета наблюдается значительная массивность костей, особенно лопаток, верхних и нижних конечностей. Аналогичные характеристики наблюдаются у спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой. При исследовании черепа обнаружено заболевание (в медицине оно называется краниостеноз), которое возникло в возрасте 7–9 лет и могло проявляться

на протяжении всей жизни. Наиболее частые симптомы его – повышенное внутричерепное давление, сопровождающееся обычно сильными головными болями. Как правило, такие люди не склонны свои переживания трансформировать на окружающих и выражать на лице. Это люди замкнутые, каждый свой шаг они склонны тщательно взвешивать, анализировать, контролировать.

В печати сообщалось со ссылкой на ваши исследования: «Сейчас ученые склоняются к мысли об инфекционном заболевании, занесенном в команду корабля еще в начале плавания. Возможно, что роковым для отважных первооткрывателей стал вирусный гепатит...»

Возможных причин смерти Беринга считали три – заболевания сердца, почек или печени. Нарушений водно-солевого обмена мы не выявили. При гепатите отеки, которые описывает Стеллер у командора, происходят по другому типу. Сегодня мы склонны считать однозначно: Беринг умер от заболевания сердца. Есть основания полагать, что он был нездоров к началу похода к берегам Америки.

Скажем сразу: результаты исследований восприняты неоднозначно. Людям, знакомым с воспоминаниями сподвижников Беринга, живущим в местах, где происходили события, бросается в глаза неубедительность некоторых выводов.

Как мог Беринг при внутричерепном давлении и сильных головных болях плавать столь длительное время в экстремальных условиях северной части Тихого океана (резкие перепады атмосферного давления, штормы, циклоны)? – спросил я у В. Н. Звягина.

Знаете, примерно 20 процентов мужчин страдают этими заболеваниями. Весь вопрос в продолжительности и интенсивности головных болей.

Но вы утверждаете, что он страдал сильными головными болями на протяжении всей жизни...

Есть данные, указывающие на то, что Стеллер жил в одной каюте с Берингом. Это не случайно – наверняка это связано с тем, что он следил за здоровьем командора.

Таких сведений воспоминания не содержат. Стеллер лечил его от цинги, но нигде не упоминает о головных болях...

– Очевидно, Беринг скрывал от других свои болезни. Ни в служебных рапортах, ни в письмах он ничего не пишет о себе. Это подтверждает его замкнутый характер, скрытность.

Вряд ли можно было скрыть от окружающих сильные головные боли. Спутники командора несомненно обратили бы внимание на это. Даже на суше и особенно на побережьях многие люди болезненно реагируют на смену погоды. В море же к резким сменам атмосферного давления добавляются другие неблагоприятные факторы — штормы, качка, циклоны, влажность. Несомненно, при таком заболевании Беринг не смог бы продолжать морскую службу.

– У всех останков в хорошем состоянии зубы...

– О цинге можно говорить лишь в отношении одного человека – штурмана Андриса Эзельберга, – сказал В. Н. Звягин.

А как воспринимать тогда слова Степлера: «...в лечении капитан-командора, который от цинги и долгого лежания был уже не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, мне удалось, давая ему свежую ложечницу, добиться столь больших успехов, что он через восемь дней смог подняться с кровати...» А вот свидетельство Вакселя: «По воле Божьей умер капитан-командор Беринг в цинготной болезни, которою мучим был около четырех месяцев безвыходно».

Согласимся, что причиной смерти командора была не цинга. Но нельзя же допустить, что такой специалист, как Стеллер, не знал, что такое цинга. А значит, должны же остаться какие-то следы от этой болезни? Но в исследованиях об этом ничего не говорится, как не говорится и о причинах смерти пяти других обнаруженных моряков.

Ряд нестыковок обнаруживается и при идентификации останков моряков. По реконструкции, слева от Беринга были похоронены штурман Эзельберг, подшкипер Никита Хотяинцев и прапорщик Иван Лагунов. Справа от Беринга находилось групповое захоронение – два человека. Исследователи считают, один из них – гренадер Иван Третьяков, другой – Федор Панов или Прокофий Уфимцев.

Известно, что с 22 ноября 1741 года по 8 января 1742 года умерло девять человек (22 ноября – штурман Андрис Эзельберг и денщик Семен Артемьев, 4 декабря – конопатчик Алексей Клементьев, 8 декабря – командор Витус Беринг, 9 декабря – подшкипер, бывший адъютант командора Никита Хотяинцев, 17 декабря – гренадер Иван Третьяков, 27 декабря – канонир Прокофий Уфимцев, 2 января 1742 года – солдат Федор Панов и 8 января – прапорщик, комиссар Иван Лагунов).

Достаточно проанализировать все это и соотнести с воспоминаниями участников зимовки, чтобы убедиться: по многим вопросам не сходятся концы с концами. Почему, например, Эзельберг, умерший 22 ноября, находится рядом с Берингом, а денщик Семен Артемьев, умерший в этот же день, и конопатчик Алексей Клементьев, умерший 4 декабря, похоронены где-то в другом месте? Хоронили по рангу? Нет, из воспоминаний оставшихся в живых, такого вывода сделать нельзя. Хоронили лишь бы где и лишь бы как? Нет, раскопки показали, что захоронения производились аккуратно, могилы находятся рядышком, одна возле другой. Словом, аргументированных объяснений по ряду вопросов у исследователей нет. Это дало повод для сомнений: одни утверждают, что обнаруженные останки могут не относиться к экипажу Беринга (в бухте позднее высаживались и зимовали моряки ряда судов), другие отмечают неубедительность некоторых аргументов.

Многих неясностей удалось бы избежать, если бы были проведены полные археологические

раскопки в бухте Командора. «Мы считаем делом чести разыскать останки всех моряков и в будущем году продолжим раскопки», – заверили исследователи жителей острова Беринга в ответ на упреки, что в работе экспедиции преобладают конъюнктурные соображения. Заверили, но слов пока не сдержали. В 1992 году в бухте работали всего несколько человек. «Пытались искать, но ничего больше не нашли», – сказал на пресс-конференции В. Н. Звягин. О дальнейших раскопках – ни слова. Но точку ставить рано. Бухта по-прежнему хранит много тайн. И многие вопросы ждут ответа.

...Воскресным дождливым днем 13 сентября 1992 года жители Петропавловска провожали останки мореходов к месту их постоянной пристани – в бухту Командора на остров Беринга. На церемонию перезахоронения прибыли Временный Поверенный в делах Дании в России Свен Мадсон, бургомистр Хорсенса – родины Беринга Енсен Хенинг, представители с Аляски, потомки Витуса Беринга.

На церемонии проводов выступили губернатор Петропавловска Александр Дудников и бургомистр датского города Хорсенса Енсен Хенинг, вице-адмирал Юрий Шуманин. От имени губернатора и жителей Аляски Глен Рид передал специально изготовленное из зуба моржа изделие с землей с острова Каяк, куда впервые высадились моряки пакетбота «Святой Петр». Гости с Америки привезли также землю с островов Шумагина в память погибших в экспедиции. «Это символы нашей общей истории и напоминание о том, что два с половиной века назад люди Беринга достигли берегов Аляски», – подчеркнул Глен Рид.

По христианскому обычаю отец Ярослав совершил молитву за упокой душ мореходов. Лафеты, на которых установлены урны с останками мореходов, направляются к морскому причалу. Пограничный корабль доставил их в поселок Никольское на остров Беринга. Отсюда на вертолете Елизовского госпромхоза и АКО «Согжой» они были переправлены к месту своей последней стоянки – в бухту Командора.

Витус Беринг и пять его спутников по экспедиции перезахоронены на склоне сопки, где возвышается мемориальный крест. На плите надпись: «Великому мореплавателю капитан-командиру Витусу Берингу от жителей Камчатки». Рядом – выбеленные дождем и суровыми ветрами мемориальные доски, созданные дальневосточным художником и известным ныне путешественником Федором Конюховым. На них – фамилии всех членов экипажа пакетбота, не вернувшихся из похода к берегам Северной Америки.

В КОЛЫБЕЛИ ОКЕАНА

• ЗВЕНЬЯ ОГНЕННОГО КОЛЬЦА • ВСТРЕЧА НА УНАЛАШКЕ •
ТАК НАЧИНАЛАСЬ РУССКАЯ АМЕРИКА •
КАПИТАНСКАЯ ГАВАНЬ • МОРСКИЕ КАЗАКИ •
НА КОЖАНЫХ БАЙДАРАХ • ДАТЧ-ХАРБОР – ПОБРАТИМ ПЕТРОПАВЛОВСКА •

Острова кажутся бусинами, нанизанными на брошенную в океан нить с двух противоположных берегов – Америки и Азии. Один конец ее подвешен к Аляске, другой – к полуострову Камчатка. Прогнувшаяся дугой цепочка с бусинами – ожерелье на груди океана. Так выглядят на карте Алеутские острова, протянувшиеся почти на две тысячи километров на стыке Тихого океана и Берингова моря. На этой дуге – сто десять островов, только имеющих названия. А сколько безымянных, крошечных осколков суши!

Ближайшие к Камчатке звенья на этой цепочке – Командорские острова принадлежат России. Алеутские острова относятся к США, штату Аляска. На Командорах мне приходилось бывать много раз. И вот выпал счастливый жребий – с делегацией из Петропавловска лечу на противоположную сторону дуги – в столицу Алеутских островов на Уналашку.

Длинная гористая гряда, напоминающая на карте вытянутую клешню краба, долго не может расстаться с материковой частью Аляски, хотя делает неоднократные попытки оторваться от нее. Местами она истончается, фиорды и заливы врезаются далеко в сушу, стремясь перехлестнуть ее. Но скрепленная прочными каменными перешейками, гряда продолжает тянуться в океан на сотни километров.

Симпатичные стюардессы в салоне самолета заученными движениями демонстрируют правила пользования надувными спасательными жилетами на случай аварийной посадки на воду. «Мы надеемся, что ничего плохого не случится и жилеты не придется использовать, но авиакомпания «Маркаэр», заботясь о пассажирах, предусматривает необходимые меры безопасности», – поясняют они.

Под нами – Тихий океан, причудливые извивы берегов, обросших островками и скалами, силуэты редких кораблей на голубом поле океана. Солнечный день – и мы имеем возможность с высоты полета любоваться проплывающими внизу живописными картинами на границе воды и суши.

Но вот земля обрывается. Дальше – синяя жилка пролива, за которым начинаются острова Алеутской гряды. Вон и первый из них – Уникак, самый большой остров архипелага. Черная каменная земля, скалы у берегов. Издали виднеется заснеженная папаха вулкана. Своим конусом он напоминает Корякский вулкан. Ищем на карте название – Шишалдин. Острова и вулканы на

них – это вершины гигантской горной цепи, образовавшейся на дне океана в древние времена. Впрочем, острова рождались еще сравнительно недавно, на памяти людей.

Известный русский мореплаватель Отто Коцебу записал рассказы охотников алеутов, которые в мае 1796 года стали свидетелями рождения суши между островами Умнак и Уналашка. Они «увидели воздымающийся из моря в нескольких милях от берега на север столб дыма; к вечеру усмотрели они под дымом нечто черное, весьма мало токмо возвышающееся над поверхностью моря; ночью показался в том месте огонь... С рождающегося острова летели на них камни... С восхождения солнца... они ясно увидели остров, имевший вид остроконечной черной шапки...» Глава Российско-Американской компании Александр Баранов, побывавший здесь в 1804 году на судне «Богослов», назвал появившийся остров именем этого корабля. А осенью 1883 года рядом с вулканом-островом в результате извержения родился еще один остров – Новый Богослов.

Отзвуком происходивших вулканических событий является алеутская легенда о борьбе двух гигантов-вулканов – Макушина с Уналашки и Речешного с соседнего острова. Они долго сражались, метали гром и молнии, застилая окрестности дымом и пеплом. Первым сдался Речешный. Утомленный борьбой, он уснул. А Макушин по-прежнему бодр и энергичен, время от времени покуривает, пуская дымок из кратера.

Пока мы с приятелем читаем на карте названия островов и вулканов, в иллюминаторе показалась острая вершина Акутана, а за ним макушка... Макушина. Самого вулкана не видно, он прикрыт туманом, лишь торчит из облаков вершина. Но дальше – мысы и берега Уналашки открыты.

Самолет закладывает вираж, в иллюминаторе мелькает изрезанный фиордами берег, яркие дома городка у залива, множество кораблей у причалов. Мы не успеваем разглядеть все это, как самолет прямо у берега садится между двумя сопками на полоску земли, которая тянется к противоположному заливу.

В аэропорту нас встречают жители Уналашки. Мэр города Фрэнк Кэлти, представители штата Аляска, Фонда социальных нововведений, организовавших эту поездку. Вижу знакомых, которые в апреле прилетали в Петропавловск. В руках встречающих флаги США, штата Аляски. Тепло дружеских чувств мы ощущаем с первых минут пребывания на острове. Каждому гостю вручается корзинка с цветами, южными дарами, проспекты об острове, открытки, значки. Нас знакомят с хозяевами, у которых мы будем жить. Я и Константин Федорович Кудзин, начальник управления охотничье-промыслового хозяйства Камчатки достались семье Деффендолл – Кей и Роджеру. Роджер – энергетик острова, Кей агент в порту. Пять дней они опекали нас, возили на все мероприятия, знакомили с островом. Словом, были гостеприимными хозяевами, у которых нам было уютно и хорошо.

Учитель местной школы Рэй Хадсон подготовил для гостей из Петропавловска лекцию об

истории освоения Уналашки. Первым ступил на эту землю в августе 1759 года мореход Степан Глотов, добравшись сюда на боте «Святой Иулиан». Но еще задолго до этой даты мореходы и промышленники потянулись на Алеутские острова. Это была первая земля, которую стали осваивать русские люди на американском континенте. Отсюда начиналась Русская Америка.

Сразу же после экспедиции Беринга-Чирикова сержант Нижне-Камчатской команды Емельян Басов в компаниях с купцами в 1743 году на шитике «Капитон» побывал сначала на острове Беринга, а потом и на Медном из группы Командорских островов и вернулся оттуда с богатой добычей меха морских зверей. Следующий шаг суждено было сделать экипажу морехода Михаила Неводчикова. Он служил у Беринга, был под штурманом в Охотском порту, а затем водил суда купцов и промышленников. На корабле «Евдокия» он добрался в 1745 году до Атту – первого за Командорами острова Алеутской гряды. Неводчиков с 45 русскими и камчадалами зимовал на Атту и промыслял там морских зверей, а затем перешел к соседним островам Агатту и Семичи. Он составил карту этих островов и назвал их Ближние. Они действительно были ближними к Камчатке, а от Командоров их отделяло всего миль 250.

В поисках морских зверей мореходы пошли дальше и обнаружили острова Кыска и Амчитка. Их называли Крысьи за обилие грызунов. И только потом мореход Степан Глотов, отправившись для «изыскания новых островов и народов» обнаружил Умнак, Уналашку и другие острова, получившие название Лисьи – там было много лисиц.

В 1761 году селенгинский купец Андреян Толстых открывает архипелаг островов, названных впоследствии его именем.

Алеутская гряда так и разделяется на четыре группы островов – Ближние (их 10), Крысьи (11), Андреяновские (46) и Лисьи (43). Тридцать островов этого архипелага — крупные.

Капитанский залив, Капитанская гавань... На машине едем в порт. Нам обещают прогулку по заливу.

Раздвинув берег, вода врзается наискосок в северную часть острова. У входа в залив – островок Амахнак, напоминающий морского животного с добычей в зубах. Попасть в залив можно или через узкий пролив из внутренней гавани, где находится порт, или, обойдя островок, с его внешней стороны через широкий пролив.

С причала переходим на катер. Он пританцовывает на волнах. Но на пороге залива начинает бить поклоны морю. В заливе белые барашки – штормит. Погода не для прогулки. Но капитан говорит: «Ничего, пройдем».

Он понимает, как важно гостям увидеть залив, с которым связана важная страница истории.

Название заливу дал известный русский мореплаватель Гавриил Сарычев. В феврале-марте 1792 года он на байдарках с помощью алеутов проводил описание острова. Тогда и назвал он залив Капитанским – в честь капитана Левашева, возглавлявшего команду гукора «Святой Павел» и

зимовавшего на берегах этого залива.

Научная экспедиция Петра Креницына и Михаила Левашева была крупнейшей после походов Беринга-Чирикова. Ее главной целью было описание островов.

Экипажи кораблей «Святая Екатерина» и «Святой Павел» побывали на Умнаке, Уналашке и других островах из группы Лисьих, открыли ряд новых островов, нанесли их расположение на карту. Они бороздили воды у берегов Америки, когда грянули бури и штормы. Встретиться парусники не смогли и зиму 1768–1769 годов экипажи провели раздельно. Креницын зазимовал на Унимаке, а Левашев возвратился на Уналашку.

Зимовка была тяжелой. В команде у Левашева голодали, страдали от цинги. Три человека умерли, двое потерялись на охоте. У Креницына на Унимаке положение было гораздо тяжелее. Здесь умерло 36 человек. Среди них и известный мореход-первопроходец Степан Глотов, которому было всего сорок лет. Весной Левашев решил разыскать экипаж Креницына. Алеутские тайоны-старосты, с которыми у русских установились дружеские отношения, согласились пойти на поиски и доставить послание. Несколько десятков байдар отправились в путь по морю. И дошли, разыскали и вручили Креницы- ну послание! На радостях русские моряки усадили алеутов за стол, угощали чем могли и на обратный путь одарили гостинцами. Экипажи кораблей вернулись в Нижне-Камчатск с важными сведениями о «землях в Тихом море».

...Катер бросает на волнах. Ветер срывает с волн брызги воды и швыряет в иллюминаторы. Сопки и мысы, еще недавно хорошо видневшиеся, потонули в серой пелене тумана. Вдали, у правого берега залива маячат пять островков-камней. Возле них белыми фонтанами вспухают волны. Здесь, под прикрытием островков и стоял на зимовке гукор Левашева. Это место называли залив Левашева, а сам капитан назвал его по имени корабля «Гаванью Святого Павла». Но потом закрепилось название «Порт Левашова». Так он называется и поныне.

Возвращаемся в порт. Входим в узкий пролив, под прикрытия сопки и сразу тишина, как будто и нет никакого шторма.

Берег уютной внутренней гавани и выбрал в июне 1772 года для поселения Иван Соловьев, прибывший на Уналашку на корабле «Павел». Селение объединилось с местным и получило название Иллюлюк. Когда в октябре 1778 года Джеймс Кук во время третьего кругосветного плавания бросил якорь в заливе Уналашки и англичане посетили селение, они увидели, что русские живут в одном большом жилище вместе с камчадалами и алеутами. Джеймс Кук встретился со штурманом Герасимом Измайловым, который обошел острова от Атту до Уналашки. Мореплаватели поделились сведениями о северной части Тихого океана. Англичане получили от русских новую карту Алеутских островов и в обмен дали карту своего похода на север. Они передали через русских мореходов письмо для главного командира Камчатки, куда рассчитывали зайти для пополнения провианта. Тогда никто не мог предположить, что в феврале 1779 года Джеймс Кук

погибнет на Гавайях, корабли в Петропавловскую гавань приведет его заместитель Чарльз Кларк, но и ему суждено будет вскоре умереть в океане, а похоронят его в Петропавловске, как он и завещал.

На далеких островах русские поселенцы обустроивались трудно. Они голодали, умирали от цинги и недугов, тонули во время промысла. Но на смену им шла новая волна мореходов, промышленников, купцов. Как магнитом тянули новые земли в океане, богатые мехом морских зверей – каланов и котиков.

К концу века на Алеутских островах и у берегов Америки побывало около сотни кораблей с Камчатки и Охотска. К этому времени вся северная часть Тихого океана и Берингова моря обстоятельно была исследована русской экспедицией Иосифа Биллингса – Гавриила Сарычева. Любопытно, что в этой экспедиции на корабле «Слава России» находился внук Витуса Беринга Христиан.

Открытия и походы русских мореходов к северо-западным берегам Америки привлекли иностранцев. В северных водах появились английские и французские корабли. А испанцы даже сделали попытку прибрать к рукам в августе 1788 года Уналашку, но потерпели неудачу. Словно предвидя подобное развитие событий, президент Коммерц-коллегии А. Воронцов и один из членов коллегии иностранных дел А. Безбородко в декабре 1786 года подали Екатерине II «записку», в которой говорилось: «Северо-западный берег Америки с островами около одного находящимися и другими грядами от толе до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями... Но как по обще принятому правилу на неизвестные земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили..., то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России...» Далее перечислялись эти земли: берег Америки от 55 °21 северной широты к северу, все острова около той земли и все острова, лежащие к востоку — Алеутские, «ежегодно российскими промышленниками посещаемые; Курильские острова до Японии». Авторы просили, чтобы о приоритете открытия Россией этих островов было объявлено иностранным государствам и чтобы в эти места не допускались чужие корабли. Вот так заботились о российских интересах и высокопоставленные деятели, и дипломаты, и промышленники!

Ночь на Уналашке. Я проснулся от прерывистых всхлипов ветра и барабанного стука дождя в стекла окон. А утром, когда хозяева везли нас в общественно-культурный центр города, я увидел море, беснующееся пенистыми волнами у берегов.

До чего же погода напоминает командорскую, хотя острова эти лежат на противоположных концах дуги на расстоянии почти двух тысяч километров. Два дня назад остров нежился в лучах осеннего солнца, а сейчас темные тучи метались у вершин сопков, ветер заставлял втягивать голову в капюшон плаща, в штормовом заливе раскачивались корабли.

Что поделаешь, в районе Алеутских островов – «кухня погоды». Теплое течение Куроисио и южные воздушные массы, идущие от Японии к берегам Аляски встречаются у островов с холодными волнами Берингова моря и арктическим воздухом. Возникают сильные ветры, частые туманы и большое количество осадков. Море предопределяет климат островов. Не зря о них говорят: острова вечной осени.

Удивительное дело: эти осколки суши находятся во власти всех стихий – подземных (землетрясения, извержения вулканов), морских (штормы, цунами), воздушных (циклоны, дожди, туманы). Скалистая земля, без леса и плодородных почв. Но алеуты живут здесь тысячелетия. И не просто живут, но бесконечно любят свои острова.

История жизни алеутов таит много загадочного. В одной из легенд рассказывается, что эта народность – потомки жителей исчезнувшей таинственной земли, которая существовала на месте нынешнего Тихого океана, но вырвалась и стала Луной. Все люди погибли, кроме нескольких племен счастливых. Ими и были алеуты, которые жили по краям этого континента. В легенде совпадает с мнением ученых одно: предки алеутов заселяли южные края Берингии – суши, существовавшей некогда на месте нынешнего пролива между Азией и Америкой. А потом они перекочевали и освоили острова в океане. Остатки древних поселений обнаружены американским ученым Вильямом Лафлиным на Анангуле и Умнаке. Появились эти селения девять тысяч лет назад. Возраст их оказался вдвое старше, чем считалось ранее.

Земля на островах была мало плодородной и не могла служить источником жизни. Однако богатство было у берегов. Здесь обитало множество морских зверей и птиц, подплывали киты. Своеобразной скатертью-самобранкой служил океан, поставляя свои дары – моллюски, морские ежи, водоросли. В реки заходила на нерест рыба. Узкую нишу жизни, предоставленную природой на стыке суши и моря, алеуты смогли использовать в глубокой древности сполна. Они создали свой уклад жизни, свою самобытную культуру, свои традиции, которые поддерживались не просто веками – тысячелетиями!

В отличие от северных народностей с их меховой, наглухо «засупоненной» одеждой, алеуты изобрели легкую и непромокаемую одежду: парку – рубаху из птичьих шкурок и плащ – «болонью» из кишок морских животных. Птичью парку алеуты надевали на голое тело, Так носят платье некоторые народы Африки. Загадка? Да. Не пришли ли островитяне из южных широт?

И уж совсем удивительная вещь – деревянные конические шляпы, которые надевали алеуты, когда уходили в море на промысел. Конечно, сейчас такие шляпы можно увидеть лишь в музеях. У нас в стране богатая коллекция собрана в Санкт-Петербурге. Изучение их, по мнению ученых, приоткрывает связи алеутов с индейцами и эскимосами, как и калюметов – украшенных перьями обрядовых палок с трубками на конце, которые закуривали по случаю важных ритуалов и торжеств.

Первых русских мореплавателей алеуты поразили совершенством своих байдарок, которые стойко выдерживали бурю, были легкими и быстрыми. Не зря островитян стали называть «морскими казаками».

Байдару делали из дерева и китового уса, обтягивали ее шкурами морских зверей. Вместе с непромокаемым материалом из кишок сивучей они создавали своеобразный мешок, который можно было затянуть под мышками у гребца. Им не были страшны крутые волны. Даже если байдара переворачивалась, гребец одним движением возвращался в исходное положение.

Алеутская легенда утверждает: прообразом байдары послужило строение рыбы трески. Значит, уже в древности островитяне учились у живой природы, заимствовали ее изобретения, приспособивая к практике жизни.

Народная медицина алеутов использовала многие методы лечения (иглоукалывание, массаж, хирургия), которых не знали их соседи в те времена. При этом – поразительно! – инструменты изготовляли из камня и кости. С помощью операции – прокалывания грудной клетки, чтобы «выпустить воздух», излечивали заболевания легких. Широко было распространено мумифицирование покойников и захоронение их в пещерах. Откуда такие познания? Не существовали ли в глубокой древности тесные связи между народами Океании, разрушенные в результате каких-то глобальных катаклизмов?

Жизнь среди моря выработала у них ряд незаурядных качеств – умение с помощью копья охотиться на кита, смелость уходить на байдарках через проливы на соседние острова и в открытый океан, во время штормов привязывать свои утлые суденышки один к другому, а для большей плавучести использовать надувные пузыри из тюленьих кишок. Они обладали необыкновенной наблюдательностью и могли по приметам предсказывать погоду, словом, были «живой лощей», что позволяло им успешно «сотрудничать» с океаном. Тем не менее островная разобщенность в течение веков привела к образованию племен, появлению различий в образе жизни и языке, а борьба за существование – к воинственности и вражде не только по отношению к соседям – эскимосам и индейцам, но порой и к своим племенам. Когда экспедиция Беринга – Чирикова открыла Алеутские острова, народы, живущие там, находились на уровне развития каменного века.

Появление пришлых людей алеуты встретили не одинаково. На Умнаке мореход Степан Глотов и его товарищи находили уют в жилищах, а на Уналашке их встретили враждебно. С помощью специальных досок стали метать стрелы с заостренными наконечниками из кости и камней. В рапорте казака С. Пономарева и С. Глотова говорилось: «Учинили приступ и ранили – Пономарева в правое плечо, Глотова в грудь да в левое плечо, камчадала Игнатия Уваровского – в правую ногу..., да камчадала же Верхнего острогу Степана Уваровского убили до смерти, а протчих при том господь спас». Потом алеуты пришли на судно мириться, принесли мяса и сушеной рыбы. Возвратили байдару со всеми припасами.

Недоразумения, наговоры враждующих племен и конкурирующих групп, неумение прояснить причины ссоры время от времени приводили к столкновениям.

На Уналашке одна из речек носит название Убиенная. За этим названием стоят реальные трагические события. В 1762 году на остановившихся у этой реки на зимовку промышленников под предводительством морехода Петра Дружинина напали местные жители. История умалчивает причину конфликта. Алеуты разрушили жилище, разгромили корабль, убили много людей. С небольшой группой Дружинин ушел на соседний островок, но там через некоторое время был сражен в стычке. Оставшимся в живых удалось перебраться глухими тропами на место своего бывшего жилища у реки Убиенной. Всю зиму бедствовали, жили буквально на подножном корму, голодали. Правда, нашелся алеут Иван Шадуров, который в тайне от своих сородичей подкармливал русских. Подобные столкновения были и в других местах. Аборигены уничтожили четыре корабля и убили 175 промысловиков. Пришедший сюда из Нижне-Камчатска мореход Иван Соловьев, узнав об этом, жестоко расправился с жителями. О нем разнеслась весть как об очень жестоком человеке. «Но этот исторический факт так запутан, что трудно отделить действительность от вымысла, – сказал доктор Ричард Пирс в докладе на конференции, которая состоялась в августе 1991 года на Уналашке. – Более подробный отчет о деятельности Соловьева можно найти в его собственном докладе, представленном по его возвращении. Конечно, он пытается заставить читателя поверить, что его отношения с алеутами были обусловлены определенными причинами...» Добавим, что многие из спутников Соловьева осуждали его жестокость, хотя он и оправдывался, что такие действия были ответными мерами.

Осваивая острова, русские тем не менее приобретали среди алеутов много друзей. Еще Неводчиков, промышляя на Атту во время первого похода, подружился с мальчиком по имени Темнак. Он увез его с собой на Камчатку, обучил русскому языку и получил от него много сведений об островах и жителях. Голодающим зимовщикам алеуты часто приносили пищу. К Ивану Соловьеву однажды пришел алеут и попросился, чтобы его взяли с собой и дали русское имя. Его нарекли Алексеем и увезли в Нижне-Камчатск. Укреплению мирных отношений способствовало дружеское расположение русских. «Всегда от нас, когда станем есть же, что сами едим, то и тем алеутцам уделяем, не минуя никогда, почему в особое дружество себя и за свойство поставляют», – писал купец Степан Черепанов. Картины мира и взаимопонимания между русскими и алеутами отмечал Джеймс Кук, посетив Уналашку. Он писал, что на каждом острове есть вождь и алеуты пользуются свободой.

На сотрудничество с аборигенами была направлена и государственная политика. В одном из параграфов статуса новых владений подданных России говорилось: «Народы сии почитаются правительством наравне со всеми другими российскими подданными... По уважению неустрашенного их еще состояния, правительство не требует от них ни налога, ни ясака, и никаких по-

винностей, кроме службы компании по добыче морзверя».

А вот обязательство перед правлением компании, подписанное Александром Барановым, назначенным руководить ее владениями в Русской Америке: «Никаких обид не допускать, но изыскивать всевозможные и на человеколюбии основанные средства со всевозможным решением ко взаимному доброму согласию, грубых же и в варварских жестокосердных обычаях заматеревших – остерегощать и проводить в познание...» Конечно, не всегда отношения с аборигенами в первые годы правления основывались на взаимном согласии. Но допускавших жестокость «остерегощали и проводили в познание».

Алеуты получали от русских более совершенные орудия труда, разнообразные товары и одежду. Они быстро восприняли новую религию – православное учение, а также письменность, которую изобрел священник-миссионер отец Иоанн Вениаминов.

Промышленники и казаки оседали, обживались, налаживали отношения с местными жителями как с соседями, крестили их, давая русские имена и фамилии, заводили совместные семьи, женись на алеутках. Конечно, в таком общении многое терялось из самобытной культуры «морских охотников», разрушался привычный уклад жизни, формировавшийся веками. Но многое, и приобреталось – алеуты приобщались к образованию, к более прогрессивным формам ведения хозяйства и культуры быта, к огородничеству и животноводству.

Способных подростков отправляли в Россию для обучения различным специальностям. Еще Шелихов, возвращаясь с Кадьяка в Охотск, взял на борт группу аборигенов и среди них – 12 алеутов. В Иркутске они постигали «российскую словесность и науки».

В наставлении Шелихов давал указание «двух ребят американцев учить мореплаванию, арифметике и морской науке». И многие становились хорошими специалистами. Достаточно назвать мореходов и исследователей Александра Кошеварова, Руфа Серебренникова, Андрея Климовского — креолов, происходивших от смешанных браков.

Новый уклад жизни островитяне восприняли столь глубоко, что, когда после продажи Аляски американские администраторы, как пишет ученый Тэд Бенк II, попытались вытравить русское влияние, алеуты восприняли это как гонение и посягательство на свободу личности.

В 1825 году Российско-Американская компания переселила первых алеутов на Командорские острова, бывшие необитаемыми. Этого потребовали интересы промысла морского котика. Семнадцать алеутов с семьями с острова Атту переехали на остров Беринга. Природные условия здесь были такими же, как и на их родине. В следующем году дополнительно подселили сюда жителей с островов Атту и Атхи. Любопытно, что село на острове Беринга называется так же, как и на Умнаке – Никольское. А в 1828 году селение алеутов появилось и на Медном. Подселения проводились и позже, и даже после продажи Аляски – в 1872 году с Атту пожелали переехать тридцать семей. С тех пор они развиваются отдельно от других этнических групп своих сородичей

с Алеутских островов.

– Это обстоятельство представляет большой интерес для науки, – сказала этнограф Роза Гавриловна Ляпунова, с которой мне довелось встречаться. – Зная особенности различных групп, можно выявить общие закономерности происхождения и развития народности, пути заселения северных островов в Тихом океане. Эти вопросы особенно интересуют ученых в связи с загадками межконтинентальных связей населения Евразии и Америки. Ведь алеуты занимали промежуточную территорию между Старым и Новым Светом.

Как же развивались командорские алеуты? По мнению ученых, здесь они создали особую от своих сородичей культуру. Сейчас они живут на острове Беринга – их всего триста человек. Это ветви династий Сушковых, Ладыгиных, Хабаровых, Яковлевых, Ножиковых, Добрыниных. Кстати, два представителя командорских алеутов Владимир Добрынин и Валентина Сушкова были в составе камчатской делегации на Уналашке.

Полтора века живут на Командорах алеуты в общении с другими народностями, – сюда завозились в качестве промысловых рабочих русские, айны, эскимосы, индейцы. Алеуты восприняли от них все лучшее. Но особенно заметно влияние русских. И в способах ведения хозяйства, и в быту, и в духовной жизни – песнях, танцах. Национальные особенности сохранились лишь в нескольких танцах, да в прикладном творчестве, в частности, в плетении.

Старожилы помнят легенды, некоторые способы народной медицины, готовят блюда алеутской кухни, основанной на дарах моря и тундры. Но родной язык знают лишь единицы.

А каково положение жителей Алеутских островов?

На их долю выпало еще одно испытание в годы второй мировой войны. В июне 1942 года японцы бомбардировали Датч-Харбор на Уналашке и остров Атту. Три острова подверглись оккупации. Жителей увезли в Японию и большинство из них погибло в лагерях.

С других островов они были эвакуированы на Аляску и после войны вернулись на свои острова. Как не вспомнить, что и командорцы очень неохотно расстаются с родными местами – лишь единицы живут за пределами островов.

Когда русские мореходы в 1741 году открыли острова, алеутов жило там примерно двадцать тысяч. Сейчас их насчитывается около семи тысяч. Фамилии они по-прежнему носят русские. На Умнаке, например, в селе Никольском распространены фамилии – Черкешины, Крюковы, Суворовы, Дашкины, Ермиловы. Но все чаще к русским фамилиям «прививаются» английские имена – Джон Прокопьев, Мэй Ермилова, Дженни Крюкова.

Американский ученый Тэд Бенк II, исследовавший острова после войны, писал о бедственном положении алеутов, о широком распространении среди них болезней, о малой продолжительности их жизни.

Положение начало меняться лишь с начала семидесятых годов, – рассказывает учитель

Уналашкинской школы, увлекающийся историей Рэй Хадсон. – Развитие коренных народностей Аляски, в том числе и алеутского, обсуждалось в конгрессе США. Был принят акт об урегулировании земельных требований коренного населения. Это привело к образованию корпорации «Оуналашка», алеутской компании, которая сегодня является главным владельцем и опекуном местных земель.

На одной из площадок у залива нас познакомили с председателем совета Алеутской общины Денизом Робинсоном. Он занимался подготовительными работами, связанными с рыбным промыслом. В апреле Робинсон побывал в Петропавловске и сейчас с удовольствием рассказывал гостям о жизни на Уналашке.

Корпорация представляет всех алеутов. Она сдает земли частным предпринимателям в аренду, входит в совместные предприятия и сделки, строит магазины, гостиницы. Есть лица, имеющие свой малый бизнес. Ну а с искусством вы познакомитесь в школе.

В школе к нашему приезду островитяне подготовили выставку работ алеутского творчества – взрослых и детей. На стендах – рисунки, скульптурные фигурки, изделия декоративно-прикладного искусства. Вот фигурка алеута в национальной одежде. Деревянная охотничья шапка. Табакерка. Рисунок, изображающий сцену охоты. Скульптура женщины, несущей рыбу...

На витринах — образцы алеутской одежды, тусса, куклы, каменные светильники. Все эти предметы принесли местные жители, чтобы их могли увидеть гости с Камчатки.

В актовом зале состоялась встреча с известной алеутской художницей Гертрудой Зварни. Она унаследовала от матери алеутки мастерство плетения, активно занимается резьбой по камню и кости в традиционном алеутском стиле, рисует. Ее работы – в музее Смитсоновского института в Вашингтоне, в музее истории и искусства в Анкоридже и многих других престижных коллекциях.

Гертруда Зварни продемонстрировала цветные слайды своих работ, в основном скульптур. Сюжеты их разнообразны – мать за плетением косы дочери, плывущий тюлень, кит, цветы, ваза, солонка, маска... Но это не просто изображения людей, животных или предметов. Это образное видение мира, человека, окружающей его природы и предметов. Материалом для скульптур служат кости морских зверей, дерево, камень, ракушки, китовый ус. Две дочери пошли по стопам матери-художницы – учатся в Институте. Гертруда Зварни – член правления Института искусств аборигенов Аляски, который оказывает помощь и поддержку местным художникам. Одну из своих скульптур она подарила командорцам.

На островах ряд художников продолжают традиции алеутских мастеров. На Атке – молодой художник М. Дирке, на Уналашке – резчик по дереву Ф. Тутяков. Творчество других мастеров питают народные легенды и алеутско-русские культурные традиции.

Для возрождения культурного наследия разработан специальный проект. В школы привлекаются алеутские мастера, которые обучают детей навыкам плетения, резьбы, традиционных по-

делок. Уналашкинской школой издан учебник «Алеутский язык для начинающих». В его подготовке принимал участие и наш знакомый Рэй Хадсон. Он многое сделал, чтобы гости познакомились с историей освоения острова. Рэй отметил работы русских ученых по исследованию жизни алеутов. В частности, Владимира Иохельсона, собравшего в 1909–1910 годах коллекцию алеутского фольклора. Эти восемьдесят семь текстов сейчас опубликованы на алеутском и английском языках. Доступны американским читателям и исследования современных российских ученых Р. Макаровой, Р. Ляпуновой, А. Алексеева, С. Федоровой.

Ряд «алеутских загадок» прояснили археологические раскопки на островах Анангула и Умнак, проведенные российско-американской экспедицией в 1974 году под руководством академика А. Окладникова и В. Лафлина. В частности, исследования подтверждают, что предки алеутов пришли с Азии по южному краю Берингии. Процесс формирования этой народности, ее языка, культуры проходил уже на островах. Близкие по форме наконечники, обнаруженные на Ушковской стоянке в долине реки Камчатка и на Алеутских островах свидетельствуют о возможных древних контактах островитян с населением Камчатки. Кстати, на острове Беринга при раскопках места стоянки экспедиции командора обнаружены несколько орудий труда каменного века. Были ли здесь поселения древних морских охотников или это временные стоянки – пока для ученых загадка.

Набережная в Уналашке. Брожу по ней, любуюсь заливом, в котором стоят на рейде корабли. Ярким разноцветьем выделяются дома города у подножья невысокой сопки, прикрытой туманом. Вспомнилось, как в апреле во время экскурсии делегации Аляски на теплоходе «Петропавловск» по Авачинской бухте, представители Уналашки, показывая открытки своего острова, говорили: «Наши места очень похожи на ваш край». Действительно, это как дети одной матери – при некотором различии много похожих черт. Такие же живописные сопки, заливы, туманная и ветреная погода...

Первозданная природа подступает прямо к порогу города. Рядом с улицей бежит говорливая речка, по которой заходят из залива в озеро на нерест лососи – нерка, горбуша, кета. Разжиревшие на рыбе белоголовые орлы лениво поднимаются с берега реки и усаживаются для отдыха прямо на улице на столбах.

Едем на рыбозавод по узкой дороге, прижимающейся у берега к скале, и видим на склоне сопки рыжую лисицу. Сидит, чешет лапой за ухом и совершенно не выражает беспокойства из-за шума автомашин. Оказывается, на острове всего два вида сухопутных животных – лисица и полярная земляная белка, родственник нашего суслика. Зато у берегов – разнообразие морских зверей (каланы, сивучи, нерпы, киты), на скалах – шумные гнездовья морских птиц. Ну и, конечно, прибрежные воды богаты морской рыбой (палтус, треска, окунь) и крабами. В шестидесятые – семидесятые годы остров пережил в буквальном смысле «крабовый бум». В Датч-Харбор потя-

нулись тысячи «искателей удачи». Но когда запасы краба истощились и компания по его добыче распалась, произошел резкий отток населения. Сейчас крабов добывают, но в меньшем объеме.

С 1986 года рыбный флот перешел на глубоководный лов. Уналашка стала одной из главных баз рыбной промышленности Аляски. Здесь действуют крупнейшие заводы по переработке даров моря. Рыбозавод, например, обрабатывает в сутки 1200 тонн рыбы. Когда мы находились на острове, завод «отдыхал» – лимит рыбы был исчерпан. Но нас провели по заводу, показали технологические линии, оснащенные автоматикой и компьютерами, удовлетворили интерес и просто любознательных, и специалистов-рыбников.

Наличие ресурсов – главное при определении квоты вылова морепродуктов. Каждый капитан промыслового судна получает именную лицензию, из которой ясно, где и сколько ловить. Обычно лимит «выбирают» за пять месяцев работы. И завод ставят на консервацию. Межсезонье используется для ремонта оборудования.

Крабовый завод продолжал работать и мы увидели процессы переработки краба. У транспортной линии стояли рабочие – в основном филиппинцы и малазийцы. Они сортировали крабов по размерам и корзины отправляли в цеха для дальнейшей обработки.

Во время пугины количество жителей Уналашки увеличивается с трех до двадцати тысяч человек. Среди моряков можно встретить представителей из разных стран – Датч-Харбор является и портом международных контейнерных перевозок.

Более 15 лет в Беринговом море действует советско-американская смешанная компания по добыче рыбы.

Сотни российских моряков и рыбаков ежегодно посещают Датч-Харбор, в том числе и с Камчатки.

В один из дней встречаю на острове коллегу-журналиста Геннадия Струначева. Бывший моряк, он в качестве штурмана на яхте «Тарпон» участвует в плавании от Петропавловска по местам Русской Америки. Яхтсмены побывали на Кадьяке, в Ситке и других местах. На обратном пути бросили якорь в Уналашке.

Расписание нашего пребывания на острове насыщено различными встречами, посещениями, зрелищными мероприятиями. Хозяева познакомили гостей с достопримечательностями острова и города. Мы побывали на предприятиях, в порту и доках, в православной церкви и клинике, познакомились с полицией и даже тюрьмой. О работе муниципалитета рассказали его руководители. Представитель военных во время экскурсии посвятил в события, которые происходили здесь в годы второй мировой войны.

Впечатление произвела школа, с просторными классами, компьютерами, словом, со всеми условиями для учебы. Но школа здесь – это и центр общения жителей. Здесь и библиотека, и клуб, и бассейн, и спортзалы. Гостям были показаны школьный концерт и демонстрация детской

одежды. В свою очередь и взрослые, и дети с большим интересом восприняли выступление Корякского ансамбля танца «Мэнго». Все номера артистов вызывали бурные аплодисменты.

Вызывает уважение, что жители острова берегут все, что связано с историей своей земли. Национальным историческим объектом объявлен парк «Ели Ситки», посаженные русскими в 1805 году. Историческим объектом считается православная церковь Святого Вознесения, построенная в 1824–1826 годах. Старожилы вспоминали, что русские корабли во время второй мировой войны посещали гавань Уналашки и часто останавливались у соседнего островка Акутан.

Без малого двести лет назад один из руководителей Российско-Американской компании Николай Резанов, зять Шелихова, назвал Уналашку «портом хорошего согласия». Такой остается она и поныне, принимая тысячи моряков из разных стран мира.

Учитывая общие исторические корни и стремления к дружбе и сотрудничеству, жители городов Датч-Харбор на Уналашке и Петропавловска-Камчатского заключили Договор о побратимстве. Вот что в нем говорится:

«Мы выражаем готовность к совместным действиям во имя блага и процветания наших городов и регионов.

Мы намерены всеми возможными средствами крепить и развивать добрососедские связи, осуществлять постоянные контакты во всех областях культурно-экономического сотрудничества.

В этих целях мы будем:

- проводить регулярный обмен культурно-спортивными, молодежными, детскими делегациями;
- координировать усилия, проводить консультации и обмениваться информацией в части эффективного использования и воспроизводства рыбных ресурсов, охраны природы, укрепления экологической и сейсмической безопасности;
- содействовать установлению и расширению взаимовыгодных связей в сфере бизнеса и предпринимательской деятельности».

Во время встречи жителей Уналашки с камчатской делегацией учитель местной школы Рэй Хадсон сказал: «Петропавловск и Уналашка были когда-то примерно одинаковыми по размеру, однако ваш город вырос намного больше, чем наш. Условия исторического развития у нас были другими. Оглядываясь на прошлое, мы видим, что иногда были участниками одних и тех же событий. Одни и те же люди появлялись на наших исторических сценах. Сегодня мы надеемся, что в последующие десятилетия эти связи будут возрастать. Нам есть чему поучиться друг у друга».

К этим словам трудно что-либо добавить.

ПРИЧИСЛЕН К ЛИКУ СВЯТЫХ...

- СВЯЩЕННИК-ПРОСВЕТИТЕЛЬ • ИЗ СИБИРИ В АМЕРИКУ •
- МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ • СОЗДАТЕЛЬ АЛЕУТСКОЙ
- ПИСЬМЕННОСТИ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ АЛЕУТОВ •
- ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ • АПОСТОЛ АЛЯСКИ •

Когда летишь с Аляски на Алеутские острова, на побережье полуострова виден возвышающийся в белой папахе вулкан Вениаминова. Кто такой Вениаминов, удостоившийся высокой чести быть увековеченным на американском континенте? Редко кто с достаточной полнотой может ответить на этот вопрос, к общему стыду нашему. Даже жители Сибири и Дальнего Востока, где начиналась и проходила многие годы деятельность этого человека, затруднятся сказать. А ведь это видный деятель не только Русской православной церкви, но и науки, культуры XIX века, чей вклад в исследование и освоение восточных районов России и Русской Америки трудно переоценить.

Священник-миссионер, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, ставший митрополитом — первым лицом в Русской православной церкви. Этнограф — исследователь жизни алеутов, индейцев и эскимосов. Лингвист — создатель письменности, грамматики и букваря алеутов. Автор трехтомной книги «Записки об островах Уналашкинского отдела» — о природе и особенностях жителей Алеутского архипелага, поставивший его в один ряд со Степаном Крашенинниковым, исследователем, автором книги «Описание земли Камчатки». Это лишь вершины на фоне чрезвычайно широкой и многообразной деятельности Вениаминова. Трудно перечислить все, чем занимался этот неутомимый человек. Священнослужитель. Просветитель, создатель школ. Натуралист, естествоиспытатель. Гидрометеоролог. Земледелец. Механик. Изобретатель. Путешественник. А кроме того еще и строитель, плотник, слесарь, каменщик. Потрясающе, сколько способностей в одном человеке! И все их Вениаминов обратил во благо людей!

Откуда такой запас сил, позволивший сделать столь много в разных областях жизни? Кто помогал ему, содействовал росту успехов?

С удивлением узнаешь: всего Иван Вениаминов достиг сам, своим трудом. Более того, в детстве судьба оказалась немилостива к нему. Она уготовила испытания, словно хотела проверить молодой росток на жизненную силу.

Родился он в Сибири, в селе Анга на реке Лене 26 августа 1797 года. Отец — бедный сельский пономарь Евсей Попов умер, когда Ивану было шесть лет. На попечении матери осталось четверо детей. Но еще при жизни отца мальчик научился читать и это позволило ему с семи лет подрабатывать чтением на праздничных богослужениях в церкви. Дядя, сельский диакон, при-

строил племянника учиться в Иркутскую духовную семинарию. Двенадцать лет провел Иван Попов в ее стенах. Жил впроголодь. Но радостью была библиотека. Усидчивый и любознательный мальчик поглощал книгу за книгой. «Учился я хорошо, но чистого, без мякины хлеба до выхода из семинарии не пробовал», – вспоминал позднее Иван Попов-Вениаминов.

Был он с детства молчалив, усерден, настойчив в достижении цели. И очень работающ. Любовь к книге уживалась в нем с увлечением ремеслами, механикой. Он пристрастился мастерить, плотничал, в свободное время конструировал. Сохранилось свидетельство его современников: когда в городе на соборе устанавливали часы, семинарист часто пропадал там. Архиерей, заметив его однажды, посчитал: избегает занятий. Проверили. Оказалось, это отличник учебы. Мудрость подсказала решение – Ивану разрешили быть подручным у часового мастера. Это сослужило ему хорошую службу, позволив приобрести необходимые навыки. Как пригодились они ему в будущем! Он мог починить и сделать часы, отремонтировать различные приборы, сконструировать музыкальную игрушку и не только игрушку...

В семинарии за усердие и отличные знания Иван Попов удостоился новой фамилии – Вениаминов, в память об иркутском епископе Вениамине, умершем в 1814 году. Такова была традиция. Перед выпускником открывались заманчивые перспективы духовной академии. Но он обзавелся семьей – женился на дочери священника Екатерине. Началась работа в Иркутске – сначала диаконом, а через четыре года священником Благовещенской церкви.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Ивана Вениаминова, не повстречайся он с промышленником Крюковым, сорок лет проведшим на Алеутских островах и возвратившимся в Иркутск в 1823 году. Сколько рассказов о жизни за море-океаном он привез! При встречах Крюков конечно же поведал о вере людей, живущих там, о их восприимчивости к христианскому учению. Так совпало, что накануне в Иркутск поступил указ Синода о том, что на алеутский остров Уналашку требуется священник и архиепископу предписывалось подыскать нужную кандидатуру. Желających ехать на край света не находилось. Решили бросить жребий. Но человек, на долю которого выпало ехать, категорически отказался: «Лучше в солдаты идти, нежели туда отправляться».

Поначалу отказался и Вениаминов. Семья, мать, ребенок, неведомый дальний край... «Да и в самом деле, мог ли я, или был мне какой расчет, судя по-человечески, ехать Бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже в любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался в Уналашке».

Но искра, запавшая в душу в разговоре с Крюковым, все же подспудно тлела, набирала силу, пока вдруг не вспыхнула. «Как будто что-то поворотилось в груди моей, и я тут же объявляю своим домашним: я еду! Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего

пути и ожидающих меня – ничто не доходило до моего сердца, как будто огонь горел в моей душе...»

В дальний путь за океан Иван Вениаминов отправился всей семьей – с матерью, женой, малолетним сыном Иннокентием, а также девятнадцатилетним братом Стефаном, который направлялся псаломщиком и учителем на Аляску. 30 августа 1823 года на борту шлюпа «Константин» они вышли из Охотска в Новоархангельск.

Зиму Иван Вениаминов с семьей провел на острове Ситха, а к лету 1824 года перебрался на Уналашку. Остров давно был без духовного пастыря. Монах Макарий не посещал его несколько лет.

Новые места, незнакомые люди... И не просто незнакомые, но совершенно с другим укладом жизни и образом мыслей. Надеяться было не на кого, только на себя, на собственные силы. Очевидно, недюжинной ' сибирской породы и крепости духа был человек, если в одиночку взялся за обустройство жизни на голом месте. Начинать пришлось с нуля. На острове не было строений – лишь зарытые в землю юрты. Но вскоре на берегу застучал топор, завизжала пила. Обычное человеческое любопытство потянуло алеутов к новому священнику: а что он там делает с утра до вечера? И то, что увидели, приводило в изумление – на берегу поднимался деревянный дом. Они начинали помогать священнику, а он учить их плотничьему делу, другим ремеслам, благо сам был мастер на все руки. Он сделал мебель, всю утварь для домашнего хозяйства, сконструировал часы, чем еще больше поднял авторитет в глазах аборигенов. Затем научил их делать кирпич и производить кладку стен. И когда отец Иоанн взялся за строительство церкви, у него уже нашлись помощники из числа алеутов. Церковь воздвигли на месте старой маленькой часовенки на берегу залива. Вениаминов сделал алтарь, иконостас, позолоту иконостаса. В 1825 году церковь Святого Вознесения распахнула двери для прихожан.

Волшебным ключиком, позволившим открыть путь к сердцам островитян, стало познание в алеутском языке и необыкновенная доброжелательность. Первые уроки языка он получил еще на острове Ситха, в ожидании переезда на Уналашку. В общении с островитянами, в совместной работе на строительстве церкви, во время рыбалки и охоты на морских зверей, отец Иоанн Вениаминов быстро овладел разговорной речью алеутов. Это еще больше расположило местных жителей. Они потянулись к нему, слушали его проповеди, впитывая христианское учение. Высокого роста, добродушный, мастеровитый, справедливый, отец Иоанн привлекал к себе и старого, и малого, помогая всем и словом, и делом. Словом, пробуждал чувства добра и справедливости, веру в свои способности, укреплял силу духа. Делом, практической работой способствовал просвещению аборигенов, познанию ими новых ремесел. Через год он открыл на острове училище для детей алеутов и креолов. И сам по-настоящему увлекся изучением алеутского языка.

Алеуты не знали письменности. Вениаминов замышляет создать алфавит. В основу он по-

ложил церковно-славянскую графику, обозначив дополнительными знаками особенности выговора алеутов (придыхания и т. д.). Ему помогал алеут Иван Панков. Затем Вениаминов составил грамматику алеутского языка и букварь. И стал переводить русские книги. За пять лет он перевел православный катехизис, а также литургию и часть Священного Писания. «А когда они (алеуты) увидели книжки на своем языке..., то даже старики начали учиться грамоте, для того чтобы читать по-своему», — писал он. Отмечая большую тягу к учению, подчеркивал: «...И в этом отношении они не уступят многим просвещенным народам. В последнее время, т. е. когда появились переводы на их язык, умеющих читать было более, чем шестая часть; а есть селения, где из мужчин более половины грамотных, а на одном острове (Св. Павла) почти все до одного умеют читать».

Вениаминов был первым, кто открыл окно в неведомый мир языков американских аборигенов. Его труды сразу признали и оценили специалисты и в России, и за границей. «Отец Иоанн Вениаминов первый познакомил науку с новыми, дотоле совершенно неизвестными в лингвистике языками, первый грамматически осмотрел и изучил их. Он был единственным ученым, занявшимся теорией этих языков», — писал ученый Г. Воейков. «Алеутская грамматика Вениаминова — одна из лучших монографий», — отмечали во Франции. «Между языками берингоморских стран алеутский является почти единственным, о котором можно получить точное представление», — вторили им в Германии.

Работы исследователя не утратили значения и поныне. В основе издаваемых на Аляске учебников, как нам поведали в Уналашкинской школе, используется «Опыт грамматики алеутско-лисьенского языка» Ивана Вениаминова.

Десять лет прожил отец Иоанн на Алеутских островах. Это были годы насыщенной работы. На утлых байдарках, обтянутых шкурами морских зверей, пешком по скалистым тропам, на редких попутных судах пробирается он от острова к острову, от селения к селению, выступает с проповедями перед жителями, строит часовни. Об отце Иоанне, добром, справедливом пастыре, распространяется широкая молва. Христианскую веру принимают все язычники-алеуты его прихода.

С первых дней жизни на Уналашке Иван Вениаминов вел описание природы и изменений в ней. На берегу речки, впадающей в залив, он вырыл колодец, опустил туда рейку и замерял уровень приливов и отливов — следил за гидрологическим режимом. Организовал метеостанцию и смастерил приборы для наблюдения за погодой. Наблюдал за состоянием вулканов. Сделал записи о поведении главного из них, Макушина (из кратера «шел вечный дым», а иногда сопка «производила подземный шум»). Записал рассказы островитян, что в 1818 году сопка «так сильно гремела, что от гула чувствуемо было легкое трясение земли и живущим в Уналашке казалось, что обваливается ближайший островок Амахнак».

И постоянно заносил в тетради наблюдения об особенностях жизни алеутов. Знание языка, зоркий глаз позволяют ему тонко подмечать детали труда и быта островной народности, черты

характера жителей. Он отмечает их высокую приспособленность к суровым условиям жизни, большую терпеливость ко всему – холоду, голоду, боли, подчеркивает их доверчивость, твердость и выносливость. Он обращает внимание на практичность их одежды – парок из птичьих перьев и камлеек из кишок морских зверей, защищавших охотников от сильных ветров и дождей, высоко оценивает байдарку («Байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень немного и даже едва ли что сможет прибавить к усовершенствованию ее морских качеств»),

В приход священника входили не только Уналашка, но и другие острова – Лисьи, Прибылова и даже Михайловский редут на материковой части Аляски. Посещая их по роду службы, Вениаминов выкраивает время для наблюдений за животным миром. На островах Прибылова его привлекают морские котики. К тому времени численность их, подорванная неумеренным промыслом, пошла на убыль, добыча резко сократилась. Он анализирует возрастной состав зверей, естественный их прирост. По словам морехода, креола Александра Кашеварова, Вениаминов «составил интереснейшую таблицу вероятной возможности размножения котиков, если промышленники при ежегодном промысле этого зверя будут ограничиваться показанными в таблице его количествами». Короче, он рекомендует, сколько и какого возраста животных можно промышлять, чтобы не только не подорвалось воспроизводство стада, но и росла его численность. Оценивая эти рекомендации, тогдашний начальник Охотской фактории Российско-Американской компании Василий Завойко писал: «И. Вениаминов как человек с острым разумом и быстрым практическим соображением и как наблюдатель окружающей его природы новыми своими выводами из своих наблюдений над жизнью земноводных животных, морских котиков, доставил компании на несколько сот тысяч пользы: и поныне казна ежегодно получает громадный доход, а ежели будут строго держаться правил, выведенных отцом Вениаминовым, то доход казны должен увеличиться и достигнуть миллиона».

Осенью 1834 года отец Иоанн был переведен на новое место службы – в Новоархангельск (остров Ситха), где находилась контора Российско-Американской компании. И здесь он кроме своей службы священника занимается обучением грамоте индейцев-тлинкитов (колошей). Изучает их язык, на котором стал потом проповедовать. Пишет «Замечания о колошском и кадыякском языках и отчасти о прочих наречиях в Российско-Американских владениях, с присовокуплением Российского словаря». Составляет филологическую классификацию американских языков.

В январе 1835 года отец Иоанн был награжден, как сказано, «в воздаяние ревностного служения и постоянных трудов его» орденом Св. Анны третьей степени.

Подрастали дети. Старшие сыновья Иннокентий и Гавриил пошли по стопам отца – обучались в Иркутской духовной семинарии. Младший Александр – в здешнем училище. В почтении к труду воспитывались дочери Екатерина, Ольга, Параскева, Фекла. Как вспоминает Екатерина, отец сам не терпел праздной жизни, и детей приучал неустанно трудиться. Если он мастерил что-

либо, то привлекал к этому и детей. Играм, забавам, не разрушая их занимательности, стремился придать смысл и пользу. Увлечение детишек морскими камешками он направил в практическое русло — мостить ими тропинку. Получилась красивая мозаичная дорожка от дома до церкви.

Изобретательство, конструирование было еще одним призванием Ивана Вениаминова. Переселившись в Новоархангельск, он сконструировал и установил на колонне собора часы. Чтобы ни делал он – игрушки ли, музыкальные шкатулки, часы или приборы, все выходило из его рук необычным и ладным. Восхищение вызвал построенный им музыкальный орган с двумя валами. На одном были духовные песнопения, на другом – плясовые песни. Рассказывают: однажды испанские священники в Калифорнии высказали большое огорчение, что у них нет таких музыкальных приборов, как у русских, которые привлекали бы «дикарей» в церковь. Им посоветовали обратиться на Ситху к мастеру Вениаминову. И такой заказ был выполнен. Когда установили орган и стали демонстрировать его работу, произошел конфуз: духовные песнопения не вызвали никаких чувств у иезуитов, лица их были равнодушны. Тогда заменили вал на русские плясовые песни. И тут они пришли в восторг. «Это то, что нужно», – благодарили они.

Подлинный мастер, Вениаминов мог починить любой прибор. Однажды на бриге «Охотск», на котором он совершал объезды своего прихода, вышел со строя судовой хронометр. Никто из экипажа не знал, как его починить. Устранить неисправность взялся священник. И прибор заработал.

Отец Иоанн много разъезжает по островным и береговым селениям материковой части Аляски. Дважды он посетил Форт Росс в Калифорнии. В его «путевом журнале» содержатся подробные описания Форта того периода, населения русских владений. Материалов о «новых землях и народах» накопилось очень много. Как ускорить их издание? Надо ехать в Россию. Тем более, что назрели вопросы и по расширению миссионерской деятельности на территории Русской Америки. Осенью 1838 года было получено разрешение на поездку в Петербург. Жену с детьми Вениаминов отправил через Охотск в Иркутск, а сам на корабле «Николай» вышел к далеким балтийским берегам. Семь с половиной месяцев продолжалось плавание по маршруту: Гавайские острова – мыс Горн – Кронштадт.

В Петербурге многие слышаны о подвижничестве отца Иоанна в заокеанской стороне. Журналы публикуют его статьи. Среди них – «Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки», «Население русских владений в Америке». В 1840 году на средства Российско-Американской компании выходит из печати книга в трех томах «Записки об островах Уналашкинского отдела» – результат его десятилетней работы на Алеутах. Она сразу привлекает широкое внимание читателей. В ней собраны многочисленные сведения об Алеутских островах и народности, живущей там, – о жилищах и одежде, об орудиях охоты и пище, о байдарках и деревянных шапках промысловиков, о социальном устройстве и межплеменных войнах,

о ремеслах и обычаях, о преданиях и песнях, о мифологии и верованиях. Это подлинная энциклопедия жизни островной народности. Такая же, как «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова.

Уже в те годы древняя культура морских охотников-алеутов быстро разрушалась. Вениаминову, запечатлевшему ее, мы обязаны тем, что знаем о ее своеобразии. Археологи имеют возможность точнее идентифицировать здешние находки, глубже проникать в толщу веков, проследить происхождение, распространение и контакты древних народов. Представим на минуту, что не было бы книг Вениаминова с описанием труда и быта морских охотников. Сколько потеряла бы наука!

Один из правителей Русской Америки, известный мореплаватель Ф. П. Врангель писал: «Можно смело сказать, что к собранным здесь данным относительно свойств и обычаев алеутов, последующие путешественники не найдут ничего нового присовокупить – по крайней мере, в том ручаются трудолюбие, терпение и наблюдательный ум отца Вениаминова».

«Записки» вызвали большой интерес не только у специалистов. Их использовал Н. А. Некрасов, когда вместе с А. Я. Панаевой писал роман «Три страны света», изображая картины Русской Америки. В записной книжке Н. В. Гоголя среди списка книг, в которых «слышится сильное присутствие русского духа» и которые «следует достать», значатся и «Записки об Алеутских островах священника Вениаминова». Автор книг «Обломов» и «Фрегат «Паллада» И. А. Гончаров отмечал: «Не пожелаешь никакой другой истории молодого и малоизвестного края. Нет недостатка ни в полноте, ни в отчетливости по всем частям знания: этнография, география, топография, натуральная история...».

Его работы получают высокую оценку Академии наук, Российского географического общества. «Записки» удостоены престижной Демидовской премии.

На заседании Синода отец Иоанн выступает с рассказом о миссионерской деятельности по ту сторону океана. Его предложения по расширению этой деятельности и устройству северо-американских владений находят поддержку высших иерархов. Он получает орден Св. Анны II степени, а Святейший Синод «в уважении к его трудам и заслугам» производит его в сан протоиерея (высший немонашеский сан православной церкви).

Все идет хорошо. Как вдруг в начале 1840 года он получает печальную весть – в Иркутске в ноябре минувшего года умерла его жена. Что делать? После долгих раздумий он 29 ноября 1840 года принимает монашество и становится отцом Иннокентием. Дочери определены в институт, сыновья – в Петербургскую духовную семинарию. А сам он уже в сане епископа уезжает во вновь созданную епархию — Камчатскую, Курильскую и Алеутскую.

Снова Охотск, Новоархангельск... 19 августа 1842 года он добирается до Петропавловска и три месяца проводит здесь. После землетрясения церковь требовала реконструкции. Епископ не

только возглавляет работу, но вместе с плотниками и столярами участвует в ее внутреннем обновлении. Во многих селениях епархии он создает церкви, организует школы и училища, дома для сирот. В Новоархангельске возводит собор Св. Архангела Михаила. В 1850 году он получает сан архиепископа. Работы прибавилось, когда к епархии в 1852 году присоединили Якутию. Он переезжает в свою резиденцию в Якутск. И здесь способствует просвещению населения, работает над созданием письменности якутов. Его подвижничество восхищает окружающих. В письме к друзьям, известный писатель И. А. Гончаров сообщает: «Здесь есть величавые колоссальные патриоты. В Якутске, например, преосвященный Иннокентий, как бы хотелось мне познакомить Вас с ним. Тут бы Вы увидели русские черты лица, русский склад ума и русскую коренную живую речь. Он очень умен. Знает много и не подавлен схоластикой, как многие наши духовные, а все потому, что кончил не Академию, а [семинарию] в Иркутске и потом прямо пошел учить и религии, и жизни алеутов, колошей, а теперь учит якутов. Вот он-то патриот».

Осенью 1854 года до Вениаминова доходят вести о победе адмирала Василия Завойко над англо-французской эскадрой, пытавшейся овладеть Петропавловским портом. Завойко был его другом. Обоих роднила преданность Отечеству. По рекомендации Вениаминова губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев направил Василия Завойко на Камчатку. И теперь отец Иннокентий радовался, что не ошибся в нем. О его состоянии в те дни писатель И. А. Гончаров вспоминал: «Мы с ним читали газеты, и он трепещет, как юноша, при каждой счастливой вести о наших победах».

На следующий год отец Иннокентий отправился в путь по Охотскому побережью – сначала в Аян, затем в селение Нелькан, где жила его дочь с мужем. Его удивило, что село было пустынным, словно вымершим. Оказалось, жители попрятались в лесу от англо-французов, которые в отместку за прошлогоднее поражение в Петропавловске рыскали по побережью и учиняли погромы. Через несколько дней пришлось и ему лицом к лицу встретиться с агрессорами. Когда он совершал молебн, английские и французские моряки высадились на берег, зашли в село и взяли в плен отца Иннокентия. Но смелость, присутствие духа спасли его. «Я человек не военный, – сказал он. – Мое содержание на корабле кроме убытка ничего вам не принесет». Командующему ничего не оставалось, как отпустить его и священника Махова, содержащегося в плену.

В начале 1856 года Вениаминов добирается до Амура, встречается с участниками экспедиции мореплавателя Геннадия Невельского, в составе которой находился в качестве священника его сын Гавриил, родившийся в 1824 году на Уналашке. Планы колонизации дальневосточных земель нуждались в различных сведениях, грамотных рекомендациях по обустройству. Опыт Вениаминова пришелся здесь кстати. Он сопровождает губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева в его поездке по Амуру. Собранные сведения легли в основу рекомендаций по использованию природных богатств, расселению крестьян в Приамурском и Приуссурийском краях.

Касаясь укрепления границы Приамурья, Вениаминов пишет, что «перед устьем Зеи... прежде всего должен быть город и не менее как губернский». Таким городом и стал Благовещенск. 9 мая 1858 года в Усть-Зейской станице, пишет Г. И. Невельский, архиепископом Иннокентием заложен храм во имя Благовещения, а сама станица переименована в город Благовещенск (вспомним: Благовещенская церковь – первое место службы Вениаминова в Иркутске).

5 января 1868 года архиепископ Камчатский Иннокентий был избран на высший пост в Русской православной церкви – митрополитом вместо умершего Филарета. Ему шел тогда семьдесят первый год. Одиннадцать лет суждено было ему служить на этом ответственном посту. Одновременно он работал на кафедре Московской митрополии, был избран почетным членом Московского университета и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. К концу жизни ослеп, но по памяти читал молитвы. Умер он 31 марта 1879 года и похоронен в Троице-Сергиевой лавре под Москвой.

Во время пребывания на Уналашке мы, конечно же, заинтересовались: помнят ли здесь отца Иоанна?

– Конечно, – без раздумий сказали нам. – Имя Вениаминова священно для жителей Алеутских островов. На Уналашке есть места, связанные с его деятельностью. И, прежде всего, церковь Вознесения – старейшая православная церковь на Аляске и Алеутских островах. Нынешнее здание ее воздвигнуто на месте сгоревшей церкви. Позже, как нам сказали, сделаны пристройки – два крыла с алтарями. Один алтарь носит имя Сергия Радонежского, другой – Святителя Иннокентия.

В храме хранятся богословские книги в кожаных переплетах, старинный крест, иконы. В 1974 году здесь побывал академик Алексей Окладников, проводивший с американскими археологами раскопки на Алеутских островах (кстати, он родом из одного села с Вениаминовым). Когда его коллега Вильям Лафлин попросил прочитать надпись на русском языке под одной из икон, оказалось, что она была установлена в 1824 году.

Священника храма отца Тимофея на острове в это время не оказалось – он переехал в Ситку. Среди жителей быстро разнеслась весть – молебен будет служить отец Ярослав из Петропавловска. На богослужение собралось много людей. Отец Ярослав читал евангелие, которым пользовался отец Иоанн Вениаминов.

Нам рассказали: на островах есть люди, которые читают на алеутском языке, используя рукописный шрифт, созданный Вениаминовым совместно с Иваном Панковым. А в центре Уналашки в парке мы увидели ели, посаженные здесь отцом Иоанном.

В Америке Вениаминова называют Апостолом Аляски. 6 октября 1977 года Священный Синод Русской православной церкви решил «приснопамятного митрополита Иннокентия, Святителя Московского и Апостола Америки и Сибири, признать в лике святых».

На американском континенте бережно сохраняют все, что связано с его именем. Историче-

ским памятником объявлен на острове Ситха собор, построенный им в 1848 году. Восстановлен Дом епископа, в котором он жил и работал, сохраняются старинные предметы, вещи и книги. Именем Вениаминова назван мыс на Уналашке и вулкан на полуострове Аляска. Своей бурной неутомимой деятельностью он и впрямь напоминает вулкан, чье величие не убывает со временем.

ТРОПОЙ МОРЕХОДОВ

• ПО ОКЕАНУ НА ЛОДКАХ С ОПАСНЫМИ СКАЛАМИ • БЕРЕГА
СОКРОВИЩ • КАПРИЗЫ ПОГОДЫ • ВЫСАДКА В ШТОРМ •
ИМЕНИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ «МОРЖИ ВЫХОДЯТ НА ОСТРОВ •
ЧТО ТЯНЕТ В СТРАНСТВИЯ •

На лодках по океану? С ума сошли! Вам что, жить надоело? – так реагировали наши знакомые, когда узнавали, что мы собираемся в поход вдоль побережья Камчатки.

Я и сам вначале высказывал опасение, когда Анатолий Коваленков, директор охотничье-промыслового хозяйства из Елизова поделился своим замыслом и пригласил меня в состав экспедиции.

– Ходили же первые мореходы на утлых суденышках по океану, – говорил Анатолий Георгиевич. – Вот и посмотрим, в каких условиях приходилось плавать нашим предкам. Обследуем берега – на побережье много «белых пятен». Уточним места залежек морских зверей, гнездовой птиц. Скалистые берега с суши местами недоступны, не подобраться к ним и со стороны моря на больших судах. А моторные лодки мобильны, можно подойти к скалам, высадиться на берег...

Конечно, заманчиво было отправиться в такой поход. В успехе его Анатолий Георгиевич не сомневался. Опыт хождения на лодках по морю у него был – в период работы на севере он промыслял морских зверей, плавал у побережья. Опытным промысловиком был и его друг Николай Павлович Бондырев. Однажды и мне пришлось с ними на лодках участвовать в промысле нерпы у острова Карагинский. Так определился состав экспедиции. Втроем на двух моторных лодках «Прогресс» мы и отправились в поход вдоль побережья Камчатки.

От Никольской сопки отчаливаем рано утром, в темноте. Анатолий Коваленков идет на лодке впереди, мы чуть в стороне и сзади. Выходим на середину Авачинской бухты и перед нами предстает удивительная картина: тысячи переливающихся на воде золотистых дорожек – отражение огней. Огней города, террасами опоясавшего склоны сопки и огней кораблей, стоящих на рейде. Город на земле и город на воде... Невольно переносишься в мыслях ко временам Беринга, когда и бухта, и берег были пустыни.

Перед тем, как отправиться из Охотска на поиски Америки, участники Второй Камчатской экспедиции решили создать базу в Авачинской бухте. Предшествующие карты бухты не удовлетворяли. И командор послал штурмана Ивана Елагина измерить «длину и глубину, мели морских берегов залива и гавани». В 1740 году карта была составлена. А на пустынном берегу появились первые дома. Несколько поколений русских людей обживали студеную землю, строили город,

создавали флот...

От теплых огней мы уходили в океан, холодный и совсем не тихий. Мы почувствовали это уже у Трех братьев – высоких скал-кекуров, стоящих у выхода в океан. Волны стали размашистыми, грозно набухали и, столкнувшись, с грохотом расплескивались. В лицо бил свежий океанский ветер.

Лодки повернули налево и взяли курс на север вдоль полуострова.

Рассвело. Сквозь пелену тумана проглядывал высокий обрывистый берег с черными скалистыми ребрами. Чайки, кайры, бакланы стаями и в одиночку летели от берега в море – наступило время дневных птичьих забот.

За «воротами» бухты сразу же проявилась и первая «подножка» – новый тридцатисильный двигатель «Вихрь» на лодке Анатолия Коваленкова при полной нагрузке «скисал», скорость резко падала. Анатолий поднимал двигатель на лодку и, качаясь на волнах, обдаваемый брызгами, копался в моторе. Какое-то время после этого двигатель развивал нужную скорость, но затем снова давал сбой. Стало ясно: починить его можно только на суше. Высаживаться на скалы? Решили все же добраться до реки Жупанова, где в устье находится база госпромхоза.

Мы шли вдоль скалистого берега, маршрутом, каким в давние времена ходили первые русские мореходы. Все, что они видели, до них никому не было известно. Мы тоже впервые видели эти скалы, но у нас был ряд преимуществ – карты, лоция, созданные трудом нескольких поколений мореплавателей. И еще – портативные радиостанции. Вспомним: экипажи пакетботов «Св. Петр» В. Беринга и «Св. Павел» А. Чирикова, отправившиеся на поиски берегов Америки, разошлись в тумане и не встретились. Они не могли придти на помощь друг другу и это стало одной из причин экстремальных ситуаций в походе. Мы же, разойдясь на лодках далеко, имеем возможность связываться по радиации и в случае необходимости оказать один другому помощь.

Время от времени наш командор Анатолий Коваленков останавливается, разворачивает карту, сверяет с ней приметные места, мимо которых мы проходим. Все мысы, горы, островки, бухточки имеют названия. На карте и в лоции помечены одиноко стоящие камни, опасные точки, глубина у берегов, мели. С благодарностью думаешь о первопроходцах, которые в штормы и туманы совершали «вояжи», подвергали себя опасности, добывали сведения ценой жизни. Сначала это были люди Беринга и Чирикова, затем экипажи Басова, Неводчикова, Шелихова, многих других промысловых и научных экспедиций. И, наконец, специалисты-гидрографы. Благодаря им мы знаем, где находимся, что может ожидать у одиноко торчащих камней-кекуров.

Многие из этих камней стали причиной трагедий мореплавателей.

Проплываем у мыса Шипунский. В самом названии мыса чувствуется бурный характер волн. Берег здесь обрывается в воду отвесными скалами. А дальше в океан протянулась цепь зубчатых скал, каменных рифов, у которых постоянно бушуют белопенные волны. У этих скал разбилась в

октябре 1766 года на судне «Петр» знаменитый купец-мореход Андреян Толстых и с ним – 62 человека экипажа. Лишь троим удалось спастись. Причина кораблекрушения – сильный шторм, сорвавший судно с якорей и выбросивший на скалу.

Селенгинский купец Андреян Толстых промышлял зверей сначала на Командорских островах, затем на Алеутских, организовывал экспедиции по «изысканию новых островов», приводил «неясашные народы в подданство российское». Открытая им группа островов в цепи Алеутского архипелага названа Андреяновскими – в честь русского купца-морехода.

К вечеру подходим к устью реки Жупанова. Минуем выдающийся в море каменный выступ. Речные воды, сталкиваясь с приливным морским течением в устье, образуют высокие пенистые валы. Заход в реку сопряжен с большой опасностью. Я смотрю, как лодка Анатолия Коваленкова лавирует между накатами, ныряет в волны и сердце мое сжимается, а руки крепче вцепляются в сиденье.

Мы идем следом за Анатолием. Мой напарник Николай Болдырев удачно проскакивает одну волну, другую... Несколько раз брызги воды окатывают нас. Наконец, опасные места остаются за кормой. Причаливаем среди рыбацких лодок, рядом с домами промысловиков. Здесь база рыбаков госпромхоза. База – детище Анатолия Георгиевича. Возглавив охотничье-промысловое хозяйство в Елизово, он вместо сезонных времянок организовал строительство хороших домов для рыбаков, цехов для обработки рыбы. Тогда он не предполагал, что через несколько лет ему придется вступить в схватку за сохранение этой реки от посягательств гидростроителей. Без всякой предварительной проработки, консультаций со специалистами различных отраслей полуострова, изыскатели высадились на берег реки. Коваленков забил тревогу. В статье, опубликованной в областной газете, он доказывал на конкретных примерах пагубность проекта. Плотины преградят лососям путь на нерест, река лишится рыбы. Будет затоплена огромная территория, на которой обитают ценнейшие пушные звери – соболи, лисицы-огневки, рыси. Охотничье-промысловое хозяйство понесет огромные потери. В дискуссию вступили ихтиологи, геологи, работники природоохранных учреждений, поддержавшие Анатолия Георгиевича. Реку удалось уберечь от непродуманной затеи.

...Утром Коваленков и Болдырев перебрали лодочный мотор, проверили в работе. А в полдень наши лодки вышли в океан.

Идем у побережья Кромок. Здесь территория Кроноцкого государственного заповедника. Его площадь возросла за счет прибрежной морской части. Заповедный участок сразу выделяется обилием птиц. Большие стаи уток-камянушек, турпанов, чернети кормятся в море. Анатолий Георгиевич делает пометки на карте, каких птиц, где и сколько встречаем.

В бинокли видим: возле устья реки, на зеленой лужайке пасется медведь – словно корова, опустив голову, то ли щиплет траву, то ли ягоды собирает.

Сюрпризы следуют один за другим. На камне, террасами спускающемся к воде, разлеглись рыжие сивучи. Эти звери давно облюбовали камни в океане – безопасно и рыбы вокруг полно. А вот несколько морских котиков, очевидно прошлого года рождения, обнаружены здесь впервые. Отклонились по неопытности от маршрута на Командорские острова, где у них лежища, или привлекли чем-то эти камни?

Но еще больше обрадовала другая встреча – с каланами. Небольшое стадо морских выдр лежало на воде среди зарослей морской капусты. То один, то другой зверь нырял, а вынырнув, укладывался на спину и принимался за трапезу – разламывал панцирь морского ежа и вылизывал икру.

После открытия Камчатки, Командорских и Алеутских островов калан был обычным зверем у этих берегов. Но ценный мех, которым он обладает, сослужил ему плохую службу. В погоню за пушниной сюда устремились промысловики. О последствиях не думали – добывали кто сколько мог. К началу нынешнего века калан стал редчайшим зверем. Лишь запрет промысла, строгая охрана позволили отвести от него угрозу исчезновения. Потребовалось больше полувека, чтобы стада каланов возросли настолько, что стали заселять былые места обитания. Тяжелую судьбу пережили и морские котики. А вот морская корова, которую открыли участники экспедиции В. Беринга, зимовавшие на острове, полностью исчезла. Ее уничтожили спустя 27 лет промысловики, отправлявшиеся в дальние морские экспедиции – заготавливали вкусное мясо для походов. Горький опыт наших предков – урок для нынешних и последующих поколений. Уничтожить, подорвать запасы природных богатств легко, возродить – трудно.

Известно, что русских мореходов в океане часто преследовали штормы, циклоны, туманы. А как было во время нашего похода? Увы, Тихий океан с тех пор не стал смиреннее. Его капризы пришлось испытать сполна.

Наши предки, отправляясь в море, пытались предугадать погоду по положению облаков, направлению ветра, поведению животных, состоянию луны и солнца. Ненадежность, зыбкость прогноза порой оборачивалась трагедией. На вооружении нынешних мореходов – современные навигационные приборы, аппараты для приема с береговых метеостанций карт погоды через спутниковую систему.

Ежедневно мы слушаем по радиоприемнику прогноз погоды «Камчатка-метео». И хотя в различных местах полуострова он не совпадает, мы все же в курсе, какой сюрприз может приготовить кухня погоды. Впрочем, ^обстановка в море меняется столь быстро, что предусмотреть все невозможно.

Пересекаем Камчатский залив. Накануне по радио мы узнали, что с юга приближается циклон. Однако надеялись успеть проскочить залив до его подхода. Вышли рано утром. Пока шли под прикрытием берега, волны были небольшими. Но вот оторвались от него – и обстановка из-

менилась. Завихрения течений создают в заливе и без того толчею волн, а тут еще ветер. Весь залив — в белых барашках. И все ниже оседают тучи. Мы съезжаемся, лодки трутся борт о борт, пляшут на волнах. Совещаемся: не возвратиться ли? Анатолий разворачивает навигационную карту, вытаскивает компас. Смотрим на еле проглядывающие в тумане очертания вершин сопок. Решаем все же идти вперед.

– Держитесь за мной! – говорит Анатолий и врубает мотор. Некоторое время мы идем параллельными курсами, но затем Анатолий уходит вперед – его лодка, нагруженная меньше, чем наша, развивает большую скорость.

Опустившиеся тучи вскоре закрывают серым занавесом маячивший в тумане мыс. Никаких ориентиров. Вокруг лишь толчея волн. Теперь главное – не сбиться с курса, не проскочить мыс. Очутиться в открытом океане в такую погоду опасно. Вся надежда на опыт и мастерство лодочников.

Лодка прыгает по гребням волн, как телега на ухабах. Гух-гух-гух! – бьют по ушам звуки от ударов днища о воду. Ветер швыряет в лицо пригоршни брызг. Вдобавок тяжелые черные тучи разразились дождем. Мчимся среди сплошной водяной массы. Если бы не прорезиненные рыбацкие костюмы, мы давно были бы сплошь мокрыми.

Третий час лодки прыгают по водяным кочкам. От напряжения и однообразия ломит спину. Но ни остановиться, ни размяться. Вцепившись в руль, Николай Бондырев ловко маневрирует, успевает сбрасывать скорость при подъеме на волну и затем вновь добавляет питания» двигателю.

Вглядываюсь слезящимися от ветра глазами в кипящий залив, ищу лодку Анатолия Коваленкова. Маленькая скорлупка барахтается среди бушующих белых бурунов. Она то взлетает на гребни волн, то надолго пропадает из виду. Анатолий оторвался слишком далеко от нас. Случись что, сложно будет придти на помощь.

Какое мужество, силу духа, жажду «проводывать новые земли» нужно было иметь мореходам-первопроходцам, чтобы на небольших суденышках бороздить бурные северо-восточные моря. Более двух с половиной веков назад по заливу, который пересекают сейчас наши лодки, плясал на волнах небольшой бот «Святой Гавриил» под водительством Витуса Беринга. Он шел проводить, «сошлась ли Азия с Америкой». Из Нижне-Камчатска, тогдашней столицы полуострова, по реке Камчатке спускались в залив и уходили к берегам Чукотки, на Командорские и Алеутские острова экипажи промысловых и научных кораблей, полной мерой испытывая штормы и циклоны, холод и голод, болезни и другие лишения дальних морских походов. Представишь, что приходилось переживать в экспедициях первым мореходам, и уже не таким сложным кажется наш переход. Тем более, что впереди в рассеянном тумане проглянули контуры гор. Значит, идем мы верным курсом. В бинокль видим: Анатолий уже приближается к каменной гряде у берега. Конечная точка нашего сегодняшнего перехода немного дальше – мыс Африка. До вечера еще часа

три. Идти нам примерно час. Но ветер и продолжающийся дождь усложняют переход. Впрочем, все эти сложности померкли в сравнении с тем, в каких условиях нам пришлось высаживаться на берег.

Подошли к мысу Африки и ахнули. Берег усеян торчащими из воды камнями-кекурами, подводными рифами. Волны превращаются здесь в бурлящие, огромной высоты пенистые валы. У подножья сопки притулились домики метеостанции и полосатая, как тельняшка, башня маяка – очажки тепла. Но как высадиться на берег?

Анатолий Коваленков, маневрируя в этом хаосе волн, прикидывает место для высадки. Лодки пляшут на волнах, как необъезженные рысаки. Мы отходим немного назад, где волнение меньше. Анатолий подводит свою лодку к нашей: «Будем высаживаться между камнем и подводными рифами. Место опасное, но другого выхода нет. Прыгай ко мне, м говорит он. – Сначала мы выбросимся на берег, разгрузим лодку, и вытащим ее. Затем Бондырев подойдет».

Так и делаем. Анатолий выбирает удобный момент, включает скорость, ловит волну и с разгона, на ее гребне несется к берегу. Ударившись о каменную твердь, волна откатывается, а лодка со скрежетом оседает на гальку. Спрыгиваем на землю, хватаем ее «под бока» и тащим от воды. Но следующая волна с силой обрушивается на лодку, разворачивает ее бортом. Невероятными усилиями пытаемся удержать ее в прежнем положении. «Осторожно, ноги переломает!» – кричит мне Анатолий. Под напором огромных масс воды лодка елозит, бьет по ногам. Волны то и дело окатывают нас, в сапогах полно воды, хлещет дождь, но мы не обращаем на это внимания. Снимаем канистры с горючим, ящики с продуктами. Кое-как огромным усилием удается оттащить тяжеленную посудину немного в сторону.

Смотрим на Бондырева, качающегося на волнах и приходим в ужас. Прибой разыгрался с такой силой, что ставит лодку в вертикальное положение. Как Николай Павлович умудряется удерживать ее, чтобы она не перевернулась, одному богу известно.

«Давай!» – машет рукой Коваленков, и Бондырев, выбрав момент, несется среди бушующего вала к берегу...

Промокшие до нитки, уставшие, еле передвигаем ноги, плетемся к домику метеостанции.

– Да, Африка, будь она неладна, – смеемся мы, отхлебывая горячий чай. От метеорологов узнаем: мыс назван по имени корабля, на котором моряки исследовали побережье. Наверное, как и нам, экипажу пришлось хлебнуть много лиха у этих берегов. А на следующее утро, проснувшись, не поверили своим глазам. По-южному яркое, ласковое солнце, голубое небо, зеркальная гладь океана. Тишина. Будто и впрямь оказались в Африке. «Это награда за ваши вчерашние мучения», – говорят ребята-метеорологи.

Пьем чай, укладываем вещи, продукты и – в путь. Плыть в такую погоду – одно удовольствие. Опрокинувшись, отражаются в зеркале океанских вод зеленые сопки, черные зубы скал с

белыми языками нарастающего снега. Рядом с лодками шлепаются кайры и бакланы – ныряют за рыбешкой. В другом месте видим удивительную картину – разрезая черными острыми плавниками поверхность воды, ходят кругами киты-косатки. Резвятся или гоняются за добычей?

Позади остаются река Озерная, поселок Оссора, где продолжительное время работали в госпромхозе Анатолий Коваленков и Николай Болдырев. Здесьние места им хорошо знакомы. В проливе Литке, который мы сейчас пересекаем, они промыслили весной нерп. Однажды лодку Николая Болдырева зажали дрейфующие льды. Их тянуло в океан. Ночь провел он на льдине в ожидании, пока не подул ветер и не разогнал льды.

Мы берем курс на остров Верхотурова. Пролив Литке, остров Верхотурова, бухта Гека, мыс Голенищева, коса Семеновская... В этих названиях увековечены имена мореплавателей – капитанов, штурманов, промысловиков. Географические имена несут признаки времени своего рождения, за каждым из них – истории, связанные с открытием, исследованием, освоением. Витус Беринг, например, открытые экспедицией места называл по церковному календарю – залив Креста у берега Чукотки, остров Святого Лаврентия в Беринговом море, гора Святого Ильи на Аляске. Шкипер Гек, промысливший китов, две красивейшие бухты на севере Камчатки назвал именами своих дочерей Наталии и Анастасии.

А вот еще одно таинственное название – Бухта ложных вестей. Что скрывается за ним? История его происхождения уходит в прошлый век. Отправляясь на поиски бухты, удобной для стоянки судов, мореплаватель Литке получил сведения, что такое место есть у острова Каргинский. Увы, вести оказались ложными. Гидрографические замеры показали: бухта мелководна, не защищена от ветров. Таким образом, за поэтическим названием – любопытная страничка исследований.

Ровно, словно шмели, гудят лодочные моторы. Стремительно приближается гористый остров Верхотурова. Уже заметен зеленый бок острова и справа – полосатый маяк. Мелькнули по курсу желтоватые туши морских зверей. Моржи или сивучи? Издали разглядеть не удастся. И вот лодки утыкаются носом в галечный берег. Мягкий плеск волн. Тихо, тепло. Вытаскиваем и закрепляем лодки на берегу. На зеленой лужайке у речушки ставим палатку. Собираем плавник – выбросы разбитых ящиков, бочек, бревен. Вспыхивает яркий огонь костра...

Нам предстоит провести на острове несколько дней. Главная наша цель – выяснить, образуют ли на острове лежбища моржи. Однажды, по сведению Анатолия Георгиевича, они заходили сюда. Но сейчас их не видно. Вскоре становится ясна и причина отсутствия зверей – в первый же обход обнаруживаем на берегу труп моржа. Клыки обрублены, кто-то охотился и распугал зверей. Разгадка произошла буквально на следующий день. На горизонте показался рыболовный сейнер. Он быстро приближался и почти воткнулся в берег. Но увидев нас с кино- и фотоаппаратами, рыбаки растерялись. Быстро выбрали якорь и драпанули от острова. Так вот кто устраивал набеги

на моржей! Спустя несколько дней на противоположной стороне острова мы обнаружили еще два погибших моржа. А вечером увидели в бинокль и живых зверей. Они ныряли, отдыхали на воде, но на берег не выходили.

Остров Верхотурова – заказник. Его скалистые берега усеяны гнездами морских птиц – чаек, бакланов, кайр, топорков, чистиков. На прибрежных камнях – лежбища нерп, сивучей. На острове живет небольшая колония белых песцов.

Мы ходим на лодке вокруг острова, высаживаемся на берег и прибрежные камни, фотографируем птиц и сивучей. Анатолий снимает на кинокамеру.

На календаре – 30 июля. Во время обеда узнаем: у Анатолия Георгиевича – день рождения. Поднимаем тост за нашего командора. Анатолий Георгиевич много лет работал на севере Камчатки охотоведом. На собачьих упряжках исколесил тундру. Став директором охотничье-промыслового хозяйства в Оссоре, вывел его в передовые. Переехал в Елизово – и здесь госпромхоз стал лучшим на полуострове. Умелый хозяйственник, он мною средств вкладывает в охрану природы. По его инициативе на остров Беринга для улучшения местного стада диких северных оленей завезена группа этих животных с острова Карагинский. Во время нашего похода Анатолий Георгиевич собирает сведения о местообитании птиц и зверей. Они помогут в разработке рекомендаций по охране животного мира побережья.

За сутки до отхода с острова обнаруживаем: моржи вышли на берег. Утром идем с Анатолием на лежбище, потом ползем с кино- и фотоаппаратурой. Развалившись на песчаном пляже у самой воды, нежатся на солнце около сотни клыкастых зверей. Радостно, что стада самых крупных ластоногих северных морей расширяют границы своего обитания. Значит, растет их численность, подорванная к началу нынешнего века чрезмерным промыслом российских и иностранных флотилий.

На следующий день покидаем остров. Курс – поселок Тиличики. Пройдено более тысячи километров вдоль побережья. Путешествие еще только заканчивается, а мы уже думаем о новых походах.

Что тянет человека в странствия? Причину, которая толкала землепроходцев и мореходов на поиски и освоение новых земель, исследователи чаще всего называют погоню за пушным зверем – соболем, каланом, морским котиком. Все это так. Но вот что пишет Витус Беринг тетке Маргарет 1 марта 1730 года после возвращения из Первой Камчатской экспедиции: «Я должен признать, что желание моей молодости попутешествовать исполнилось, ибо это путешествие совершилось мимо Китая и Японии, но при этом оно не может сравниться с путешествием в Ост-Индию, как по суше, так и по морю».

Жажда познания, поиска, стремление видеть новое зовут людей в дальние походы. После нашего перехода Анатолий Коваленков и его друг Валерий Волков прошли на лодках вдоль по-

бережья Камчатки и Чукотки до Берингова пролива. А группа курсантов и преподавателей Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени Г. Невельского под руководством Леонида Лысенко и Владимира Манна совершили серию походов на яхтах по маршрутам русских мореходов от Охотска до города Ситки на Аляске.

В городе Ситке, бывшем Новоархангельске – столице Русской Америки, яхтсмены передали в исторический музей, где собрана коллекция предметов быта и образцов одежды русских мореходов и промысловиков, ряд находок с места последней стоянки экипажа Витуса Беринга на острове, который носит его имя.

За полтора-два часа до отхода из Ситки на яхты явились три женщины – делегация из города Фэрбенкса. Жители узнали из газет о «смелом путешествии русских под парусами» и прислали делегацию с посланием от мэра. Подчеркнув выдающуюся роль русских мореходов в открытии и исследовании Аляски, мэр Фэрбенкса Хуанита Хелмс провозгласила в послании: «Поскольку во взаимных интересах двух стран активизировать работу по укреплению контактов и взаимопониманию, жители Фэрбенкса страстно желают дружбы со своими соседями на Дальнем Востоке и в Сибири через установление побратимских связей».

И такие шаги по углублению связей и контактов последовали. После первой экспедиции дальневосточных яхт совершили походы на Аляску камчатские мореходы на яхтах «Авача» и «Тарпон». Между Петропавловском и Датч-Харбором на Уналашке заключен Договор о побратимстве. Военные представители США и России договорились о совместных операциях по поиску и спасению терпящих бедствие в Беринговом море. Подписано соглашение о совместных исследованиях по рыболовству в северной части Тихого океана. Набирают силу ростки взаимовыгодного экономического сотрудничества, туризма, расширяется обмен художественными выставками и коллективами, преподавателями школ и вузов.

Общее прошлое двух великих народов – русского и американского – важный фундамент, на базе которого строятся нынешние отношения мира, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества. Пожелаем успеха в этом направлении!